

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНФОРМАТИКИ И РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ»

Кафедра философии

Г. И. Малыхина, Ю.А. Харин, Л.Н. Александрова,
Д.В. Ермолович, М.Р. Дисько

***ИДЕОЛОГИЯ
И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ***

Пособие
для студентов, магистрантов и аспирантов БГУИР

Под ред. Г.И. Малыхиной

Минск 2007

УДК 1 (075.8)
ББК 87 я 73
М 20

Рецензент:
вед. науч. сотр. Института философии НАН Беларуси,
д-р филос. наук А.П. Трофименко

Малыхина Г.И.

М 20 Идеология и мировоззренческая культура личности : Пособие для студ., магистрантов и аспирантов БГУИР / Г.И. Малыхина и др. – Мн. : БГУИР, 2007. – 105 с.

ISBN 985-488-071-0

В пособии раскрывается философский смысл понятий «рациональность», «наука», «идеология», «аргументация», «убеждение», «мировоззрение», «цивилизация», «культура», «ценность», «нравственность» как универсалий культуры и мировоззренческих смыслов современной философии. Обосновывается синергийный характер развития социальных и духовных процессов. Обсуждаются проблемы образования, культуры личности.

УДК 1 (075.8)
ББК 87 я 73

ISBN 985-488-071-0

© Малыхина Г. И., Харин Ю. А.,
Александрова Л.Н., Ермолович Д.В. ,
Дисько М.Р., 2006
© БГУИР, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Г.И. Малыхина)	4
Мировоззрение, философия, идеология как универсалии культуры (Г.И. Малыхина).....	11
Проблема рациональности в контексте западно-европейской цивилизации и культуры.....	11
Синергетика и проблема устойчивого развития	17
Идеологическая картина мира в социокультурном измерении.....	23
Идеология в современном мире	27
Этика в современном мире.....	31
Проблема свободы в этике.....	33
Прикладная этика. Проблемы и направления.....	35
Нравственный кодекс коллектива БГУИР	36
Философия и идеология (Ю.А. Харин).....	38
Идеология как феномен духовной синергии	38
Идеологические средоточия философии	40
Социальная ангажированность материалистической диалектики	45
Философия и идеология практического гуманизма	48
Культура и ее ценности (идеологический аспект) (Л.Н. Александрова).....	54
Понятие культуры в истории философии.....	54
Аксиологическая природа культуры.....	58
Идеология культуры и культура идеологии	61
Идеологическая культура и свобода личного самоопределения (Д.В. Ермолович).....	68
Идеология и идолология. Культура и культ	68
Идеология как умопостижение жизни: первичное и вторичное умопостижение. Рабочее определение эйдоса	69
Культура как технология самоопределения. Эйдос культуры. Представление об идеологеме: аффективные и перцептивные идеологемы.....	70
Богатство форм самоопределения. Эйдосы разнообразия и уникальности. Представление о формирующей идеологеме	71
Проблемы самоактуализации и практической идеологии. Эйдосы свободы и детерминации	73
Уникальная детерминация человеческой индивидуальности. Онтогенез индивидуального сознания: социализация, персонификация, индивидуализация. Эйдосы меры и смысла.....	76
Культура идеологизации или идеологизация культуры. Эйдос эйдоса: парадигма и эталон. Представление о формируемой идеологеме: эффективные и актуальные идеологемы.....	82
Логика, аргументация, убеждение (Г.И. Малыхина, М.Р. Дисько).....	84
Общая характеристика аргументации. История вопроса.....	84
Теория аргументации: определение, структура, виды, правила.....	86
Правила аргументации	94
Заключение (Г.И. Малыхина)	98
Словарь основных терминов	100
Литература	104

Введение

Теоретико-методологическая и практическая значимость обсуждаемых в данном пособии проблем идеологии и мировоззренческой культуры личности обусловлена рядом причин, связанных современным состоянием и динамикой развития науки, философии, общества и культуры в целом. *Первая причина* связана с новым образом науки и научного знания, складывающимся в современной теории познания; с современной научной картиной мира, формирующейся под влиянием синергетики, а также с критическим переосмыслением философских оснований современной науки, исследованием философско-методологических оснований неклассической и постнеклассической форм науки и самой философии. Наука – живой организм, и всегда остается возможность обнаружения в её предмете чего-то такого, что по разным причинам долгое время ускользало от внимания ученых. Философское же осмысление науки призвано рассматривать достижения последней как *ценностей культуры*, а саму философию – как связующее звено между различными областями научного знания, способствующее сохранению преемственности, адекватной интерпретации сложных или спорных ситуаций в науке, разработке новых, перспективных стратегий развития науки и техники.

В этом смысле история философии являет собой богатую кладовую различных форм рационального знания и способов познавательной деятельности. Все они обусловлены определенными интеллектуальными запросами своего времени, а также особенностями социально-культурных и исторических реалий.

Как известно, эпистемологический, т.е. познавательный статус классической философии определен её субъектно-объектной природой и исчерпывающим параллелизмом бытия и мышления, между которыми нет никакого посредника.

Развитие опытного естествознания в эпоху Нового времени акцентировало ценность данных наблюдения и эксперимента. Для эмпириста Ф. Бэкона критерием истинности познающего субъекта являлись факты опыта, не подвластные идолам сознания, не замутненные никакими логическими, теологическими и математическими доводами. Рационалист Р. Декарт абсолютизировал независимость теоретических конструкций от эмпирии и полагал критерием истинного знания интеллектуальную интуицию. Сформировавшаяся в это время контрверза рационализма и эмпиризма как двух концепций философии и методологии определила дальнейшее развитие науки и философии.

И. Кант в своем «гносеологическом перевороте» пытается устранить эту антитезу, «обнаружив» активную природу познающего субъекта. Однако его концепция «чистого разума» и противопоставление теперь уже трансцендентального эмпирическому не позволили преодолеть крайности эмпиризма и рационализма и стимулировали дальнейшее развитие спекулятивной метафизики у Гегеля. В свою очередь Г. Гегель создал

захватывающую дух картину формообразующей активности мышления в процессе его имманентного развития. При этом он исследовал «рассудок» и «разум» как разные способы познания и два типа мышления. Поскольку рассудок ограничен пределами конкретного познавательного цикла, разум преодолевает ограниченность рассудка, превращаясь в диалектическое мышление. Логика Гегеля образует структуру реальности, которую не в силах изменить даже сам Господь Бог, который и есть логический порядок мироздания. Итогом обожествления логики у Гегеля явилось учение о тождестве мышления и бытия.

Принципиально новым словом в преодолении этого тождества явилась теория К. Маркса и его учение о практике как основе познания и критерии истинности знаний. Однако неудовлетворенность исключительно гносеологической трактовкой истины в классической науке и философии обусловила «поворот» философии к жизни и появление новых, неклассических образов философской мысли, и в первую очередь экзистенциализма. И нужно признать, что изначально, с момента своего возникновения философия удовлетворяла не только методологические запросы науки, но и смысло-жизненные искания человека, общества и культуры в целом.

В ходе развития представлений о мире и процедурах его исследования менялись и взаимоотношения философии и науки. В XX в. бурный прогресс науки вновь реанимировал методологические установки рационализма в виде логического позитивизма. На этот раз математическая логика была провозглашена Органоном научной картины мира, а философия приобрела лингвистическую ориентацию. Однако и на этот раз реальная наука оказалась сложнее, и все попытки заключить её в простую логическую схему не увенчались успехом.

Дальнейшее развитие философских оснований науки связано с *идеей активности познающего субъекта*, уже не изолированного от изучаемого мира, а включенного в него и взаимодействующего с ним. Благодаря трудам А. Эйнштейна, Н. Бора, И. Пригожина, В.И. Вернадского и др. современная наука описывает мир в терминологии теории систем разных типов. Тезис о ценностной нейтральности науки (на протяжении веков считавшийся её атрибутивным свойством) ставится в зависимость от мировоззренческих и методологических установок определенной картины мира.

Таким образом, изменение образа рациональности и появление неклассических форм знания во многом обязано философии. Нельзя сказать, что философия легко и без потерь обретает свои новые формы и современное содержание. Достаточно вспомнить антисциентистские настроения и критику рационализма последних лет.

Наиболее деструктивно «отреагировал» на разочарование в классической философии и её представлениях о разуме и истине постмодернизм, демонтировавший весь классический концептуальный каркас. Как известно, в постмодернизме понятие «истины» отсутствует. В ходе ревизии классической гносеологии не остался без внимания и такой резерв познавательной активности субъекта как сфера иррационального. Даже логик К. Поппер

признает, что выдвижение гипотез осуществляется интуитивно, логика лишь подтверждает гипотезу.

Все это вынуждает признать, что устойчивый интерес к иррациональному в современной философской культуре свидетельствует о неудовлетворенности наличными рациональными средствами и процедурами для описания и понимания реального мира.

В новой постнеклассической науке стираются жесткие грани между научными и гуманитарными областями знания. Сам человек становится не только субъектом, но и объектом современной науки. Между познающим сознанием и бытием обнаруживается посредник в виде человеческой деятельности и культуры. Ценности и жизненные смыслы, складывающиеся в культуре, гуманитарные ценности оказываются связанными с поиском истины. Научное познание начинает все чаще рассматриваться в социальном и культурно-историческом контексте, а в стратегиях научного поиска все ошутимее звучат гуманистические ориентиры.

Из этого следует, что содержание и методы науки XXI века предполагают органический синтез рационального и ценностно-ориентационного способов научного мышления.

Вторая причина имманентно связана с первой и касается итогов публичного обсуждения перспектив человеческой цивилизации на форумах различного уровня. К их числу относятся зарекомендовавшие себя не только в Беларуси международные чтения «Великие преобразователи естествознания» (20-е, Юбилейные чтения прошли в ноябре 2004 г. и были посвящены научному творчеству Нобелевского лауреата Ж. Алферова, 21-е – в ноябре 2006 г., посвящены М. Планку), международная научная конференция «Тенденции духовного развития современного общества. Наука. Философия. Нравственность», организованная в сентябре 2004 г. Институтом философии НАН Беларуси, и IV Российский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации», проходивший в Москве в мае 2005 г. и ставший несомненно «программным» в современных философских исследованиях. Конгресс собрал не только рекордное число участников (2250 человек из 34-х стран всех континентов мира, делегации стран СНГ, включая Беларусь; опубликовано 5 томов, содержащих 3800 тезисов). Он явился высокопрофессиональным обсуждением проблем, тенденций и перспектив развития современной цивилизации. В дни конгресса работали около 40 секций, проходили различные симпозиумы, «круглые столы» и др.¹ Все они вели содержательный диалог об общественном предназначении философии, о роли гуманитарного знания в выработке современных мировоззренческих образов культуры и цивилизации, о противоречивой судьбе национальной культуры в условиях глобализации, о кризисе личности в техногенном мире. Авторитетность конгресса была подчеркнута в приветственной телеграмме Президента России В.В. Путина, Патриаршего Экзарха Всея Беларуси Митрополита Минского и Слуцкого

¹ Общий анализ конгресса дан в отечественной периодике, например, в статье проф. В.В. Познякава «IV Российский философский конгресс». – Чалавек. Грамадства. Свет, 2005, № 4.

Филарета и многих других. Незабываемое впечатление оставили пленарные доклады: «Знание и мудрость в глобализирующемся мире» - доклад Ректора МГУ академика В.А. Садовниченко о соотношении рационального, научного знания и мудрости; доклад академика В.С. Степина «Философия в эпоху перемен» о понятии «тип цивилизационного развития» и тех мировоззренческих универсалиях (сегодня в их числе – власть, сила, свобода), которые определяют конкретно-исторический тип цивилизации (традиционный, техногенный), формируют жизненные смыслы и образуют культурно-генетический код доминирующих ценностей того или иного типа личности. Идея укрепления национально-культурного иммунитета в условиях глобализации и экспансии западной культуры была продолжена в докладе профессора Санкт-Петербургского университета А.С. Кармина «Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы»; проблемам адаптации культур к глобальному информационному пространству был посвящен глубокий доклад декана философского факультета МГУ, профессора В.В. Миронова «Современное коммуникативное пространство как фактор трансформации культуры и философии». Если проф. А.С. Кармин призвал к точному употреблению неравнозначных, по его мнению, понятий «философия культуры» и «культурология», то проф. В.В. Миронов определил культуру как адаптивный механизм верхнего, идеального типа (элитарная, удаленная от повседневности культура) и нижнего, карнавального (термин М.М. Бахтина) типа (массовая культура, в том числе массовизация высшего образования). Формы взаимодействия между ними, преобладание той или другой и создает «культурное» содержание исторической эпохи, определяет ее взлеты и падения. Понятие «качество культуры» было проанализировано в пленарном докладе профессора Н.В. Мотрошиловой «Варварство как обратная сторона цивилизации». Название доклада говорило само за себя и подтверждало мудрость слов другого известного мыслителя: «Нет ничего страшнее цивилизованной дикости». Пафос доклада был связан с пониманием варварства как насилия и дисгармонии, подменой содержания (например, демократии – антидемократией) и др. Доклад профессора В.Е. Кемерова «Социальная философия и образы будущего» завершил пленарную часть конгресса важным тезисом об императивном значении философско-методологической культуры мышления. В ходе конгресса был установлен вектор исследований будущего человеческой цивилизации: несомненно, это будущее связано с культурой, с анализом взаимосвязей культуры и цивилизации, с поиском в ней «точек роста» (В.С. Степин) и основополагающих, мировоззренческих ценностей (универсалий культуры). Идеи конгресса стали парадигмальными и для данного пособия.

Наконец, *третья причина*, определившая круг обсуждаемых в данной работе проблем, связана с повышением в нашем государстве внимания к идеологии в теоретическом и практическом плане. Философами, политологами, социологами в настоящее время активно исследуется содержание термина «идеология», выявляются формы практического взаимодействия идеологии с различными социальными процессами, в том числе и образовательным,

определяется понятие «идеологической культуры» как составляющей мировоззренческой культуры личности.

Современная концепция высшей школы Республики Беларусь органически содержит в себе идею идеологического сопровождения учебно-воспитательного процесса в вузе. Данная идея обусловлена как государственной политикой в сфере образования, так и предназначением самой высшей школы, выполняющей социальный заказ на высококвалифицированных специалистов с активной гражданской и жизненной позицией, с высокими нравственными и духовными ценностями.

Приоритетной целью политики Белорусского государства является переход к устойчивому развитию общества, «устойчивость» которого в свою очередь связана с решением основных задач – созданием социально ориентированной экономики, повышением благосостояния народа и гуманизацией жизни людей. Опыт постсоветских трансформаций в атмосфере деидеологизации недавних лет убеждает, что общественный прогресс во многом зависит не только от профессиональных знаний и умений его граждан, но и от способности людей понимать сущность происходящих в обществе социально-экономических преобразований, от их убеждений и ценностей, от их приверженности идеалам патриотизма, гражданственности, трудолюбия, духовно-нравственного совершенства.

Сегодня активно ведется работа над теорией, определяющей содержание нашей идеологии, издаются учебники и научно-методические пособия; наряду с разработкой концептуальных основ идеологии идет также поиск значимых и интересных форм её практической реализации. Определенным итогом и ещё одним реальным шагом в данном направлении явился прошедший 14 июня 2005 г. городской семинар для руководителей высших учебных заведений «Организация идеологической и воспитательной работы в учебных заведениях (на опыте БГУИР)».

Участники семинара имели возможность не на словах, а на деле убедиться в практических результатах созданной в БГУИР системы идеологической и воспитательной работы,² начиная с учебной аудитории и заканчивая общежитиями и спортивными объектами.

Идеологическое сопровождение образовательно-воспитательного процесса в вузе в значительной степени зависит от всесторонней теоретической разработки вопросов, связанных с определением самого понятия идеологии, с современным пониманием идеологии вообще и белорусской идеологии в частности, с установлением роли идеологии в формировании мировоззренческой культуры личности, в реализации активной жизненной позиции и гражданской ответственности. В современной философии идеология рассматривается как необходимый элемент духовной жизни, один из уровней

² Лукьянец С.В., Хмыль А.А., Малыгина Г.И. Опыт организации идеологической и воспитательной работы в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы 7-й Международной научно-методической конференции, Минск, 1–2 ноября 2005 г. Мн. : РИВШ, 2005. С. 153–154.

общественного сознания сложной социальной системы, в которой сознательные действия и усилия людей реализуются при наличии многих стихийных факторов.

Не секрет, что слово «идеология» воспринимается разными людьми по-разному. Одни видят в ней организующую силу, объединяющую людей в их действиях по сохранению или изменению социальных отношений. Другие соотносят ее сугубо с политическими действиями и отождествляют с государственной идеологией. Третьи вообще смутно представляют себе значение термина «идеология» и относятся к нему а priori настороженно, а то и негативно. Поэтому идеологическое сопровождение образовательно-воспитательного процесса в вузе включает как повышение теоретического уровня в вопросах идеологии, так и идеологический практикум. Данной работой профессионально занимаются в первую очередь преподаватели кафедр философии и гуманитарных дисциплин. Теоретическое освещение проблем идеологии осуществляется в курсах «Философия», «Культурология», «Логика», «Этика», «История Беларуси», «Основы идеологии Белорусского государства», «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны», «Социология». Однако, одних теоретических знаний недостаточно. Как говорил Ф. Достоевский: «Чтобы жить мудро, одного ума мало». Важно, чтобы знания соединялись с мудростью, опытом, традициями, культурой своего народа и превращались в убеждения, выражали определенный социальный идеал. Только образованный и воспитанный на идеалах своего Отечества гражданин способен стать патриотом своей страны. Эта непростая задача предполагает соответствующую атмосферу вуза, способствующую творческому становлению профессиональных и личностных качеств студентов, взаимодействие между собой преподавателей и всех категорий учащихся в аудитории и вне ее. На создание такой атмосферы нацелен целый ряд практических форм: еженедельное информирование студентов всех курсов по актуальным проблемам внутренней и внешней политики Республики Беларусь, участие в республиканских смотрах, выставках и конкурсах, кураторская работа, творческие встречи, беседы в общежитии по молодежной проблематике, посещение музеев, участие в музыкальном и художественном творчестве и многое другое.

Хотя студенты являются главным субъектом идеологического просвещения, однако не остаются без внимания и магистранты и аспиранты. Кафедрой философии, например, в 2003–2006 гг. был организован спецкурс для магистрантов и аспирантов, приглашающий к размышлениям о судьбах идеологии в современном мире. Общее название спецкурса «Идеологические средоточия современного философского знания» включало следующие темы: «Философия и идеология» (лектор – проф. Ю.А. Харин), «Общество и культура (идеологический аспект)» (лектор – доц. Л.Н. Александрова), «Логика и современные средства убеждения» (лектор – зав. кафедрой Г.И. Малыхина), «Этика и идеология» (лектор – доц. Д.В. Ермолович). Основные выводы спецкурса также отражены в данной работе.

Сегодня можно констатировать, что БГУИР нашел свое место в этом важном и благородном деле – воспитании и образовании учащейся молодежи. Об эффективности системы образования и воспитания университета говорят следующие факты: востребованность наших выпускников на рынке труда; позитивная оценка работы коллектива при рассмотрении Министерством образования вопроса о придании университету статуса вуза, ведущего в отрасли; активная гражданская позиция студентов по участию в республиканском референдуме и выборах; стремление к здоровому образу жизни и самая низкая заболеваемость студентов среди вузов г. Минска и др.

Библиотека БГУИР

Мировоззрение, философия, идеология как универсалии культуры

Проблема рациональности в контексте западно-европейской цивилизации и культуры

Ключевой универсалией для западно-европейской культуры является понятие «рациональность». Способность человека разумно мыслить и обретать силу в знании становится определяющей в понимании культуры. От содержания понятия «рациональность» зависит понимание науки, философии, культуры, их мировоззренческое значение и аксиологическая субординация в рамках определенной картины мира. Однако, являясь центральным в европейской культуре, понятие рациональности толкуется разными исследователями по-разному. Как справедливо отмечает В.Н. Порус, несмотря на то, что без обсуждения темы рациональности «не обходится практически ни одно современное философско-методологическое исследование», споры вокруг нее не только «не утихают», но и «становятся все более острыми» – нет ни общепринятого определения «рациональность», ни вообще «согласия в том, что считать проблемой, связанной с этим понятием»³.

Согласно точке зрения, эталоном рациональности выступает наука и присущая ей совокупность «свойств и характеристик научного мышления, проявляющихся в практике научных коммуникаций»⁴.

Восприятие науки как единственной носительницы рациональности связано с логикой развития европейской цивилизации. Именно в узурпации наукой сферы рациональности многие видят печальные, но закономерные результаты научно-технического мышления современного европейца, заставляющие всерьез задуматься о будущем человеческой цивилизации. Об этом следует помнить всем культурам, так или иначе «зараженным» западно-европейским восприятием и в той или иной степени копирующим западные модели развития.

Глобальные проблемы современности являются материальным и духовным результатом техногенной цивилизации, объективацией ценностей культуры данного исторического типа. Не вдаваясь в детальные характеристики, отметим лишь основную идею «генетического кода» (В.С. Степин), который определяет само существование и эволюцию техногенных обществ. Речь идет об идее *преобразования мира и подчинения человеком природы*, которая оформляла культуру техногенной цивилизации. «Техногенная цивилизация существует чуть более 300 лет, но она оказалась весьма динамичной, подвижной и очень агрессивной: она подавляет, подчиняет себе, переворачивает, буквально поглощает традиционные общества и их культуры – это мы видим повсеместно, и сегодня этот процесс идет по всему

³ Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 7.

⁴ Там же. С. 9.

миру. Такое активное взаимодействие техногенной цивилизации и традиционных обществ, как правило, оказывается столкновением, которое приводит к гибели последних, к уничтожению многих культурных традиций, по существу, к гибели этих культур как самобытных целостностей»⁵.

Если традиционное общество больше придерживалось циклического представления, повторяемости в развитии мира, а образцовое поведение базировалось на невмешательстве в протекание природного процесса и подражании предкам с целью адаптации индивида к социальной среде (например принцип «у-вэй» в Древнем Китае), то движущей идеей техногенной цивилизации была и есть иная мировоззренческая установка. Согласно ей деятельность человека имела и имеет целью удовлетворение своих потребностей за счет изменения и подчинения внешнего мира. Поэтому, если традиционная культура ограничивала и сдерживала преобразовательные амбиции человека, побуждала его к поддержанию привычного уклада жизни через практику внутренней самодисциплины и нравственного самосовершенствования, то культура техногенного общества направляла силы человека вовне, на переделку внешнего мира. Сам ход истории стал восприниматься уже не как повторяющийся процесс, а как необратимое движение от прошлого через настоящее в будущее.

Почему же возник данный тип общества? Ответ кроется в логике самого европейского развития. Уже в античности оформились основные идеи, ставшие позднее основополагающими принципами прогрессизма: идея справедливого социального устройства (идея демократии) и идея научной познаваемости мира. Таким образом, уже в античности знание (наука) стало посредником между миром (природным и социальным) и человеком. Средневековые уподобило человека Богу и «разбудило» в нем креативные силы. Пробуя их сначала в постижении смыслов, заложенных Богом при создании мира, человек постепенно подбирал ключи и к самому миру. Возрождение явилось той средой, в которой ценности античной культуры встретились с «новым» человеком – креативным и богоподобным. «И вот с этого момента закладывается культурная матрица техногенной цивилизации, которая начинает свое собственное развитие в XVII веке. Она проходит три стадии: сначала – преиндустриальную, потом – индустриальную и наконец – постиндустриальную. Важнейшей основой ее жизнедеятельности становится прежде всего развитие техники, технологии ..., генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы»⁶.

Современное определение техники как совокупности действий знающего человека, направленных на преобразование внешнего мира (К. Ясперс) по-прежнему подчеркивает новую систему ценностей, сложившуюся в рамках техногенной цивилизации. Что-либо новое, оригинальное (сегодня чаще именуемое как инновационное) предстает визитной карточкой нового мировосприятия, а наука становится синонимом рациональной эпохи.

⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. С. 21–22.

⁶ Там же. С. 21.

В основе классического типа рациональности лежат ценности, императивы, идеалы и нормы новоевропейского мировоззрения. Его «ядром» является наука, понимаемая как высший и наиболее аутентичный способ репрезентации действительности, образец (для других форм культуры) обоснования и представления знаний, единственный правообладатель на истину, инструмент организации социальной жизни и воспитания человека. Это означает, ни много ни мало, что, начиная с Р. Декарта (имя-символ), наука возложила на себя обязанности, с которыми прежде «не справилась» религия, а именно – отвечать за все в мире, быть судьей. С XVIII столетия и по сей день длится эпоха «просвещения», понимаемого как распространение в обществе научных знаний и приложения их к перестройке всего общественного здания на началах «разума» и «справедливости».

Для классического рационализма свойственно отождествление познания с пониманием, гносеологии с онтологией. Бытие становится возможным представить в виде концептуально оформленной системы взаимосвязанных философских категорий (Гегель) или математических уравнений (Лаплас). Тем самым оно снимается в сущем, т. е. знании сущности. Последняя как бы «извлекается» из вещей, через естество-испытание (эксперимент) с последующим представлением результатов в виде объективно-истинного знания (понятия, теории, закона). Вместе с тем сам человек как бы выпадает из конгениального порядка взаимосвязи вещей и идей и потому волен манипулировать с веществом природы и социальной материей в соответствии с познанными вечными законами мироздания. Ведь если мир представляет из себя закономерную упорядоченную реальность, то, создав необходимые технологии, разумное существо способно изменить природные процессы и поставить их себе на службу. Так возникает тип развития, основанный на ускоряющемся изменении природной и социальной среды, в которой живет человек. Однако целенаправленное изменение жизненного уклада сопровождается серьезными социальными трансформациями. Происходит постоянное изменение социальных связей людей, форм общения и типов коммуникации. Формируются соответствующие типы личности и образ жизни.

Всякие иные типы рациональности и генетически связанные с ними формы жизни оценивались как ошибочные или просто игнорировались. Отсюда и соответствующее пренебрежительное отношение европейцев к социокультурному наследию колонизированных земель и народов. Для многих стран Африки и Южной Америки «европейская модель развития» превратилась в прокрустово ложе индустриальной цивилизации и кладбище традиционной культуры.

Между тем процесс рационализации индустриальной цивилизации к концу XIX – началу XX столетия стал во все большей мере обнаруживать как внутреннюю противоречивость, так и внешнюю проблематичность. Так О. Шпенглер⁷ был одним из первых, кто поставил под сомнение эталонность культуры Европы, в том числе и западную философию культуры в

⁷ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

интерпретации неокантианцев. Одновременно З. Фрейд обнаруживает и погружается в прежде немеренные глубины бессознательного Ego.

Параллельно с философским переосмыслением классической парадигмы ratio в это же время происходят фундаментальные перевороты внутри самой науки, а также в искусстве и литературе. Кризис, поразивший науку, и прежде всего физику, свидетельствовал об ограниченности мировоззрения, «ядром» которого была классическая наука, «отказавшаяся» от человека (в форме познающего субъекта) в целях укрепления статуса объективного знания.

Общим лейтмотивом становления неклассических форм знания (науки, философии, искусства) стало смещение акцентов в прежнем видении природы, человека и их взаимосвязи. Ученый и художник во все большей степени начинают «присутствовать» в результатах своего труда. В первом случае через указание на приборы, средства и процедуры познавательной деятельности, а во втором – через акцентирование авторского взгляда, подчеркивание роли случайных факторов, впечатления (impression) в восприятии и репрезентации действительности.

Таким образом, реальность утрачивает свою классическую определенность и указывает на ограниченность логико-рациональных средств её постижения. Разумеется, если под культурой в целом понимать её преобразовательную способность, в том числе и в виде науки и технических средств, удовлетворять растущие потребности постоянно увеличивающегося человечества (креативное определение культуры), то следует признать, что в этом смысле индустриальная цивилизация не знает себе равных. Однако если в качестве критерия рассматривать способность культуры эффективным образом адаптировать общество и человека к окружающей среде, то вряд ли можно говорить о каких-либо эталонных системах отсчета.

Проблемы и кризисы нашего времени во многом обусловлены сознательной экспансией или бездумным заимствованием идеалов западного типа рациональности. В итоге под угрозой оказалась сама жизнь на нашей планете. В этой связи вопрос о ценности рациональности как таковой приобретает новое звучание. Научные открытия конца XIX – XX вв. привели к радикальному переосмыслению понятий «рациональности» и «классичности» в их соотношении с наукой и культурой. Является ли наука эталоном рациональности и её единственной формой? Является ли рациональность культурной ценностью? Эти и другие вопросы, связанные с наукой как центральной универсалией европейской культуры, свидетельствуют как о несоразмерности и узости свойственного XX веку определения «рациональности», так и о неполноте понимания культуры в целом. Разумеется, первыми под удар критики в таких случаях попадают «опорные», «несущие» понятия (универсалии), удерживающие, подобно Атлантам, всю картину мироздания – наука, истина, философия, мировоззрение, идеология и др. Так, из поля обсуждаемых в философии науки XX в. вопросов (Кун, Лакатос, Тулмин) исчезает проблема истины, а в центре оказывается критический анализ

развития самой науки и её истории. Последняя содержит в себе два вида⁸: «внутреннюю» историю, представленную эволюцией концептуального аппарата, научных идей и направлений, теорий и концепций, и «внешнюю», связанную с анализом социального и культурно-исторического окружения науки. В этом плане наука выступает как сложный социально организованный институт, продуцирующий знания, способные принимать вид «социальных императивов». Абсолютизация первого подхода реализуется в рамках интерналистской методологии, объясняющей развитие науки лишь внутренними законами происхождения научного знания и игнорирующей социальные факторы. Экстернализм, напротив, подчиняет научный прогресс социальным обстоятельствам научной деятельности и фактически отрицает относительную независимость и самостоятельность науки.

Исторически первой методологической концепцией научного прогресса был индуктивизм и кумулятивное понимание научного познания. Считалось, что теория, представленная системой общих высказываний, формируется как результат индуктивных обобщений опытных данных. Выступая каноном научного мышления, индуктивизм представал не только «логикой открытия» научного знания, но и «логикой обоснования» его объективности. Однако тот факт, что индуктивные процедуры действительно применяются на определенном этапе научного исследования, не устранял принципиальной невозможности выведения общих суждений из данных наблюдения и проблематичности индуктивных выводов. Концептуальная эволюция и развитие теоретического содержания науки индуктивизма представляли искусственным выравниванием процесса развития науки и ее симплификацией. Дальнейший критический анализ методологии индуктивизма (И.Лакатос) подтвердил ограниченность и утопичность радикального интернализма в науке и способствовал анализу социокультурных условий научной деятельности.

Конвенционализм явился попыткой преодоления трудностей индуктивизма, а именно – невозможности адекватно интерпретировать природу теоретического знания. А. Пуанкаре и П. Дюгем впервые обосновали конвенционалистский тезис об относительной автономии, самостоятельности теоретического знания. Ссылаясь на открытие неевклидовых геометрий и аксиоматическое построение математики, история науки трактуется конвенционализмом как история последовательного принятия и разработки концептуальных систем, при помощи которых упорядочиваются данные наблюдений, факты, теории и гипотезы. С учетом позитивистской установки на разграничение науки и философии полномочия объяснения передавались философии (или «метафизике»), а задачи науки сводились к концептуальному выражению наших знаний и их классификации. Избегая трудностей индуктивизма, конвенционализм определял научные теории не как доказанные истины, а как «истины по соглашению», основными критериями которых в среде ученых считаются простота и экономность. Накапливающиеся аномалии

⁸ Малыхина Г.И. Интернализм и экстернализм в обосновании научного знания. – Великие преобразователи естествознания: Анри Пуанкаре: XVII Международные чтения. 28–29 нояб. 2001 г., Минск : Тезисы докладов. – Мн. : БГУ, 2001. С. 80–82.

и контрпримеры «снимались» различного рода вспомогательными гипотезами, которые, согласно методологии конвенционализма, были способны изменить лишь периферическую часть теории, сохраняя неизменным ее ядро.

Если конвенционализм защищал тезис о прочности теорий под натиском аномалий, абсолютизируя феномен устойчивости теории, то фальсификационизм (К.Поппер) подчеркивал важность отрицательных результатов в развитии науки, открытость теории для опровержения. Фальсификационизм выступил с альтернативной индуктивизму и конвенционализму методологической программой обоснования научного знания. По мнению К.Поппера, проверка теории заключается не в ее верифицируемости, а в ее принципиальной фальсифицируемости. Он считал, что только асимметрия между верификацией и фальсификацией может спасти от «ловушек индукции». Смысл фальсификации сводился к обнаружению противоречия между базисным суждением, основанным на определенной гипотезе и фиксирующем эмпирический опыт, и каким-либо следствием теории. В рамках данного подхода теория считалась научной, если она в принципе фальсифицируема, т.е. когда заранее оговорены экспериментальные условия («решающий эксперимент»), при которых теория должна быть отброшена.

Критический анализ истории науки, признающей лишь линейные схемы ее развития в виде последовательности «предположений» и «опровержений», был предпринят в «новой философии науки» И.Лакатосом и П.Фейерабендом. При этом первый остался верен интерналистскому варианту реконструкции истории науки со свойственной ему элиминацией социальных факторов, а второй предстал как социально ориентированный философ и методолог. Суть «методологического анархизма» П.Фейерабенда сводилась к расширению анализа условий (социокультурных, конкретно-исторических, психологических, ценностно-личностных), влияющих на развитие науки, и выражала актуальную методологическую стратегию имманентного единства прочности-стабильности теории и принципа пролиферации – динамики в науке. Последний, выступая методологическим требованием разработки альтернативных теорий, несовместимых с общепринятой точкой зрения, обоснованно также рассматривался автором в качестве «существенной части гуманистического мировоззрения».

Понятие научной рациональности наряду с классическими критериями научно-теоретического знания (полнота, непротиворечивость, системность, доказательность, верифицируемость, фальсифицируемость и др.) сегодня дополняется новым содержанием, обусловленным такими императивами жизни как гуманизм, свобода, толерантность. Наука в рамках культуры должна быть способна к диалогу не только с венаучными формами рациональности (обыденной, религиозной) по «горизонтали», но и с историческими формами рациональности по «вертикали» – античной, средневековой, новоевропейской и т. д. Все это разные *модусы рациональности*. Некоторые из них в определенной картине мира могут быть вытеснены на периферию культуры, что, собственно, и случилось в новоевропейской философии. Сегодня культура предстает

сложным полилогом, происходящим по принципу дополнительности. Она напоминает гигантский ковер, сотканный из множества красочных нитей. Чем больше он будет включать оттенков и узоров, тем полнее будет отражать наше существование и понимание бытия.

Синергетика и проблема устойчивого развития

Актуализация мировоззренческой культуры личности связана с особенностями современной эпохи, с обрушившимися на человечество кризисами – экологическим, демографическим, экономическим, политическим, антропологическим, социальным. В феврале 2006 года население земного шара достигло 6,5 млрд. человек. По прогнозам демографов, к середине XXI века численность землян достигнет 9 млрд., а к концу века – 12 млрд. человек. Глобализация, информатизация, виртуализация всех сфер жизни, невиданные социальные потрясения и терроризм мирового масштаба, вызвавшие глубокие трансформации всей социокультурной сферы, с одной стороны, привели к возрастанию нестабильности и неустойчивости в социальном мире, возвестили о наступлении нового мирового порядка (З. Бжезинский) и века бифуркации (раздвоения) (Э. Ласло). С другой стороны, они коснулись представлений человека о смысле и цели бытия, поставили перед человеком как главным действующим лицом истории проблему понимания и адекватного теоретического выражения происходящих перемен, задачу организации жизни в новых условиях, формирования глобального мировоззрения человечества. Компьютеризация и телекоммуникация расширяют и одновременно сужают жизненное пространство человека, раздвигая рамки его физического бытия и нередко деформируя его духовно-эмоциональную сферу. Виртуальная реальность меняет, усложняет восприятие действительности. Все эти процессы нуждаются в философском осмыслении как целостном видении мира, основанном на общей судьбе и общей ответственности, уважении к различным формам духовного опыта и культуры. В.П. Бранский справедливо указывает на две новые фундаментальные проблемы обществознания, доставшиеся нашему веку «по наследству» от XX века:

- 1) проблема *устойчивого развития* человечества в близком и далеком будущем;
- 2) проблема *глобализации человечества*⁹.

Первый век третьего тысячелетия является веком междисциплинарных исследований, становления новой постнеклассической картины мира, базирующейся во многом на принципах и идеях синергетики как естественнонаучной теории самоорганизации сложных, неравновесных систем. Как известно, неклассическая картина реальности, опирающаяся на релятивизм и квантовую механику, сузила границы классического (линейного) детерминизма. Благодаря этому утвердился новый тип научности на основе

⁹ Бранский В.П. Синергетический историзм как новая философия истории. – Синергетическая парадигма. М., 2003. С. 48.

вероятностных представлений. Постнеклассическая наука создает фундамент новой интерпретации детерминизма, поскольку в нестабильном, неравновесном состоянии систем определенного типа даже самые малые воздействия могут привести к большим последствиям. Таким образом, идея линейного развития, много веков управлявшая европейским мышлением о природе (идея эволюции) и обществе (идея прогресса), сменяется сегодня идеей нелинейности как природного, так и социального развития. «Современное общество осуществляет радикальный цивилизационный поворот, предполагающий ориентацию на идеал глобальной цивилизации как единого планетарного комплекса, оформляющегося на основе этнокультурного разнообразия и организационного полицентризма. Такой идеал с очевидностью предполагает отход от презумпции линейного прогресса, основанного на идее унификации путей и форм развития. Сегодня человечество осуществляет выбор пути, который в открывающемся тысячелетии станет для него магистральным»¹⁰.

Идея нелинейности развития лежит в основании не только современного естествознания, но и гуманитарного познания. «Естествознание сегодня снимает «линейные очки»: синергетика видит своей целью защиту нелинейного мышления по всему спектру научных изысканий, от квантовой механики до изучения истории человечества»¹¹.

В социально-философском плане феномен нестабильности становится центральной и объединяющей темой в естественнонаучной и гуманитарной сферах знания, а сама синергетика выступает как общая познавательная стратегия, стиль мышления постнеклассической науки и ее мировоззренческое основание. Однако методологические и мировоззренческие претензии синергетики нуждаются в тщательном осмыслении и концептуальной ясности. В частности, необходимо определить такие понятия как «социальная синергетика», «устойчивое развитие», «глобализация», «хаос», «порядок» и др.¹² В обстановке моды на синергетику важно не впасть в эйфорию синергетической фразеологии и не допустить упрощенного толкования социальных и культурных трансформаций.

Синергетика связана с именами многих наших современников: И. Пригожина, Г. Хакена, С.П. Курдюмова, В.Г. Буданова, Е.Н. Князевой, В.П. Бранского, В.К. Егорова и др. Корректность обращения с синергетическими принципами связана с типологией системных объектов в современной теории систем и понятием постнеклассической рациональности. Согласно В.С. Степину, по числу элементов и характеру их связей существуют простые системы, сложные (саморегулирующиеся) и сложные саморазвивающиеся системы. Взгляд на мир как на открытую, нестабильную, неравновесную, нелинейную систему требует иной «системы координат», иной категориальной сетки, образующей методологическое основание нового типа рациональности, который в свою очередь вызывает переоценку ценностей в

¹⁰ Можейко М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм. Смоленск, 2004. С. 7.

¹¹ Там же.

¹² См.: Человек. Культура. Синергия. Мн., 2000.

науке и философии, новые идеи в понимании личности и общества, культуры и цивилизации¹³. «Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью (научной – Г.М.). Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями»¹⁴.

Опираясь на результаты исследования синергетики известных представителей философских наук¹⁵, сформулируем ряд тезисов, имеющих методологическое значение при анализе перспектив применения синергетического аппарата в социальной и гуманитарной областях.

Тезис 1. Синергетика и современная теория систем. Синергетика как новое междисциплинарное научное направление не отменяет и не заменяет ни теории систем, ни теории диалектики. Она является *научной теорией о саморазвивающихся системах (физических, биологических, социальных), исследуемых в аспекте их изменения и развития*. То, что в диалектической теории развития структурно не анализировалось, а просто обозначалось понятиями «скачок», «смена качественного состояния», «перерыв постепенности», в синергетике стало предметом глубокого научного интереса к фазовым переходам и состояниям. При этом в синергетике используется аппарат системных исследований (элемент, структура, система, подсистема, организация, тип взаимодействия, прямые и обратные связи), апробированный при создании научной картины мира, включая жизнедеятельность биологической и социальной сред. То новое, что открыла синергетика, связано с конкретизацией в понимании механизмов развития и акцентированным вниманием к процессам неустойчивости, нелинейности, состояниям динамического хаоса, порождающим определенный порядок или организацию. Среди новых идей и представлений, полученных синергетикой в понимании развития, В.С. Степин особенно выделяет, «во-первых, представление о кооперативных эффектах, определяющих воссоздание целостности системы. Во-вторых, концепцию динамического хаоса, раскрывающую механизмы становления новых уровней организации, когда случайные флуктуации в состояниях неустойчивости приводят к формированию аттракторов в нелинейной среде и последующему возникновению новых параметров порядка»¹⁶. Иными словами, синергетика дополняет (по Н. Бору) исследования целого с точки зрения его структур и элементов выявлением интегральных характеристик целого. Помимо упомянутых терминов (бифуркация,

¹³ Напомним, что классический тип научной рациональности «замкнут» на объекте, и при его теоретическом описании стремится устранить все, что относится к субъекту. Такая элиминация гарантировала объективно-истинное знание о мире. Неклассический тип рациональности уже учитывает связь между знанием об объекте и характером средств и операций деятельности, но по-прежнему не учитывает связь внутринаучных целей с социальными ценностями и идеалами.

¹⁴ Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 634.

¹⁵ В.С. Степина, Р.Е. Ровинского, В.Г. Буданова, И.С. Добронравовой, В.П. Бранского, В.И. Аршинова, Ю.В. Сачкова, Д.С. Чернавского, Ю.А. Харина, М.А. Можейко и др.

¹⁶ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. – Вопросы философии, 2003, № 8. С. 9.

флуктуации, аттракторы и др.), теоретический язык синергетики включает также понятие «нелинейной среды», используемое для обозначения сложной системы, взаимодействующей с окружающими ее системами путем обмена информацией, энергией, веществом. В этом смысле *окружающий мир* интерпретируется в синергетике как *набор нелинейных сред*, а сама она – как *динамическая теория нелинейных систем*.

Тезис 2. Синергетика и научная картина мира. *Научная картина мира* – это познавательный образ, используемый при систематизации научного знания и детерминирующий представления о науке и научной деятельности на определенном историческом этапе ее развития. Споры вокруг синергетики связаны с ее претензией на статус универсальной общенаучной картины мира. В связи с этим возникают закономерные вопросы о философско-методологическом, мировоззренческом осмыслении синергетики, переосмыслении философских оснований современной науки, социокультурной значимости синергетики, о специфике развития живых и социальных систем и др. Нередко в литературе современная научная картина мира на базе синергетических представлений связывается с идеей *универсального (глобального) эволюционизма всеобъемлющей истории*. При условии, что под этим понимается идея связи эволюционных и системных представлений, следует признать эвристичность подобного междисциплинарного синтеза, позволяющего рассматривать социальные объекты как саморазвивающиеся и исторически развивающиеся системы. Однако при этом необходимо помнить, что предикат «социальный» в сочетании с каким-либо общим концептом требует в раскрытии содержания соответствующего понятия учитывать его опосредствование спецификой общественных реалий (объективно-субъективные факторы, целеполагание, социальные действия, экзистенциалы и др.)¹⁷.

Тезис 3. Синергетика и мировоззрение. Следует различать понятия «картина мира», «научная картина мира», «мировоззрение», «философия». Подобно тому, как нетождественны понятия философии и мировоззрения (любая философия – это мировоззрение, но не наоборот), также обстоит дело и с понятиями мировоззрения и научной картины мира. *Мировоззрение* – целостный образ мира, система знаний, чувств, идей, ценностей и убеждений человека о мире и своем месте в нем. Это – целостный взгляд на мир, помогающий человеку духовно ориентироваться в окружающей действительности. *Мировоззрение* – определенный тип аргументации, и оно не обязательно является философским. Оно может быть также мифологическим и религиозным. Несмотря на кажущуюся на первый взгляд простоту, термин «мировоззрение» определяет сложное, комплексное отношение человека к миру через его чувственное ощущение и переживание, восприятие его многогранности и многообразности, глубину его понимания, те или иные действия по отношению к этому миру (производственные, познавательные,

¹⁷ Харин Ю.А., Малыхина Г.И. Логико-методологический анализ понятий социальной синергии // Современная логика. Проблемы, теории, истории и применения: Тез. докл. междунар. научн. конф. – СПб., 2002.

экологические, духовные и др.), через ценности, идеалы и убеждения. Мировоззрение выражает тот или иной тип взаимоотношения человека с миром: осознание себя частью природы и *приспособление* к ней (*адаптивно-мифологический* тип мировоззрения); признание несовершенства земного бытия, второстепенности природы и социальной жизни и вера в потусторонний, «несомненно лучший», сверхъестественный мир (*эсхатологически-религиозный* тип мировоззрения); манифестация знания окружающего мира как силы, *преобразующей* этот мир в определенных целях и интересах (*научно-технический* тип мировоззрения).

Философское мировоззрение развивалось на основе научных знаний (что привело в конечном итоге к формированию научной картины мира), а также базисных смыслов (универсалий) культуры, выраженных в философских категориях. Именно поэтому философское мировоззрение понимается как своеобразная социокультурная мера цивилизованности человека и общества. С возникновением философии мировоззрение выстраивается в теоретическую систему, образованную из онтологической, гносеологической, аксиологической и праксеологической структур. В разные эпохи различные аспекты мировоззрения по-разному представлены в картине мира. Например, с усилением влияния науки на социальную жизнь мировоззренческие взгляды и культурные смыслы формировались под влиянием научной картины мира.

Синергетику коротко можно определить как *новое научное мировоззрение, ставшее естественным следствием новой ситуации, возникшей под влиянием крупнейших научных открытий XX в.* Как отмечается в литературе¹⁸, во второй половине прошлого века эти открытия вошли в явное противоречие с основными мировоззренческими представлениями, базировавшимися прежде всего на классической физике. Были пересмотрены понятия обратимости физических законов, причинности (лапласовский детерминизм), случайности, пространства, времени («стрела времени»), линейного характера подавляющего большинства протекающих в природе процессов. Новое мировоззрение базировалось на понимании того, что при определенных условиях в мире господствуют нелинейные, необратимые процессы, обеспечивающие возможность спонтанного возникновения новых типов структур, в сильно неравновесных условиях, в результате чего возникает возможность перехода от беспорядка к нарастающему порядку¹⁹. Иными словами, была очерчена область применения законов классической физики. Смена мировоззренческих взглядов позволила создать исследовательскую программу процессов развития открытых неравновесных систем, находящихся в неравновесном состоянии относительно окружающей среды. В ходе исследований выяснилось, что наибольший интерес в развитии таких систем связан с процессами перехода в качественно новые состояния. Настоятельная необходимость в создании научной теории, объясняющей возникновение качественно новых состояний, привела в конечном итоге к созданию

¹⁸ Ровинский Р.Е. Синергетика и процессы развития сложных систем. – Вопросы философии, 2006, № 2. С. 162–169.

¹⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 2001.

синергетики, отцами-основателями которой считаются И. Пригожин и Г. Хакен.

Экстраполяция в дальнейшем синергетики на область социальных процессов подтвердила тезис о том, что сложности исследования неравновесных состояний напрямую зависят от сложности изучаемой системы и природы и количества параметров, характеризующих ее состояние. К числу таких наиболее сложных систем, вне всякого сомнения принадлежит человеческая культура и социум.

Тезис 4. Синергетика и проблема рациональности. Обобщая сказанное ранее о проблеме рациональности, напомним, что предложенное академиком Степиным В.С. и ставшее нынче (по его же словам) «ходячей истиной» различие трех типов рациональности (классической, неклассической и постнеклассической) базируется на соответствующей характеристике познающего субъекта, определенных мировоззренческих ценностях и современной теории систем. Как отмечает В.С. Степин, «все три типа научной рациональности взаимодействуют и появление каждого нового из них не отменяет предшествующего, а лишь ограничивает его, очерчивает сферу его действия... Классическая наука и ее методология абстрагируется от деятельностной природы субъекта, в неклассической эта природа уже выступает в явном виде, в постнеклассической она дополняется идеями социокультурной обусловленности науки и субъекта научной деятельности»²⁰.

Постнеклассический тип рациональности, как и предыдущие, обуславливает соответствующие трансформации мировоззрения и определяет современные универсалии культуры. К числу подлежащих сегодня переосмыслению мировоззренческих универсалий относится этос науки (служение поиску истины и приумножению истинного знания) в сочетании с социальными ценностями, гуманистическими идеалами, этическими обязательствами.

Тезис 5. Синергетика и культура. Термин «культура» часто определяется по отношению к термину «цивилизация». В одном случае они противопоставляются друг другу (О. Шпенглер), когда под цивилизацией понимают технико-технологические достижения, а под культурой – духовный и нравственный прогресс. В другом – являются аспектами функционирования целостной социальной системы (А. Тойнби), различными показателями одного и того же процесса развития. Современная цивилизация, породившая угрожающее количество глобальных кризисов, базируется на западно-европейской культуре и западной системе ценностей. До сих пор она пренебрежительно относилась к неевропейским ценностям и восточным (в широком смысле слова) типам культур. Однако набирающие ход процессы всемирной информационной интеграции, глобализации, интерпретации биосферы как глобальной экосистемы заставляют по-новому отнестись к будущему человеческой цивилизации и поиску стратегий дальнейшего

²⁰ Степин. В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. – Вопросы философии. 2003, № 8. С. 15

цивилизационного развития. Хорошая стратегия развития содержит цель развития. Последняя же является выражением определенных ценностей, укорененных в социальной жизни. Они наполняют собой мировоззрение и влияют на характер и результативность социальной деятельности. Философия, являясь ядром мировоззрения, самым непосредственным образом связана с формированием новых мировоззренческих установок, способных реализоваться в культуре. В этой философской деятельности и заключается общественное предназначение философии.

Что мы видим сегодня? Во-первых, выход на историческую арену многих «незападных» стран, как входивших раньше в СССР, так и различных стран Востока. Во-вторых, нарастающий неподдельный интерес к восточному мировоззрению и ценностям восточных культур. В-третьих, исчезает жесткое противопоставление европейского («прогрессивного») и традиционного («отсталого») типов культур. Такое впечатление, что Европа (в цивилизационном смысле) устала говорить сама с собой и готова вступить в диалог культур.

Таким образом, можно сказать, что научная рациональность по-прежнему остается опорой современного мировоззрения, однако уже защищающего жизненные ценности глобализирующегося человечества. Новые мировоззренческие ориентиры должны послужить духовной основой диалога культур и поиска выхода из глобальных кризисов, порожденных современной техногенной цивилизацией.

Идеологическая картина мира в социокультурном измерении

Идеологическая картина мира, как и научная, является познавательным образом, обобщенной формой теоретического знания, посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания различных форм общественного сознания, интегрированные в идеологическом сознании и соответствующие определенному историческому этапу социокультурного развития. Данная картина включает в себя множество смыслов и определений.

Эволюция понятия идеологии. Центральным понятием идеологической картины мира является понятие идеологии.

В самом широком смысле *под идеологией* подразумевают *теоретическое обоснование целей и задач стратегического характера*. В таком случае говорят об «идеологии войны», «идеологии мира», «идеологии образования», «идеологии технократизма», «идеологии нанотехнологии» и т.п. В более узком смысле под идеологией понимают (от греч. *Idea* – идея, вид, образ, образец) «...систему исторически сложившихся концептуально-теоретических взглядов и идей, а также эмоционально-психологических средств, выражающих основные социальные программы и приоритеты, интересы и цели, идеалы и ценности определенных социальных общностей и организаций, наций и государств, политических партий и общественных движений, направляющих их деятельность на сохранение или преобразование существующего

общественного устройства»²¹. В практическом отношении данное определение наиболее четко указывает на особенность содержания и функции идеологии в общественной жизни. *Она есть социально значимая и теоретически оформленная система исторически сложившихся идей, взглядов, традиций, интересов, идеалов, убеждений, волевых актов, консолидирующих людей в их действиях по достижению поставленных целей.* Таким образом, она включает все значимые элементы социальной жизни (как целерациональные, так и ценностно-психологические) и образует духовную платформу социальной мобильности.

В современной философии идеология трактуется как неотъемлемый элемент духовной жизни общества, эволюционирующий вместе с развитием социума. *В социально-философской теории* она означает определенный уровень общественного сознания и отражает синергичную природу социальных и духовных процессов – взаимодействие целерациональных, сознательных действий со множеством спонтанных, случайных факторов. Уровень идеологии в отличие от общественной психологии выражает концептуально оформленный социальный идеал²². Если философия в целом интересуется проблемой смысла жизни «вообще», то идеология есть теоретическое выражение *социального смысла жизни*. Следует согласиться с мнением, что «идеология является... специфическим мировоззренческим порождением, которое существует в системе других объемных духовных явлений, наряду с правом, наукой, нравственностью, философией, искусством, религией (формами общественного сознания – Г.М.)²³.

Сказанное позволяет сформулировать ряд исходных философских принципов анализа идеологии:

- идеология является атрибутивным элементом общественной жизни. Она меняется вместе с изменением последней;
- к идеологии нужно подходить не с позиции ее «отмены» (деидеологизации) или «реабилитации» (реидеологизации), а ее современного понимания как одной из универсалий культуры, отвечающей на идеологические вызовы современности;
- наряду с другими духовными явлениями (наука, философия, искусство, религия) идеология обеспечивает функционирование социального целого;
- с тех пор как Платон «расколол» мир на «мир идей» и «мир вещей», тему идеологии приходится постоянно «заземлять», выясняя, чьи интересы, притязания на экономическую, политическую и духовную власть выражает та или иная идеология;

²¹ Яскевич Я.С. Основы идеологии Белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты. Мн., 2003. С. 9

²² Понятие идеала нельзя смешивать ни с идеей, ни с ценностью, равно как и идеологию с «идеалогией». Подробнее об этом см.: Давидович В.Е. Теория идеала. Ростов – Н/Д., 1983; Бранский В.П. Закон самосохранения социальных идеалов и глобализация культуры. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия 2005, выпуск 1. С. 13–20.

²³ Майхрович А. Идеология. Сущность. Назначение. Возможности. Мн., 2003. С. 20.

- это порождает классификацию различных форм идеологий, уровней и типов в зависимости от содержательной, функциональной, мировоззренческой основ деления данного понятия;

- идеология представляет собой общий ориентир социально-культурного развития и «оправдание» или «осуждение» идеологии конкретного типа (консервативной, либеральной, социалистической и др.), зависит от степени ее гуманистического содержания. По меткому замечанию О.А. Кармадонова, «относительная гуманизация современного мира, выражающаяся в осуждении войн как средства политики, в декларации прав народов на самоопределение, и т.д., не повлияла в принципе на исходные факторы конфликтности мира»²⁴.

- идеология нуждается в идеологах-разработчиках. Она создается на теоретическом «этаже» сознания и в отличие от стихийных представлений обыденного сознания является интеллектуальным продуктом «идеологов» – философов, социологов, политологов, историков, политиков;

- влияние идеологии, ее способность «овладеть массами» связана с тем, насколько органично она связана с судьбоносными чаяниями народа, интересами всех членов общества, а также от форм идеологического просвещения и культуры аргументированного убеждения;

- в создании современной идеологической картины мира участвуют разномасштабные идеологии – локальные, глобальные, порождающие нелинейную динамику развития культуры в целом. Как известно, чрезмерный идеологический прессинг губительно сказывается на качестве и состоянии культуры. Политика и культура должны вступить в диалог. «В нем не все должно быть от политики и идеологии, а кое-что и от культуры. Подлинная культура немислима без учета оправданного разномыслия по одним и тем же вопросам.»²⁵. Культура всегда многолика;

- нравственный смысл идеологии сопряжен с реальными перспективами гармоничного развития личности и гуманизацией общественных отношений.

История термина «идеология» (*idea+logos* – учение об идеях) тесно связана с развитием европейской философии, науки, общества и культуры. Начиная с Античности и до Возрождения понятия идеи и эйдоса (от греч. *eidos* – вид, образец) находились в семантической оппозиции с понятием *архэ* (материальный субстрат) и участвовали в *онтологических* построениях. Мир вещей с точки зрения способа порождения рассматривался как результат воздействия на пассивное субстанциальное начало (*архэ*) активного, выражающего закономерность мира образца из трансцендентного мира идей (Платон). Та же онтология в средневековой философии доведена до

²⁴ Кармадонов О.А. Глобализация и символическая власть. – Вопросы философии, 2005, № 5. С. 48.

²⁵ Крутоус В.П. Культура и идеология. – Вестник Московского университета, сер. 7. Философия, 2002, № 6. С. 164.

совершенства в теоцентрическом принципе креационизма (от *creatio* – творение).

Последующее изменение значения идеологии связано со становлением новоевропейского сознания и расширением *гносеологической* практики²⁶. На вопрос о том, как идеи связаны с опытом, рационалисты и эмпиристы отвечали противоположным образом. Для первых сознание человека содержит «врожденные» идеи, не сводимые к опыту. Для вторых идеи суть лишь обобщения чувственного опыта. Но уже в позднеклассической философии Абсолютная идея (Гегель) являет собой не только высшую точку развития знания, но и манифестацию Духа. И хотя у Маркса термин «идеология» употребляется в «Немецкой идеологии» в отрицательном значении как выражение «ложного сознания», идеалистического образа философского мышления, оторванного от социальной реальности, однако связь идеологии с духовными явлениями уже была установлена. В неклассической («эйдология Гуссерля») и тем более в постнеклассической философии («жизненная идеология» Бахтина, семиотическая идеология Барта, интертекстуальность «идеологемы» Кристевой) *аксеологические* и *праксеологические* аспекты идеологии нашли свое дальнейшее развитие.

Первоначальное употребление самого термина идеологии связывают с именами французских просветителей Дестюта де Траси, Пьера Кабаниса и др. и датируют 1796 годом. Их понимание отличается от нынешнего толкования этого термина и связано с периодом наполеоновского правления во Франции. Д. де Траси («Элементы идеологии», 1801 – 1815) и его единомышленники выступили основателями новой эмпирической науки с целью установления связи идей с системой научных знаний и историческим опытом. Критический тон работы получил резко отрицательную оценку Наполеона, подменившего к тому времени идеи свободы и равенства и идеалы Великой Французской революции принципом имущественного неравенства и духовно-религиозного закрепощения. Закрепившаяся с тех пор за идеологией негативная «репутация» сохранилась и в марксизме, хотя в конечном итоге сам марксизм выступил идеологией, альтернативой буржуазной идеологии. Позднее Ленин уже открыто определяет марксизм как научную, пролетарскую идеологию. Так в марксистско-ленинском учении было снято противопоставление науки и идеологии. Классовой, антагонистической природой капитализма обосновывались различные типы идеологий – прогрессивной (пролетарской) и регрессивной (буржуазной).

Крах СССР и связанной с ним идеологии, глубокий кризис, охвативший бывшие союзные республики, явились свидетельством ошибочности

²⁶ Отмечая, что понимание идеи как «мысли в голове» сформировалось сравнительно недавно, А.Г. Погоняйло исследует не то, чем была идея в истории, а как сама идея (как нечто вневременное) могла обрести историю. «У Платона и Аристотеля, - замечает он, - идея толкуется как «устой вещи», прежде всего ее сущность в смысле формы, определенности, и если с вещью может произойти все, что угодно, то с формой ее ничего не может произойти. Стул сломается, но эйдос стула, его «умный» вид, вечен и неизменен. Стало быть, речь у нас о том, как вневременное не просто сопрягается со временем, но само начинает «времениться», т.е. о некоторой парадоксальной «истории вечности»: Погоняйло А.Г. К истории идей: мышление и созерцание. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Выпуск 2. С. 3.

превращения философской теории в идеологическую догму в ущерб ее дальнейшему научно-теоретическому развитию. «В итоге безусловность подчинения власти и силе, унификация мышления и поведения, пренебрежение правом, свободой личности, нравственностью оказывались типическими характеристиками старой системы, которая стремилась утвердить полное преобладание государства над многообразными проявлениями общественной жизни. В этих условиях общее единство (как необходимая предпосылка существования любого социального образования) могло обеспечиваться лишь внешними в отношении общества средствами, носителем и проводником которых выступала партийно-государственная система, которая возвышалась над обществом и управляла им как посредством силы, государства, так и духовно, идеологически»²⁷. Приведенный отрывок подтверждает тот факт, что идеология должна впитывать в себя все богатство науки, философии, культуры, а не подменять собой (пусть и облачившись в научные одежды) реальную культуру. Ни противопоставление науки и идеологии, ни их отождествление недопустимы.

Идеология в современном мире

Современная идеологическая картина мира определяется современным идеологическим состоянием мира и совокупностью мировых идеологий – социализма, либерализма, национализма, расизма, империализма. Выделяют и другие идеологии, претендующие на роль глобальных, например исламский фундаментализм. Именно эти лидирующие идеологии определяют экономическое, социально-политическое и культурное многообразие современного мира.

Формирующаяся идеология новых государств, в том числе Республики Беларусь, должна базироваться на знании и понимании современных идеологических реальностей, связанных с общими тенденциями цивилизационного развития. Например, существуют стереотипы деления идеологий на «плохие» и «хорошие». Однако тот же национализм не вмещается в рамки однозначных определений и существует в разных формах. Л.Г. Юлдашев отмечает, что нечеткое понимание «либеральной идеологии» позволяет некоторым авторам сделать парадоксальное заключение, что, якобы, «в России либеральная идеология «мешает» установлению рыночной системы и демократии...»²⁸. Свою роль в этом призвана сыграть и система образования. Система образования – социальный феномен, т.е. специально создаваемая обществом система интеллектуального развития и подготовки специалистов. Поэтому она находится в прямой зависимости от состояния и запросов экономики, политических и культурных ориентаций, уровня технологии и социальных ожиданий. Современный университет обучает молодых людей, которым предстоит жить в постиндустриальном или информационном

²⁷ Майхрович А. Идеология. С. 14.

²⁸ Юлдашев Л.Г. Исповедь идеологов. – Вопросы философии, 2005, № 8. С. 147.

обществе. В их образовательный план входит не только профессиональное и личностное становление, но и первый опыт социализации.

«Информационная революция», чему мы являемся историческими свидетелями, не только открывает новый век «общества знаний» и технологий, и порождает феномен глобализации как невероятного возрастания мировой взаимозависимости в сфере экономики, политики, культуры, но и ставит новые задачи перед системой образования. Образование – главный потребитель информации (в широком смысле слова). Это, на первый взгляд, тривиальное утверждение в условиях «информационной цивилизации землян» делает образование интеллектуальной ареной достижения желаемых результатов в мировой политике. Наряду с военной и экономической мощью культурно-образовательные ценности приобретают идейную значимость и становятся орудием сильнейшего. Борьба за влияние в сфере образования и культуры охватывает все уровни и формы общественного сознания, умело подстраивая арсенал современных интеллектуальных технологий под определенные запросы массового или элитарного сознания, общественной психологии и идеологии. Оплоты современной массовой культуры – Голливуд, CNN, Internet, Макдональдс, ориентированные на «средний класс» и «средние потребности», в безвизовом режиме неустанно тиражируют образ «привлекательной американской империи», где привлекательным оказывается абсолютно все – демократия, личная свобода, система образования и пр.

Еще более стратегические и тонкие сценарии «захвата» человеческого сознания с целью управления его действиями (производственными, научно-исследовательскими, религиозными, политическими, нравственными и др.) разыгрываются в сфере высшего образования.

Так, американская мировая гегемония в образовании базируется на принципах компьютеризации и интернетизации на базе английского языка (более 80% информации в Internet – на английском языке), использования современных систем связи и минимизации информационной изоляции, формирования харизматического образа национальной идеологии (со всеми хоругвиями и атрибутами власти), образования в течение всей жизни (в режиме «он лайн»), культивирования престижности дипломов элитных национальных университетов для получения руководящих постов в крупных транснациональных корпорациях, «выкачивания мозгов», субсидирования научных исследований, выдвижения нобелевских номинантов и многих других. Степень активации современных информационных технологий в образовании объясняет тот факт, что уровень развития познавательной способности современного человека (а значит, и перспектив общественного развития) в значительной степени зависит от производительности компьютерных сетей. Если в середине XX в. дебатировался вопрос о компьютере весом менее 1,5 тонны, то 50 лет спустя в современном компьютерном устройстве слой диэлектрика не превышает одной молекулы, а встроенный в нее транзистор равен 15 нанометрам. При этом впечатляет как быстродействие ПЭВМ (1 трлн операций в секунду), так и пропускная способность оптических линий связи (1 гигабайт в секунду), что позволяет в образе гигантской всемирной паутины

(Интернет) объять сетью всю Землю и обеспечить универсальность и общедоступность информации.

Социализация как понимание и способность самостоятельного решения возникающих проблем (профессиональных, бытовых и др.) предполагает готовность человека к самостоятельной работе с информацией, а не усвоение готовой суммы знаний. Этому и должна служить система образования на всех ее уровнях.

Серьезные трансформации, связанные с превращением человека экономического (включенного в рыночно-капиталистическую экономику) в человека информационного, требуют теоретического переосмысления новых социальных реалий и перспектив. В новом обществе информация играет не только коммуникативную роль, но и определяет тип экономики, все виды отношений (производственные, социальные, политические, духовные), приоритеты и ценности цивилизации XXI века. Все это ставит перед системой образования задачу не только передачи знаний (образования в узком смысле), но и *образовывания* сознания студентов в полном объеме (профессиональные знания, ценности, идеалы, убеждения). Современной молодежи предстоит дать ответ на ряд важных вопросов, связанных с изменением культурной парадигмы и новой информационной революцией: как изменится рынок труда и характер труда, каким будут государство, социальная структура, политика, образование, как изменятся ценности человека и его представления о мире, будет ли равенство и демократия и др.?

Существуют разные мнения по поводу новой идеологии жизни и деятельности в новых изменившихся условиях²⁹. В одной из книг («Нетократия») известных в Европе авторов Александра Барда и Яна Зодерквиста, вышедшей в Швеции в 2000 году, показаны перспективы общества после капитализма, связанные с монопольным господством Интернета и основанном на ценностях информационной цивилизации мировоззрении³⁰. Ставший в Европе бестселлером текст пестрит неологизмами. Еще не успело сознание привыкнуть к понятию «инфократии», как появляется очередной неологизм – «нетократия». Оба автора – известные политики, писатели, первопроходцы Интернета, участники и организаторы крупнейших мировых форумов по философии и футурологии. По их мнению, господствующим классом информационного общества, идущего на смену капитализму, станут *нетократы* – элита информационного общества, характеризующаяся исключительной способностью к восприятию и переработке информации, умением манипулировать новыми формами коммуникаций.

Одним словом, нетократы сменяют буржуазию. Те же, кто не в состоянии воспользоваться преимуществами новых интерактивных технологий, образуют низший класс социума. В новом обществе отпадает необходимость в выборах и

²⁹ Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998; Егоров В.С. Философский реализм. М., 1994; Рационализм и синергизм. М., 1997; Социальный реализм. М., 1999; Философия Открытого мира. Воронеж, 2002.

³⁰ Бард А., Зодерквист Я. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.

парламенте. На смену этатизму (мировоззрению, ставящему во главу угла интересы государства) приходит «плюрархия», интернет-референдум, виртуальный парламент, виртуальная общность вместо национальных государств, сетикет (правила сети) вместо этикета. Как и все прочее в информационном обществе, правила и законы социальной жизни не регламентированы ни политическими, ни юридическими институтами. Нарушителей сетикета ожидает виртуальное заключение – исключение из жизненно важных сетей (временное или пожизненное). Простой потребитель информации, не различающий информацию и знание, не владеющий навыками ее анализа и систематизации, образует низший класс общества (своего рода пролетариат), обреченный на жизнь в основании сетевой пирамиды, полной информационного мусора. Согласно прогнозу авторов, в нетократическом обществе единственной твердой валютой становится *внимание* массового потребителя (*консьюмтариата*). Производственная функция уступает место потребительской, а деньги становятся итогом контроля над вниманием потребителя через средства массовой информации.

Очевидно, это не последний сценарий грядущего общества сверхпотребления. Однако разбираться, где – очередная антиутопия, а где – обоснованный прогноз, каждый должен уметь сам. Как говорится, можно подарить книгу, но не ее идею. Социализация без критического мышления и аргументированного дискурса невозможна.

Критическое осмысление результатов научного прогресса, породившего не только одномерного человека, но и одномерное общество потребления, заставляет специалистов серьезно опасаться компьютерного тоталитаризма и прийти к выводу, что «компьютерные технологии в ближайшем будущем будут обслуживать не нормальные человеческие потребности, а политические интересы финансовых групп, связанных в первую очередь с производством информации»³¹. Через электронно-информационные сети заинтересованные лица из финансовых центров мира уже воздействуют на экономическое (и любое другое) поведение людей, часто не подозревающих, что кукловоды из финансово-промышленных корпораций превратили их в марионеток электронно-компьютерного мира. В возможной перспективе *неотехницистской идеологии* электронно-компьютерного глобализма образ нетократа не кажется таким уж фантастическим. Уже сегодня 2/3 энергии потребляется несколькими процентами населения развитых стран. Вследствие жестокой экономической поляризации в мире «золотой миллиард», владеющий глобальным капиталом, делает нищими и зависимыми 3/4 населения земного шара. Роль глобального финансового рынка становится значительнее силы правительства любого государства. По некоторым оценкам, 40 % мирового продукта находится за пределами государств (но внутри транснациональных корпораций). Отслеживать такие финансовые процессы не под силу одному государству. Все это негативно сказывается на экологии мира и представлениях о морали. В

³¹ Попов В.Г. Технократическая идеология XX века. – Философские науки, 2003, № 5. С. 38.

литературе отмечается, что этот процесс является следствием системы свободного рынка в мировом масштабе.

Глобализация производства позволяет монополизировать и интеллектуальные запасы. Подавляющее большинство мирового научного потенциала в среде техники и технологических разработок находится в распоряжении небольшого числа наиболее развитых западных стран, управляемых идеологической и политической диктатурой США. В численном выражении этот потенциал огромен. Если сто лет назад в мире работали менее 100 тысяч ученых, то сегодня их около 100 миллионов³². Их сегодня больше, чем за всю историю человечества, а работают 90 % этих ученых в странах, население которых составляет ¼ жителей Земли.

Поэтому не удивительно, что идеологическая «привлекательность» западной (= американской) модели развития и ее ценностей вызывает все больший протест в мире, расширяя пространство современного идеологического сознания.

Разумеется, речь не идет о стратегии технофобии или сдерживания научно-технического прогресса (это вряд ли возможно). Приоритетом жизненной идеологии должен стать «курс на сознательную гуманизацию условий человеческого существования в рамках технического прогресса»³³.

Этика в современном мире

«Ох уж это мне человечество!
Его духовное и нравственное развитие
не поспевает за техническими его успехами»

Т. Манн

Необходимость включения этических проблем в предмет философии понимали уже древние философы Индии, Китая, Греции. Глубокий нравственный смысл буддизма, конфуцианства, учений выдающихся древнегреческих мыслителей до сих пор служат эталоном мудрости и социально-практической ценности философии. Истина и нравственность для Сократа – понятия совпадающие. Мудрость заключается в знании самого себя, сущности человека. Сущность – это душа, «а под «душой» Сократ понимает наш разум, мыслящую активность и нравственно ориентированное поведение»³⁴. В теории о государстве Платона справедливость рассматривается как нравственная основа политики, а сама мораль – как идеальная основа государства. Аристотель прямо заключает, что философия всегда терпела поражение, когда отдалялась от жизни в область пустых абстракций, фантазий, религии, софистики и т.п. Подчеркивая неразрывность и

³² Гломб И.О некоторых показателях современности. СПб., 2001.

³³ Попов В.Г. Технократическая идеология XX века. С. 40.

³⁴ Дарио Антисери, Джованни Реале. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. – В 4-х т., т. 1–2. СПб, 2003. С. 100–101.

органическую слитность всех частей философии, стоики сравнивали *философию* с яйцом, где желток означает *этику*, белок – *физику*, скорлупа – *логику*. Идеи Истины, Добра, Красоты и их гармоничного сочетания стали координатами европейской культуры и науки, однако в разных культурах они акцентируют различные мировоззренческие установки. Как уже отмечалось, курс на науку и «силовая трактовка» знания в Новое время подчинили науке эстетические и нравственные искания человеческого духа. Объективность истины достигалась ценой элиминации субъективности, аксиологической стерильностью разума.

Первым ощутил неполноту научно-рационального освоения мира И. Кант. Высоко ценя роль знаний в обосновании мудрости и философских выводов (путь к мудрости лежит через «врата» науки), в то же время, «критикуя «чистый» разум», Кант полагал, что человеческие поступки направляются не только разумом, но и нравственностью. Философия не должна защищать одни лишь научные ценности. Её предназначение как совершенной мудрости в подчинении человеческого разума высшим нравственным ценностям. В обосновании этих ценностей и заключается, по Канту, суть философии. «Переворот», совершенный основателем немецкой классической философии, связан с ориентацией на человека и подлинные нравственные ценности. В первую очередь ценностью является человеческое счастье. Однако извечное стремление человека к счастью связано у Канта с нравственным долгом и достойным образом жизни. По убеждению мыслителя, ориентация на человека и высшие нравственные ценности определяет ценность самой философии, а также других форм знания.

Насколько актуальны в наше время эти рассуждения? Сегодня, когда человечество пожинает плоды техногенной цивилизации (знаменитые «Критики...» И. Канта написаны в эпоху раннего капитализма), в которой потребление принимает вид «дурной бесконечности»³⁵, ценность подменяется ценой, а разум перестал быть возницей человеческой души (Платон), проблема соотношения *рациональности* и *нравственности* приобретает мировоззренческое значение. Утраченное единство в человеческой культуре Истины, Добра и Красоты разрушает «важнейшие смысловые линии миропонимания, так или иначе связанные с уяснением массивов практического, познавательного и ценностного опыта людей»³⁶. Философское уяснение вопросов смысла жизни, абсолютных ценностей, добра, счастья, нравственного долга, гармонизируют человеческое сознание, делают его многомерным. Напротив, в случае дегуманизации культуры «поле философской мысли становится неполноценным, теряет черты духовного универсума, если у него выпали и оказались нераскрытыми в их сути проблемы нравственные»³⁷.

Кризисное состояние современного общества связано с разрушением ценностного сознания и все с той же проблемой рациональности. Отсутствие

³⁵ Кирвель Ч.С. Человек разумный в плену искусственных, ложных потребностей. – Чалавек. Грамадства. Свет, 2005, № 4. С. 3–11.

³⁶ Козлова М.С. «Чудо» этического: взгляд Витгенштейна. – Человек, 2005, № 5. С. 83.

³⁷ Там же. С. 84.

общепринятой и признаваемой всеми системы ценностей, регламентирующих формулировку целей как индивидуального, так и общественного развития связывается в современной этике с классическим пониманием рациональности и мнением о том, что современные образы рациональности не могут служить методологией определения целей ни в отношении природы, ни в отношении развития общества (Хабермас).

Проблема свободы в этике

Проблема «научности» этики делает саму этику объектом анализа. Как подчеркивает Папа Иоанн К. Войтыла, «раньше всегда спорили о тех или иных этических проблемах, сейчас проблемой стала сама этика»³⁸. Определение предмета этики требует не только различения понятий этики, морали, нравственности, но и уточнения таких категорий, которые относятся к числу универсалий культуры. В первую очередь к их числу принадлежит понятие «свобода».

Специфическая особенность нравственности, в частности нравственной регуляции, состоит в том, что она связана со свободным выбором личности, добровольностью принимаемых ею решений. При этом проблема перехода от индивидуальности к личности рассматривается в литературе в контексте анализа человеческих желаний, позволяющих глубже проникнуть в тайну человеческого бытия³⁹. Очевидная трудность определения понятия «желание» разрешается установлением его отличия от инстинкта, аффекта, мечты, потребности как «пустоты души» (Э. Левинас) и др. Не имея целью подробное освещение данного вопроса, лишь напомним, что личность, по Бердяеву, всегда есть целое (цельность), она «предполагает существование сверхличного, того, что её «превосходит» и к чему она поднимается в своей реализации»: она может «вмещать в себя универсальное содержание»⁴⁰. В отличие от индивида личность включает в себе эмерджентные (т.е. качественные, скачкообразно возникающие) свойства. Она есть реализованный *выбор*. Свобода индивидуальности оказывается отличной от свободы личности и зависит от иерархии желаний. «Первая (индивидуальность – Г.М.) хочет бесконечной возможности выбирать, вторая (личность – Г.М.) – бесконечности выбранного»⁴¹.

Интенциональность (стремление, направленность) желания позволяет говорить о свободе как универсальной ценности культуры. Однако желание актуализирует разную (по типу) свободу. Классическую рациональность связывают с *механической свободой* и соответствующей картиной мира: «современная категория свободы (и связанное с ней нынешнее понятие демократии) не могла возникнуть, пока в картине мира не стали

³⁸ Войтыла К. Основания этики. – Вопросы философии, 1991, № 1. С. 29.

³⁹ Цитируется по: Мальцева А.П. Индивидуальность и личность: свобода желания и желание свободы. – Человек, 2005, № 1. С. 27.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

господствовать: атомистические представления, уверенность в обратимости фундаментальных процессов и идея бесконечности. Другими словами, пока менталитет общества не стал базироваться на *механистической* картине мира»⁴². Новоевропейское понимание свободы как «свободы познания» и ценностной (моральной) эмансипации оформило этос науки индустриальной цивилизации и воплотилось в идеологии научно-технического прогресса техносферы⁴³. Данного вывода придерживается и Нобелевский лауреат К. Лоренц. Проанализировав «Восемь смертных грехов человечества», еще в 70-е годы XX века он приходит к заключению, что ценности нельзя выразить на количественном языке естественных наук. Неоправданная абсолютизация научного метода сформировала убеждение, что правом на существование обладает лишь то, поддается количественному измерению и описывается языком «точной» науки⁴⁴.

По мнению вышеупомянутых авторов, выход из кризиса требует изменение самой картины мира и новой идеологии жизни, согласно которой ответственность получает приоритет перед свободой, а коллективность перед индивидуализмом. Почти сто лет назад это открыто высказывали Вернадский и Тейяр де Шарден, но лишь сегодня мы в полной мере осознаем императивное значение требования об ограничении свободы действий в ноосфере для дальнейшего развития цивилизации. Одним словом, необходим мировоззренческий «переворот».

Переход к новым «отношениям с будущим» может быть обеспечен только новым пониманием свободы, ответственности, новыми нравственными ориентирами деятельности, ориентацией на гармонизацию социо-природной системы. В качестве выхода одни предлагают воспользоваться одной из глобальных альтернатив в духе этической концепции Йонаса⁴⁵ и построить новую моральную онтологию, рассматривающую факт целесообразной организации мира в качестве его нравственной основы. Аргументируется это следующим образом: «...В прошлом опыте нет ничего аналогичному тому, на что способен современный человек, тому, что он постоянно оказывается вынужденным осуществлять в необратимой актуализации своих способностей. А по этому опыту была скроена вся прошлая мудрость, нормировавшая надлежащее поведение. Поэтому ни одна из унаследованных от прошлого систем этики не наставляет нас относительно норм «добра» и «зла», с которыми приходится связывать совершенно новые модальности человеческого могущества и его возможных порождений»⁴⁶. В качестве другой модели «диалога с будущим» рассматривается «этика дискурса» А. Макинтайра как процесса достижения интересубъективного взаимопонимания. Основными моментами этики дискурса является отмена монопольного права на истину и

⁴² Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации. 1990, № 9. С. 3.

⁴³ Вспомним, что и И. Кант, и М. Вебер (XX век) предупреждали об *ограниченности* познания только научными формами, о *неспособности* науки задавать идеалы и ориентиры.

⁴⁴ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. – Вопросы философии, 1992, № 3. С. 39–53.

⁴⁵ Йонас Г. Принцип ответственности. М., 2004.

⁴⁶ Разин А.В. Наша нравственная Вселенная. – Человек, 2005, № 6.

коммуникативное формирование систем ценностей⁴⁷. Итогом данных рассуждений может быть констатация становления нового методологического подхода к анализу этических проблем, исследование понятия свободы, выбора, ответственности в рамках концепции нелинейного развития. Свобода – результат нелинейной детерминации. Перефразируя гегелевское рационалистическое определение свободы (как познанной необходимости), В.П. Бранский определяет свободу как «познанную случайность в рамках необходимости»⁴⁸. Думается, что именно в этом направлении будет происходить дальнейшее уточнение одной из главных универсалий человеческой культуры.

Прикладная этика. Проблемы и направления

Этика, как никакая другая наука, связана с жизнью. Она остро реагирует на социальные изменения и дает им свою, этическую оценку. Особенно заметной эта связь является в прикладной этике, принадлежащей ныне к наиболее интенсивно развивающейся ветви этического знания. Об этом свидетельствуют целые выпуски научных журналов, посвященные этической проблематике⁴⁹. В числе важных проблем прикладной этики как междисциплинарной дисциплины отметим следующие:

- проблемы *биоэтики* и «*ценности жизни*». В рамках данной проблематики обосновывается тезис о том, что «право на жизнь является магистральным правом человека, оно является предпосылкой и условием всех других прав личности»⁵⁰. В этом же русле исследуется проблема общественного здоровья. В нашей Республике забота о здоровье нации рассматривается как одно из основных направлений государственной политики и идеологии, борющейся за здоровый образ жизни. Жизнь не входит в число человеческих «обязанностей». Она есть результат свободного выбора. Выбор «за» или «против» жизни определяется множеством факторов, в том числе и социальных. Безработица, неуверенность в будущем, пропаганда насилия, отсутствие позитивных идеалов и др. способны вызывать у людей серьезные расстройства физического и психического здоровья. Как показывают социологические исследования в Беларуси, основополагающей причиной девиантного (отличного от общепринятых в обществе форм) поведения молодежи в современных условиях является кризис ценностных ориентаций⁵¹. Последствия таких отклонений общеизвестны. Это – пьянство, наркомания, преступления, суицид. Однако соглашаясь в целом с позицией автора, хотелось бы добавить к числу физических, психических и социальных отклонений отклонения «культурные», т.е.

⁴⁷ См. об этом: Перов В.Ю. Этика дискурса и коммуникативные практики. – Коммуникация и образование, СПб, 2004. С. 404–417.

⁴⁸ Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград, 1999. С. 569.

⁴⁹ См., например, Вестник Санкт-Петербургского университета, 2005. Серия 6. Философия, выпуск 4.

⁵⁰ Бондаренко Л.И., Мамонтова Т.В. Проблема ценности жизни. Биоэтический аспект. – Там же. С. 43.

⁵¹ Рубанов А. Ценности: подлинные и мнимые. – Беларуская думка, 2005, № 11.

производные кризиса культуры. Как метко подмечено А.Е. Радеевым, хотя наркотизм и воспринимается как «темная лошадка», однако наркомания – явление культуры и бороться с ней (точнее с наркотизмом, а не наркотиками!) нельзя внешними для культуры средствами – административными, юридическими, медицинскими и др.⁵²

- проблемы *профессиональной этики*, подразделяющиеся на *этику различных профессий* (юриста, врача, военнослужащего и др.) и *корпоративную этику* или *этику бизнеса*. По виду деятельности в корпоративной этике выделяются *внутрикорпоративная* и *межкорпоративная* этика. Как и многое в современной культуре, профессионально-этические взгляды сложились в средневековых гильдиях⁵³, которые регламентировали права и обязанности их членов. Если ранний капитализм напоминал погоню за прибылью и «игру без правил», то современная предпринимательская деятельность предпочитает «игру по правилам». Нередко корпоративная этика принимает форму «нравственного кодекса» и оказывается порой эффективнее административных средств.

Нравственный кодекс коллектива БГУИР

Если рассматривать профессию не только в личном плане, но и социальном, то сама сфера образования окажется элементом сложной социальной системы, предназначенной для подготовки высокопрофессиональных специалистов, воспитания высоконравственной личности, обладающей государственным видением проблем, формирования патриотического мировоззрения и стремления к переустройству мира на началах Истины, Добра и Красоты.

Учитывая большую зависимость современного производства (в том числе и бизнеса) не только от технической и финансовой обеспеченности, но и от профессиональных качеств работников (знаний, самостоятельности, инициативности и др.), а также их нравственности⁵⁴ (порядочности, доброжелательности, искренности), кажется не только оправданным, но и необходимым, чтобы уже в стенах своей *Alma Mater* студенты приучались к соблюдению нравственного кодекса и корпоративной этики. Практической реализацией этой идеи в нашем университете явилась инициатива кафедры философии по принятию в 2006 году Нравственного кодекса коллектива БГУИР. Под эгидой Совета университета по воспитательной работе и в союзе с Управлением по воспитательной работе с молодежью кафедрой составлен план мероприятий (социологический опрос, дискуссии, беседы кураторов, встречи со студактивом и др.), призванный вовлечь в конструктивный диалог не только

⁵² Радеев А.Е. «Наркоисповедь»: этические и эстетические аспекты. – Вестник Санкт-Петербургского университета, 2005. Серия 6. Философия. Выпуск 4. С. 47–53.

⁵³ Средневековые гильдии представляли собой добровольные союзы купцов, ремесленников вначале для охраны торговых караванов, а позднее для защиты корпоративных интересов и привилегий.

⁵⁴ В.Ю. Петров приводит следующий рекламный текст одной из компаний, набирающей персонал: «Мы нуждаемся в различных специалистах, но прежде всего нам нужны хорошие люди».

профессорско-преподавательский состав, но и студенчество. Моральным стартом явилось анкетирование студентов разных курсов и факультетов дневного отделения по вопросам, связанным с необходимостью нравственного кодекса и его содержанием. Было опрошено около 500 студентов. На вопрос о том, нужен ли Нравственный кодекс БГУИР, положительно ответили 66,3 % студентов 1-го курса, 45,3 % – 2-го и 56,4 % – 3-го курса. При этом 57,9 %, 56,3 % и 69,1 % опрошенных считают, что студенты должны принимать активное участие в разработке кодекса. Такое позитивное отношение к инициативе принятия Нравственного кодекса говорит о своевременности данной акции и сформировавшемся социальном ожидании совместной формулировки нравственных ориентиров и ценностей. В пользу данного вывода говорит и то, что из числа возможных форм поощрения (либо наказания) студенты отдали предпочтение моральным (63,3 %, 57,0 %, 62,7 % соответственно). Принципиальную готовность к наказанию за несоблюдение положений Кодекса выразили 59,6 % (1-й курс), 52,3 % (2-й курс) и 58,2 % (3-й курс), что говорит о достаточно высоком уровне чувства ответственности и готовности отвечать за свои поступки. 80 % опрошенных магистрантов (всего 45 человек) также считают, что данный кодекс необходим и почти столько же готовы к ответственности за его соблюдение. Что касается «разработчиков» кодекса, то, по мнению магистрантов, ими должны быть в первую очередь сами студенты (76 %), профсоюз студентов (58 %), учебно-воспитательный отдел (56 %), кафедра философии (42 %).

Нравственное воспитание опирается на убеждение, свободу морального выбора, осознанное поведение. Нельзя заставить или приказывать быть нравственным или счастливым. Поэтому говорят, что мир нравственности живет «по неписанным законам». Тем не менее возможны документальные формы добровольной мобилизации коллективных усилий по решению нравственных проблем. Одной из таких форм вполне может быть Нравственный кодекс.

Древние представления о природе человека созвучны с современным идеалом развития личности. Но если мысли древних о разумном и нравственном подготовили появление этики как науки, то современный синтез нравственности и разумности актуализирует этику как гуманистический потенциал культуры.

Философия и идеология

Существенная социокультурная значимость и несомненная актуальность анализа объявленной темы определяется спецификой общества как формы и результата взаимопроникновения противоположных факторов спонтанного объективного исторического процесса и целеориентированных субъективных человеческих действий. В самом общем виде эта социальная синергия предстает в конечном счете образом сложнейшей жизненной драмы, где, по перефразированному известному выражению, люди являются одновременно авторами и актерами собственного бытия. Знание в этом случае внутренних причин и непосредственных импульсов социальной деятельности человека не может быть переоценено. Особо важно здесь понимание соотношения философии и идеологии как необходимых компонентов духовной культуры в нынешние времена повсеместного мировоззренческого релятивизма и цвишенизма⁵⁵, политической плюрализации и глобализации.

Идеология как феномен духовной синергии

В общественном сознании, образующем в совокупности явлений ментальности реальность духовной синергии, следует с некоторой долей условности различать его формы (мораль, искусство, право, политическое сознание, философия) и функционалы (наука, общественная психология, идеология). *Идеология – это функционал сознания, предназначение которого теоретически выразить общие или групповые устремления людей, объединять их усилия в массовые действия, направлять эти действия к единым целям.*

Идеи, как верно замечено, не падают с неба. Применительно к идеологии это значит, *во-первых*, что она возникает в силу вполне земных обстоятельств как выражение насущных потребностей и интересов людей. *Во-вторых*, идеология – неперенный необходимый элемент духовной жизни общества, исторически изменяющийся вместе с ее развитием. *В-третьих*, идеология нуждается в особых интеллектуальных усилиях при разработке своего содержания, поскольку в ней фиксируются теоретически сформулированные цели социальных действий больших групп людей, классов, религиозных конфессий, государства, политических партий, общества в целом. *В-четвертых*, в силу указанного только что обстоятельства идеология не может зародиться спонтанно в психике людей, ее должны разработать имеющие, как правило, специальную подготовку (социально-гуманитарное образование и практический опыт общественной деятельности) теоретики, ученые, политики, философы и др., короче говоря, «идеологи». Ими соответствующие базовые идеологические средоточия модифицируются применительно к конкретным общественно-историческим условиям и ситуациям. Так, буржуазная идеология

⁵⁵ От нем.: *zwishen* – между; неустойчивость, склонность к перемене взглядов.

при дифференцированном к ней подходе может быть традиционалистски консервативной, либеральной и какой-либо иной, скажем, авторитарной. Точно так же социалистическая идеология, по мнению И.И. Кравченко, оказывалась либо диктаторской, либо умеренно гуманистической, либо идеологией «с человеческим лицом», либо вовсе бесчеловечной («социализм Пол Пота») ⁵⁶. Наконец, *в-пятых*, идея должна стать элементом массовой духовности, идеологию поэтому нужно «внести» в общественное сознание и в сознание индивидов.

А что, собственно, значит «внести» идеологию в массовое сознание, т.е. в духовный мир ребенка, школьника, студента, специалиста? В общем случае это значит воздействовать на содержание сознания и, следовательно, изменить многие структуры духовной синергии. Напомним, что *духовную синергию* (действие) образует совокупность разнородных элементов индивидуальной (знания, убеждения, переживания, экзистенциалы, логика, вера, воля и др.) и социальной ментальности (ценности, традиции, нормы, мнения, социальные чувства и пр.) ⁵⁷.

Внедряемой идеологии тут приходится вступать в непростые взаимоотношения со многими существенными компонентами людского духовного комплекса, а главное – определиться в структуре господствующей мировоззренческо-социальной реальности. Возьмем, например, ситуацию недавнего нашего прошлого. Практика и идеология советского общества, (идеалы коммунизма, социальное равенство, социалистическая демократия, интернационализм, общественная собственность, диалектико-материалистическое мировоззрение) эффективно скрепляли социальные действия людей в достижении общих целей возвышенной экзистенции. Поэтому внешним и внутренним недругам социализма нужно было в первую очередь дискредитировать, разрушить, устранить идеологию марксизма. Усиленно стал навязываться общественному сознанию тезис о необходимости его «деидеологизации». На деле это означало требование отказа от названных выше социалистических элементов духовной синергии. Под лозунгом «деидеологизации», по замыслу противников коммунизма, нужно было в действительности наличную идеологию заменить на другую (либерально-буржуазную), т.е. осуществить на самом деле «переидеологизацию» общества, что в известной мере и удалось во многих странах постсоветского пространства. Разумеется, процесс насыщения сознания граждан Советского Союза «новой» идеологией сочетался с оправдываемыми ею практическими действиями «демократов» по разрушению экономических, политических, правовых, социокультурных и духовных основ единого прежде государства.

С установлением либерально-капиталистического строя в ряде постсоветских государств призывы к «деидеологизации» общественной жизни уже стали непопулярными, напротив, в среде политиков стала актуальной тема идеологии в виде, например, дискуссии о национальной идеологии России,

⁵⁶ Кравченко И.И. Либерализм: политика и идеология.– Вопросы философии, 2006, № 1. С. 6 – 7.

⁵⁷ Харин Ю.А. Духовное со-действие. – Чалавек. Грамадства. Свет, 2002, № 1.

придания буржуазному неолиберализму ореола святости и социальной неизбежности.

Прокламированная когда-то деидеологизация трансформирована теперь в «реидеологизацию», в безудержную пропаганду средствами массовой информации и всеми иными способами рыночных установок и капиталистических ценностей, начиная с бесхитроного, ребяческого телевизионного заклинания «Я буду миллионером», и профессорского пафосного призыва к безусловному преодолению «идолов коммунистического атеизма» и кончая беспардонным навязыванием человечеству ложных канонов демократии «с американским лицом», плюралистической бездуховности и западной финансовой глобализации.

Идеологизация духовной синергии (в каких бы обликах она не представала – деидеологизации, переидеологизации или реидеологизации) захватывает все сферы общественного бытия и сознания – мир повседневности, политику, экономику, право, искусство, мораль, экологию, религию, образование, культуру в целом.

Особо следует сказать о взаимодействии идеологии и философии.

Идеологические средоточия философии

Прежде всего заметим, что при рассмотрении философии как явления духовной синергии, «живой души культуры» и «эпохи, схваченной в мысли» в методологическом и содержательном аспектах мы исходим в трактовке данного феномена из его понимания, изложенного в учебнике⁵⁸.

Напомним также, что философия и идеология суть структуры духовной синергии и поэтому не могут быть вне взаимодействия друг с другом. Но связь между ними иного характера, чем, скажем, отношение идеологии и политики, в целерациональной составляющей которой идеология является доминантной. В философии же чаще всего идеологические средоточия проявляются не прямо, а опосредованно, «незримо», в виде общих мировоззренческих и социальных выводов в зависимости от конкретного образа мысли ученого.

В литературе при широкой трактовке идеологии как специфической совокупности теоретических воззрений встречаются выражения «политическая идеология», «правовая идеология», «религиозная идеология», «научная идеология», «философская идеология» и др. И хотя в каждой из этих форм человеческой духовной деятельности наличествуют элементы идеологии, все же относительно философии – особо при понимании идеологии в соответственном узком значении как системном выражении групповых сознательных интересов и целей – нужны специфические пояснения. Они касаются раскрытия различий между философией и идеологией. Их можно охарактеризовать в виде следующей схемы.

⁵⁸ Философия. Под общ. ред. проф. Ю.А. Харина. Учебник. – Мн. : ТетраСистемс, 2006.

Философия	Идеология
Форма общественного сознания (наряду с политическим, религиозным и др.)	Функционал общественной жизни (наряду с наукой и общественной психологией)
Сфера мировоззрения	Практическая ориентация на социальные действия
Реально существует в виде учений, школ, направлений, течений, образов философской мысли	Объективируется в виде политических, правовых и иных концепций, идей, лозунгов, манифестов и др.
Как мировоззренческое философствование атрибутивно человеческому бытию	Вырабатывается специально подготовленными людьми
Усваивается по мере образования	Внедряется в индивидуальное и общественное сознание с помощью СМИ, пропаганды, манипуляции и зомбирования
Образует мировоззренческую и методологическую основу идеологии	Составляет социально-политическое содержание философии
Идеологические средоточия определяются образом философской мысли	Воздействует на философию посредством собственных духовных средоточий

В данном схематически обозначенном контуре соотношения философии и идеологии использованы выражения «образ философской мысли» и «идеологическое средоточие», о которых следует сказать несколько подробнее.

Что касается понятия «образ философской мысли», то им обозначается:

а) гносеологическая позиция мыслителя, что связано с решением им вопроса об отношении сознания и материи и состоит в признании или отрицании объективной реальности, данной человеку в его ощущениях; такая позиция может выражаться в различных формах материализма, идеализма, дуализма, скептицизма;

б) манера (стиль) философствования (моноктринерский, диалого-художественный, религиозный, логико-научный, афористический, спекулятивный и т.д.);

в) регулятивный принцип решения мировоззренческих проблем (диалектика, метафизика, релятивизм, софистика, авторитарный догматизм и т.д.);

г) духовное средоточие, т.е. доминантная ценностная ориентация философского учения (установка на созерцание действительности или ее изменение в социальных действиях, оптимистическое или пессимистическое восприятие мира, объективная истина или религиозная вера, групповые интересы или общечеловеческие ценности и т.д.).

Среди духовных ценностей (философских, религиозных, научных, моральных и др.) важное место занимают *идеологические средоточия*, представляющие *теоретически оформленную установку социального субъекта* (клана, сословия, класса, сообщества, партии, государства, нации, конфессии) на условия и пути достижения своих устремлений и целей.

В сфере мировоззренческих образов мысли идеологические средоточия не всегда обнаруживаются открыто, в виде прямого утверждения политических и экономических интересов определенной социальной группы или общественного движения (как, например, в случаях с французским материализмом XVIII века, объективным идеализмом Гегеля, нигилизмом Ницше и др.). Своеобразие идеологической ангажированности философии все же состоит, главное, в том, что в ее тех или иных образах мысли формируются соответствующие общетеоретические (метафизические, методологические, социокультурные) основания многоаспектной и противоречивой человеческой деятельности. Адекватное коренным потребностям конкретного исторического субъекта идеологическое средоточие философии облегчает ему преобразование общественных отношений в собственных интересах. Рассмотрим данный тезис более детально.

Прежде всего необходимо проанализировать образующий гносеологическую составляющую образа философской мысли вопрос о партийности философии. Естественно, что тут надо иметь в виду не какие-то политические партии, идеологические средоточия которых будто бы защищают данное конкретное мировоззренческое учение (хотя и это порой бывает). На самом же деле речь должна идти о партиях в самой философии и уж затем только о ценностных ориентациях, которые они объективно выражают. «Новейшая философия, – писал В.И. Ленин, – так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями, по сути дела, прикрываемой гелетерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм»⁵⁹.

Идеологическая значимость сформулированного В.И. Лениным принципа партийности состоит в необходимости ответа каждым мыслителем (сознательно или неосознанно) на основной вопрос философии, поскольку в конечном счете именно пониманием разнопорядкового соотношения сознания и материи обуславливается сущностная трактовка всех других мировоззренческих проблем духовной синергии. Отметим в этой связи, что в оппозиции «философия – идеология» желателен выделять два момента: а) собственно философские идеологические средоточия (идеализм, материализм, априоризм, сенсуализм, рационализм, софистика, сциентизм и т.д.), интегрирующие выдвигаемые теоретиком идеи в целостный конкретный образ философской мысли; б) внедрение в философское учение (самим мыслителем по собственной логике и воле или под воздействием внешних обстоятельств) идеологических установок иного социокультурного типа – политических,

⁵⁹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 380.

религиозных, технократических, гуманистических, классовых, националистических и др.

Обратим внимание читателя на ту деталь, что философия как «эпоха, схваченная в мысли» (Гегель) по природе своей не может устраниться от противоречий и коллизий, прямо воздействующих на содержание духовной синергии, а мыслители – пребывать в «башне из слоновой кости» и невозмутимо созерцать происходящие в социальном мире события. Соответственно и общество никогда не считало философию сугубо частным занятием ученого. Об этом свидетельствуют многие факты. В Древней Греции казнены были элеат Зенон и диалектик Сократ. Церковные схоласты позднего средневековья возвели на костер борца за свободомыслие Дж. Бруно. Подвергались гонениям позже Декарт, Спиноза, Дидро, Гольбах, Чернышевский, Фейербах. И в то же время объявлялось почти государственной идеологией учение Гегеля. В конце XIX в. философия неотомизма была провозглашена официальной идеологией Ватикана, философией католицизма. В XX веке в СССР философия диалектического и исторического материализма, составляющая теоретическую основу марксизма-ленинизма, возводилась в статус государственного мировоззрения, а приверженцы религиозно-идеалистических или субъективистски-экзистенциалистских образов мысли репрессировались или изгонялись из страны (Бердяева Н.А., Сорокина П.А., Шестова Л., Ильина И.А. и других пассажиров «философского парохода»).

Приведенные примеры иллюстрируют внутреннюю идеологическую насыщенность главных философских направлений и отношение к ним властвующей элиты и установившегося общественно-политического строя. Со всей убедительностью это воспринимается в период современного цвишенизма.

Происходящая в постсоветских государствах переидеологизация общественного сознания разрушила коренные основы прежнего господствующего образа философской мысли. Принцип партийности философии ныне отвергнут. Основной вопрос философии объявлен фикцией, «псевдовопросом». Марксистско-ленинская философия либо вообще замалчивается, либо считается устаревшей и не отвечающей требованиям времени. Теоретики рыночной цивилизации усиленно внедряют в духовную синергию общества чуждые материализму идеологические средоточия квазиестественнонаучного религиозного дуализма и идеализма, релятивизма, постмодернистского нигилизма. С поправкой на современные реалии сверхактуальны сейчас слова никогда не скрывавшего свои идеологические предпочтения мыслителя: «И вражда к материализму, тучи клевет на материалистов, – все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня. Все это продолжается до сих пор»⁶⁰.

Обратимся опять-таки к реалиям нынешней повседневности. Осуществленная переидеологизация постсоветской духовной синергии побудила к реанимации средоточий, с которыми диалектическому материализму пришлось иметь дело еще столетие назад: уверения многих

⁶⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 365 – 366.

мыслителей в своей мировоззренческой беспартийности, в несущественности основного вопроса философии, в своей идеологической нейтральности. На практике это оборачивается забвением и утратой вековых традиций Просвещения, борьбы с невежеством и религиозным догматизмом. Идеологическая безответственность (а точнее – принципиальная перемена образа философской мысли) некоторых ученых породила не просто установку на игнорирование бесспорных достижений материалистического мировоззрения, но и методологическую поддержку откровенно односторонних социальных ориентаций (идей гармонии науки и религии, существования мирового семантического Универсума, информации как духовного начала, заполняющего всю вселенную и т.п.). Подобные философские средоточия объективно способствуют выполнению свойственной далеко не всякому образу мысли идеологической функции апологии теологических догм, десциентизации духовной синергии, усиления мировоззренческой индифферентности, выработке в конечном счете установки социальной пассивности.

Возвращаясь вновь к теоретическому обсуждению идеологических средоточий философии, согласимся с высказанным мнением, что в известной формулировке Ф. Энгельса основного вопроса выявлены не все его стороны. Отношение сознания к материи можно, как верно пишет Г.Д. Левин⁶¹, выразить в постановке следующих подвопросов, касающихся «первого и последнего основного вопроса философии»:

«1. Существуют ли Я за пределами моего сознания?

2. Существует ли за его пределами мир?

3. Познаваем ли этот мир?

4. Преобразуем ли он во благо человеку?

5. Существует ли он от века или порожден первичным по отношению к нему мировым духом?»

При подобной дифференциации «старого» основного вопроса философии становится еще более очевидной возможность и необходимость даже вне собственной воли ученого появления в его образе мышления идеологических средоточий. Так, в мировоззренческом обосновании, например, допустимости или невозможности изменения действительности могут найти выражение и заинтересованность и ценностные ориентации (апологетика, революционная критичность, конформизм, нонконформизм и др.) всего общества или большой группы людей (класса, клана, нации).

Помимо рассмотренного сюжета идеологической значимости основного вопроса философии, нужно в аспекте нашей темы охарактеризовать такой ее существенный компонент, как *способ решения мировоззренческих проблем*. По известному замечанию Гегеля, содержание философии резюмируется в методе. Тем самым используемый в мировоззренческих концепциях метод (метафизический, скептический, догматический, диалектический и др.), как и отношение к основному вопросу философии, свидетельствует в

⁶¹ Левин Г.Д. Опыт философского покаяния. – Вопросы философии, 2004, № 6. С. 167.

концентрированном виде об идеологической ангажированности соответствующего учения. Возьмем хотя бы ту же диалектику.

Социальная ангажированность материалистической диалектики

Категориальный каркас материалистически интерпретированной диалектики составляют идеи универсальной связи явлений, противоречий как импульса и источника развития, самоотрицания вещей, перехода количественных изменений в качественные различия, эмерджентности целого, проявления сущности, взаимогенезиса возможности и действительности, социальной синергии как взаимопроникновения в обществе объективных спонтанных изменений и субъективных ценностных ориентаций целерациональных человеческих действий и многих других элементов философского понимания мира природы, социума, культуры.

Носители диалектических идей в историческом прошлом воспринимались вообще властвующими идеологами как теоретики вредные, угрожающие духовной и социальной стабильности общества. Многие ненавидели диалектику и боролись с нею, вплоть до физического уничтожения ее приверженцев. Один из первых диалектиков Сократ отравлен, Джордано Бруно сожжен, Спиноза предан анафеме, Гегель трансформирован в «дохлую собаку», Чернышевский претерпел гражданскую казнь, Флоренский уже в советское время репрессирован. Перечень может быть продолжен. И здесь лучше обратиться к современным реалиям. Прямо и открыто объявили свои идеологические средоточия основоположники материалистической диалектики К. Маркс и Ф. Энгельс. Для них она была не просто доктриной, а методом изменения мира, «руководством к действию». Именно так понимал диалектику и В.И. Ленин⁶², блестяще демонстрировавший искусство ее применения в качестве «огнестрельного метода» (В. Маяковский) революционных массовых действий и эвристического средства в анализе идеологического содержания претендующих на беспартийность современных гносеологических учений. Уместно здесь заметить, что трактовка В.И. Лениным сути материалистической диалектики требует устранения как ее субъективистской релятивизации⁶³, так и безусловного недопущения каких-либо проявлений догматического восприятия действительности⁶⁴. Нельзя подменять «дух» диалектики ее «буквой», т.е. подобно натурфилософскому и теологическому образам мысли утверждать истину в науке лишь цитатами, а не исследованиями «конкретного объекта в конкретной ситуации».

Теоретически несостоятельно и практически вредно стремление реализовать идеологические философские средоточия посредством пресловутой триады, доказательством фактов простой ссылкой на диалектические законы, сведением самой диалектики к «сумме примеров» и др.

⁶² Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 20. С. 81.

⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 18. С. 320-332.

⁶⁴ Философия. Учебник. Под ред. Ю.А. Харина. Мн., 2005. С. 179 – 192.

А ведь подобные казусы были известны в прошлом. Вспоминается к примеру, опровергнутая впоследствии попытка лысенковцев использовать диалектические формулы для дискредитации генетики и «философского обоснования» будто бы фактического «скачкообразного» порождения овсюгом ржи или грабом лещины.

В постленинском развитии советского общества судьбы диалектической теории были крайне противоречивы. В сталинском «Кратком курсе ВКП (б)» идеология по сути дела вытеснила из духовной синергии общества и индивидов философию, диалектика была подавлена догматическим фиксированием ее четырех «черт», при ориентации на апологию общественного строя исключались импульсы негативности, теоретически детерминированные законом отрицания отрицания; диалектика утрачивала свое важнейшее качество сохранять «единство в беге жизни» (П. Флоренский). Это понимали многие марксисты-теоретики, существенно продвинувшие в 60-70 годах прошлого века концептуальное осмысление реальностей социализма и противоречий современной действительности. Но и тогда выражение «философ=диалектик» некоторыми мыслителями воспринималось с оттенком пренебрежения. Многие из них в период горбачевской «перестройки» стремительно преобразились из носителей «нового, диалектического мышления» в субъектов альтернативного материалистической диалектике способа мышления – эклектического плюрализма, софистики, релятивизма, мистики, догматического неолиберализма, религиозной ортодоксии и т.п. В последние годы в философии (метафизике) возникла такая ситуация, когда поистине, как писал в свое время Кант, «в философии можно нести всякий вздор, не опасаясь быть уличенным во лжи».

Диалектику не приемлют и не понимают по идеологическим средоточиям противники марксизма и социализма⁶⁵. Так, к примеру, в «Философском энциклопедическом словаре» дается намеренно некорректное представление о диалектике: «Для марксистского диалектического материализма диалектика есть прежде всего внутренняя закономерность экономического развития и – поскольку от последнего зависит все остальное – закономерность всего происходящего вообще. В законах диалектики марксистская утопия видит гарантию прогресса в направлении к всеобщему счастливому благополучию человечества. Великий закон диалектической триады: капитализм (тезис) – диктатура пролетариата (антитезис) – бесклассовое общество и равное счастье для всех (синтез)»⁶⁶. Если к процитированному тексту добавить еще отсутствие в словаре самих персоналий творцов материалистической диалектики, то идеологическая ангажированность составителей упомянутой книги становится совершенно очевидной. То же самое можно сказать и о многих других авторах, осуществивших быструю переидеологизацию (устранивших из учебных пособий и учебников по философии разделы по диалектике) своих мировоззренческих взглядов и влившихся в когорту тех, кто по своей

⁶⁵ Харин Ю.А. Почему не любят диалектику? // Тринадцатые Республиканские чтения «Великие преобразователи естествознания: Павел Флоренский». Тезисы докл. – Мн., 1997.

⁶⁶ Философский энциклопедический словарь. – М., Инфра, 2000. С. 135.

социальной ориентации всегда твердил, что материалистическая диалектика – это «опиум для народа», особенно для ученого народа, «суеверие», «аллюры мышления», «апологическая схема триады», что она «устарела» и т.д. и т.п.

Подобные обвинения и наветы относятся именно к материалистической (марксистской) диалектике, но отнюдь не к ее субъективистски-идеалистическим, феноменологическим, экзистенциалистским, религиозным, структуралистским и т.п. современным идеологическим модификациям. Каждая из них и все они в совокупности образуют в качестве характеристик соответствующих образов философской мысли и социальных средоточий идеологические альтернативы материалистической диалектике. Воспользуемся для пояснения данного тезиса метафорой П. Флоренского, который при обсуждении темы «диалектика» применял образ розы. Слово диалектической философии, считал Флоренский, «подобно розе, каждый лепесток диалектики благоухает Тайной...». И очень верно заключение Флоренского: «Ограничение односторонностью – таков, именно, способ ереси»⁶⁷. Подобный вывод правомерен не только в отношении к религиозной ортодоксии, но и очень точно характеризует (пренебрегающую сутью диалектики) любую гносеологическую односторонность. Для Флоренского – и надо с ним согласиться – диалектика (имеется в виду, разумеется, ее теория) есть «непрерывный опыт над действительностью, чтобы углубиться в последовательные слои ее реальности». В познании поэтому важно постоянно сохранять свойственное философии чувство «организованного удивления» и сомнения, гносеологического мужества при столкновении с противоречиями и противоположностями. Но как свидетельствует история научного и социального познания, далеко не всегда «и в голове не любого рефлексирующего субъекта (в том числе и по чисто социокультурным обстоятельствам) сочетаются в гармоническое единство анализ и синтез, объективные реалии и категории мышления, абстрактное и конкретное, момент и тотальность, случайность и целенаправленность, реальные противоречия и собственные интересы людей. Идеологическую философскую оппозицию материалистической диалектике объективно составляет тот, кто судит о «розе» («тайне мира») по единичному и произвольно сорванному ее лепестку. Тем самым всегда сохраняется гносеологическая возможность (стимулируемая к тому же социально-групповым конкретным интересом) неприятия регулятивного методологического диалектического принципа восхождения от абстрактного (момента, оттенка, «лепестка») к конкретному (тотальности, целокупности, «розе»).

Отмеченная возможность замены (подмены) материалистической диалектики альтернативными ей «еретическими» модусами одностороннего, по сути метафизического мышления – феноменологического, софистического, экзистенциалистского, постмодернистского и др. – объективируется в идеологических доктринах апологетов властвующей элиты, независимо от ее тоталитаристской или «демократической» окраски. Стоит напомнить, что

⁶⁷ Флоренский П.А. Т.1. Столп и утверждение истины (1). – М., Правда, 1990. С. 161.

Маркс писал о злобе и ужасе перед диалектикой тех, кто видит в ее принципе имманентного самоотрицания теоретическое обоснование перспективы устранения несправедливой власти и господства. Эгоистически поняты классовые, групповые, национальные, региональные, цивилизационные и прочие интересы, по всем основаниям материалистической диалектики, несовместимы с ее сущностными интенциями глобального и действенного гуманизма. Здесь выявляется еще один важный аспект анализируемой темы – идеологических средоточий философии в понимании реалий и перспектив жизни общества.

Философия и идеология практического гуманизма

Многие десятилетия материалистическая диалектика выполняла свою идеологическую функцию, будучи теоретической основой деятельности коммунистических партий в руководстве революционными массовыми социальными действиями и строительством коммунистического общества. С учетом реалий конца XX – начала XXI веков при восприятии диалектики как материалистического образа мысли нужно значительно более широко понимать его идеологические средоточия.

В наши дни, когда человечество столкнулось с многоликими глобальными и крайне опасными вызовами экологии, технологии и цивилизации, гуманистическая диалектическая культура мышления и социального действия становится в общественном сознании его аксиологическим императивом. Недопустимым ныне оказывается любая идеологическая односторонность и зашоренность (социально-классовая, политическая, религиозная, философски-мировоззренческая, технократическая, сциентистская, формационная, цивилизационная, рыночная, космополитическая, националистическая, расистская, и др.), обрекающая планету уже в обозримой перспективе на губительные испытания.

Реалии общественного бытия философски осмысливаются по-разному. Иные теоретики убеждают в правоте будто бы пророчеств немецкого философа Ф. Ницше (1844 – 1900), что «история двух ближайших столетий (получается XX и XXI веков – Ю.Х.) – это времена нигилизма». Он считал признаками нигилизма «обесценивание высших ценностей», «физиологическое вырождение», упадок культуры, разрушение цивилизации, крушение идеалов, рост атеизма и позитивизма, преобладание инстинктов стада, распространение социалистических идей⁶⁸. В подобных суждениях определенно проявляется идеологический аристократизм ницшеанства, служащий одним из теоретических источников всевозможных концепций пессимистического социокультурного характера. Нигилизм образует философскую основу таких модных ныне воззрений, как доктрины «золотого миллиарда», глобализации и «демократизации» в их американских средоточиях, массовизации общества,

⁶⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч., Т.9 – М., 1910. С. 38, 352–353.

постмодернизации духовной жизни людей, гомутеризации человечества и цвишенизации социума.

Угроза тотального нигилизма и все более опасные вызовы глобального социально-природного контекста ставят перед человечеством важнейшую смысложизненную задачу борьбы с этим злом «по логике сопротивления»,⁶⁹ т.е. всесторонне диалектически обдуманного предметно-материального противодействия уже существующим и только обнаруживающимся негативным тенденциям общественных изменений. А главное – встает задача сформулировать и воспринять в качестве универсального и всеобщего идеологического средоточия производственных, технологических, политических, духовных и других социальных действий ориентацию на человека как высшую ценность.

Возможность и необходимость осуществления ценностно-ориентированных действий «по логике сопротивления» угрожающему человечеству злу обуславливается особенностями социальной синергии как организации общества и его функционирования в совместном результате объективной естественно-исторической спонтанности и четко осознанного субъективного целеполагания в человеческих действиях. В общественных процессах поэтому отсутствует фатальная предопределенность будущего.

Фатализм несовместим с материалистической социальной диалектикой, всемерно акцентирующей роль активной деятельности людей как имманентного фактора реализации общественных законов, необходимости, отрицания отрицания, эмерджентности целого, сохранения меры и других всеобщих характеристик развития⁷⁰. Вместе с тем здесь обнаруживается философская несостоятельность критики К. Поппером, т.н. «историцизма» (в первую очередь марксовской теории общественно-экономических формаций как объективно-исторических ступеней поступательного развития человечества) в обвинениях в некоем «историческом предопределении». Поппер отвергает идею естественно-исторического общественного процесса, выказывая совершенно апологетическое идеологическое средоточие: «открытые общества (т.е. капитализм – Ю.Х.), в которых мы живем сейчас, - самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам, из всех когда-либо существовавших»⁷¹.

Но критика Поппером «историцизма» с морально-онтологической позиции весьма уязвима. Во-первых, история еще далеко не сказала своего последнего слова. Во-вторых, современное «открытое общество» на постсоветском пространстве (и на Западе тоже) вовсе не предстает в образе всеобщей и бесконфликтной гармонии, справедливости и благоденствия. Как говорится, совсем наоборот. Но при теоретическом рассмотрении здесь важнее всего то, что идеологические выводы Поппера покоятся на постулатах философии «критического рационализма» с его устранением социальной

⁶⁹ Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования). – Вопросы философии, 2003, № 1.

⁷⁰ Харин Ю.А. Марксистская социальная диалектика. – Мн.: Университетское, 1985.

⁷¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., Феликс, 1992. С. 15.

истины, адекватной объективным тенденциям прогрессивного развития общества. Диалектико-материалистический образ мировоззренческого понимания социума требует раскрытия источников и перспектив человеческого развития в их реальной противоречивой конкретности и целокупности.

Разумеется, отсутствует неизбежная предопределенность будущего. Но оно имеет многостороннюю связь с прошлым, разноаспектно обусловлено настоящим. Будущее строится, «конструируется» сознательными людьми. Синергия данных темпоральных факторов в соответствующем глобальном социальном контексте определяет содержание происходящих на нашей планете событий. То, какими, прежде всего, целями и ценностями руководствуются субъекты социальных действий (индивиды, группы людей, массы, государства, международные организации и объединения), во многом будут определяться объективные возможности дальнейшего развития общества и самой перспективы человеческого бытия. В духовной синергии социума сейчас известны различные идеологические средоточия в трактовке решающих судьбы человечества стратегий его существования (технократические, религиозные, экологические, политические, национальные, социальные и др.). К их числу принадлежит и *идеология гуманизма*.

Под гуманизмом в самом общем виде понимается утверждение в качестве высшей ценности человеческой личности, ее права на свободное развитие всего комплекса собственных возможностей и сил. Высказано вместе с тем мнение, что средствами логического мышления невозможно будто бы доказать абсолютную ценность человека в качестве нравственного принципа: «Единственная возможность сделать это – просто постулировать самооценку человека, опираясь не на бытийные основания, а на сам факт существования человека. Поскольку есть человек, обладающий самосознанием, он пытается сделать себя центром мира, подгоняя вне его лежащие феномены под это утверждение. Единственный аргумент в пользу этого утверждения – исторический опыт человечества»⁷². Не думается, что с подобными суждениями можно полностью согласиться. Идеология гуманизма опирается на широкий круг аргументов – онтологических (без человека не было бы общества как специфической формы движения материи), гносеологических (человек – разумное существо, в котором материя восходит к самопознанию), психологических (*homo sapiens* – единственный субъект культуры и ценностного сознания, включая нравственные императивы), праксеологических (смысл и цели социальных действий определяются потребностями и интересами людей). К тому же имеются и некоторые метафизические и естественно-научные основания возвышения человека в статус обладающего приоритетностью особого объекта по сравнению с другими элементами совокупной реальности. В этой связи напомним об обсуждающемся в философии, физике и космологии так называемом *антропном принципе*, фиксирующем зависимость возникновения и существования человека во Вселенной от законов и фундаментальных физических постоянных (массы

⁷² Бородавкин С.В. Гуманизм в культуре и культура в гуманизме. - Вопросы философии, 2004, № 5. С. 176.

электрона, скорости света и т.д.), любое другое значение которых не могло бы направить эволюцию материи на возникновение в мироздании человека. Нельзя не добавить к сказанному, что в философских образах мысли издавна утвердилось воззрение на личность как особый микрокосм, поразительно глубокий и бесконечно разнообразный в своих реалиях и потенциях. Если еще принять во внимание резкое увеличение ныне роли «человеческого фактора» в условиях становления информационно-компьютерной цивилизации, то исчезают какие-либо сомнения в социально-философской и чисто житейской значимости идеологии гуманизма. Более важно теперь разобраться в том, что представляет собой гуманизм как специфическое идеологическое философское средоточие.

Но прежде всего зафиксируем, что далеко не любой образ философской мысли содержит в себе идею человека как высшей духовной ценности. Таково, например, учение того же Ницше с его культом «сверхчеловека», «белокурой бестии». По мнению философа, явившегося идеологической предтечей немецкого фашизма, «человек – это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком – канат над пропастью, а человечество, несомненно, скорее средство, чем цель... Человечество – просто материал для опыта, колоссальный излишек неудавшегося, поле обломков»⁷³. Конечно, в столь откровенном виде человеконенавистничество высказывается не очень часто. Но негативное отношение к идеологии гуманизма встречается и в наши дни. Так, философ-неотомист И. Бохеньский вообще гуманизм зачисляет в разряд суеверий. Профессор Московской духовной академии Михаил Дунаев считает, что «истинное наименование гуманизма – безбожие, богоотступничество», «первым гуманистом был дьявол, соблаздивший наших прародителей»⁷⁴.

Религиозные мыслители не приемлют гуманизм как духовную ориентацию, потому что в нем «человек вытесняет Бога»; поскольку именно человек объявляется «мерой всех вещей». В христианской религии проповедуется гуманность (чувства милосердия, покаяния и др.), но отвергается система мировоззренческих ценностей гуманизма. Впрочем, тут следует сказать, что в концепции гуманизма выявились различные его смысловые оттенки. Это позволяет в философии человека выделить такие исторически обозначенные разновидности гуманизма, как романтический, героический, абстрактный, реальный, профанный, парадоксальный, интегральный, диалектический, критический и др. Здесь не ставится задача специального анализа отмеченных трактовок гуманизма. Подчеркнем только, что в условиях современного глобального социального контекста особо значим не просто общетеоретический подход к данному вопросу, но прежде всего практические аспекты реализации гуманистической идеологии.

Гуманизм, целеполагающий ценностное возвышение личности не на словах и не только абстрактно-теоретически, а на деле, в реальности мирской повседневности называется конкретно-действенным *практическим*

⁷³ Ницше Ф. Полн. собр. соч., Т.9 - М., 1910. С. 352-353.

⁷⁴ Труд-7, - 2004, 25-31 марта.

гуманизмом. В таком подходе к жизни человека и общества, с одной стороны, и к императивам их деятельности, - с другой, системно и интегративно должны осмысливаться сейчас взаимные отношения людей с природой («коэволюция»), взаимодействие личности и общества, функционирование государства и гражданских формирований.

Идеология практического гуманизма составляет глубинную философскую теоретическую основу курса гуманистики (Человек. Общество. Государство), изучаемого в средних учебных заведениях Республики Беларусь.

В современном диалектико-материалистическом гуманизме лежат истоки (наряду с традиционными народными социокультурами средоточиями) и возможности формирующейся сейчас идеологии Белорусского государства.

В отличие от названных выше многих интерпретаций гуманизма практически-действенный и конкретный к нему подход означает: а) заботу индивида и социума о создании и сохранении оптимальных для существования людей условий природной среды при непременно позитивно-человеческом отношении к жизни на Земле; б) твердую психологическую установку на осуществление в мире повседневности комплекса гуманистических чувств (доброты, милосердия, совести, справедливости, человеколюбия, честности, великодушия, оптимизма, патриотизма и т.п.); в) образ жизни в соответствии с нравственными императивами и правовыми нормами при социальном обеспечении конкретно-исторически изменяющихся достойных для человека качества и уровня жизни; г) системное теоретическое и идеологическое обоснование в качестве высших природных, социальных и духовных ценностей «жития, бытия» человеческой личности, свободы и прав человека, социальной защищенности; д) совокупность постоянных целенаправленных в социальной синергии индивидуальных, массовых и институализированных действий, обеспечивающих практически бытие человека как космобиопсихосоциодуховного существа.

Идеология практического гуманизма, формирующаяся на мировоззренческих основаниях философии материалистической диалектики, не только выражает возможные и необходимые в настоящее время подлинно человеческие контуры бытия, но и вскрывает содержащиеся в нем внутренние противоречия. Эти противоречия конкретно-действенного гуманизма обуславливаются самими обстоятельствами современной жизни с ее многочисленными коллизиями социального, техногенного, социокультурного, психологического и т.д. порядка. Воззрение на человека как высшую ценность вовсе не означает абсолютизации самого гуманизма. Во-первых, как и все в мире, человеколюбие имеет свою меру. Часто спрашивают, как проявлять гуманизм по отношению к убийцам-рецидивистам, террористам, насильникам-маньякам и тому подобным антиобщественным элементам? Или еще сомнение: «Не ведет ли пропаганда гуманизма к ослаблению воинского духа и готовности молодых людей к защите Отечества?»

Вопросы правильные. Но они вскрывают несостоятельность абстрактного, вневременного, безусловного гуманизма, который, превысив реальную свою меру, становится фактически поощрением

противочеловеческих злодеяний. Строгие наказания вплоть до смертной казни, готовность к уничтожению в бою вражеских солдат – это особые, в рамках гуманистической меры, выражения практического гуманизма, социальные действия по сохранению жития-бытия человека в пространстве повседневности или пределах национального суверенного государства.

Все изложенное теперь поддается обобщению в виде следующих выводов:

1. Философия и идеология – специфические элементы духовной синергии.

2. Идеология как теоретически оформленное выражение общих или частно-групповых интересов и ценностей присутствует в различных образах философской мысли либо непосредственно в виде их социальных средоточий (религиозных, политических, моральных, сциентистских и др.), либо опосредованно в зависимости от гносеологической позиции мыслителя (соответствующей решению основного вопроса философии).

3. Особо заметно проявляются в философии идеологические средоточия в методе, резюмирующем ее содержание.

4. Материалистическая диалектика никогда не скрывала и в наши дни открыто признает важность своих идеологических функций, за что и подвергается непрерывной и в общем несправедливой критике многими теоретиками.

В силу коренных многоаспектных социальных изменений, чем богаты XX и XXI столетия, возникновение новых глобальных угроз и вызовов, ставящих под сомнение само существование человечества на Земле, необходимо происходит идеологическая переориентация диалектико-материалистической философии. В условиях современного глобального социального контекста и с осмыслением специфики нынешней социальной синергии утверждаются в материалистической диалектике вместо прежней классовой ограниченности (вполне адекватной прошлой истории) универсальные идеологические средоточия действенного практического гуманизма, ориентированного на самозначимость общечеловеческих ценностей в сочетании с национальными целями и традициями.

Культура и ее ценности (идеологический аспект)

Традиция, связывающая культуру с развитием, совершенствованием человека, с возделыванием его души и тела, с нравственным и умственным «образованием» восходит еще к античности и с тех пор постоянно воспроизводится в общественном сознании. Данная традиция усматривает в человеке не продукт природы, а продукт воспитания, направленного на культивирование, улучшение в нем его свойств и качеств. Если в процессе обработки материального мира создается культура вещей, то посредством воспитания формируется культура людей, сам человек. Обычно под культурой и понимают сферу воспитательной и образовательно-просветительской деятельности. В отличие от материального и духовного производства эта сфера связана с производством и воспроизводством человека как общественного существа. Она включает в себя наследование, сохранение, распространение и освоение общезначимых результатов деятельности, приобщение к ним широких слоев населения. В сфере культуры человек переживает «второе рождение» – не просто живого, а общественного существа.

Понятие культуры в истории философии

Проблема культуры, как и любая другая общефилософская проблема, имеет свою историю. Оформление понятия «культура» как инструмента научного познания было связано с коренными изменениями в отношении человека к миру на рубеже средних веков и Нового Времени. Нарождающееся капиталистическое общество разрушило старые, традиционные, патриархальные отношения, привязывавшие человека к еще во многом природным условиям его жизни. Понятие культуры – результат осознания человеком своей самостоятельной творческой активности, не сводимой к действию природных или божественных сил. Новое общество сформировало «культ» самого человека, пришедшего на смену всем иным культам древности.

В истории философии в самом общем виде можно выделить три традиции понимания культуры: 1) *классическую*, 2) *натуралистическую*, 3) *идеалистическую*.

Появление *классической модели* связано с культурной практикой эпохи Возрождения. Культура Возрождения радикально отличается от средневековой светским характером, гуманистическим содержанием. Гуманизм заключается в эмансипации человека от божественного и природного миров, в признании его свободы, самостоятельности, творческих возможностей, субъективности. Гуманизм проявлялся не столько в факте обращения к человеку, интересом к нему, не столько в содержании, сколько в форме, в том, что человек осмысливался теперь не в категориях мифа или религии, а в категориях философии, в естественных, земных измерениях. В обществе Возрождения происходит отказ от идеи божественной предопределенности человеческой сущности и утверждается самоценность человеческого рода.

В эпоху Ренессанса рождается стремление объяснить мир из него самого. Поэтому гуманизм классической модели культуры тесно связан с рационализмом, поскольку именно в разуме человека усматривался источник его независимости, самоопределения и саморазвития. Происходит усиление светского начала в культуре, секуляризация и даже эстетизация религии. Отказ от «готического натурализма», в основе которого лежали каноны и геометрические схемы, – средневекового способа духовно-практического освоения мира – приводит к созданию новых ориентаций на точное воспроизведение живой природы, восстановление доверия к чувственному опыту и человеческому восприятию, слиянию видения и понимания. Рождается реалистическое мировоззрение, выражающее новое отношение человека к природе, религии, художественному наследию античного мира.

Ренессанс – не состояние, а процесс, притом процесс переломного характера. Динамический характер культуры Возрождения подготовил новое понимание общества как исторически развивающегося. В рамках классической модели культуры было достигнуто понимание того, что граница, отделяющая человека от остального мира – это не пропасть и не стена, а историческая дистанция, которую надо пройти, чтобы подняться от естественного состояния до разумного. Культура есть одновременно и исторический путь человечества и итог, результат этого пути. Культура – это развитие человека как разумного существа.

Согласно *натуралистической модели*, сформировавшейся позднее, в эпоху Просвещения, история людей представляется прямым продолжением, даже частью естественной истории, о которой можно судить по аналогии с природными процессами. Культура понимается как одно из звеньев природной эволюции. Человек в результате исторического развития не меняет свою сущность, остается прежним. Он не исключается из системы природы, а образует высшее, заключительное звено в ее эволюции. Данная модель строится на принципе редукционизма, изобретенного еще французскими материалистами. Но если природная сущность человека не меняется, то культура и общество признаются все же системами динамическими, исторически изменяющимися, хотя в основном с формальной точки зрения. Формы культуры подвижны, разнообразны, но это лишь формы. Содержание и развитие культуры определяется менее организованными механизмами, лежащими в основе природной эволюции, в сфере естественной биологической активности человека и, по сути, культура является средством реализации человеческого бессознательного начала.

В натуралистической модели культуры делается акцент на единстве человека и мира, обнаруживается желание найти глубинные, коренные основания сути человека. Но попытка сосредоточиться на телесном в широком смысле слова (имеется в виду не только физиологическая составляющая человека, но и вещественное, материальное «тело» культуры), на результате, полученном однажды и постоянно воспроизводимом в процессе истории, была преодолена уже в классической немецкой философии, в идеалистической модели культуры.

Идеалистический подход к культуре основан на резком разграничении мира природы и мира свободы: первый из них подчиняется естественной необходимости, второй – подлжит ведению разума, полагающего для него свои законы. Отсюда следует, что человек, рассматриваемый в аспекте его природного существования, еще не может быть причислен к разряду разумных существ. Разумность человека состоит в его способности действовать независимо от природы, т.е. в его свободе. Самосовершенствование человека основывается на силах собственного разума. Но прежнее светское представление о культуре как о реализации человеческого разума трактовало последний как неизменную по сути способность отдельного индивида. Человеческая жизнь понималась как саморазвертывание изначально заданной разумной природы. Таким образом, прогресс культуры не затрагивал сущности самого человека. Прогресс культуры понимался как следствие, результат саморазвития изначально разумной природы человека. Но сам разум, который изменял и обустроивал мир, оказывался собранием неизменных и годных на все времена идей и принципов.

Классическая модель культуры рассматривает человека через призму пантеизма. В классической немецкой философии происходит дифференциация природы и духа. Культура, материальный мир в целом представляются как формы реализации мировой идеи. Понятие мирового духа или разума представляет собой рационализацию идеи Бога. Целью мирового разума является самопознание. Он реализует себя в самых разных формах: от понятий логики и объектов природы до человеческого сознания и культуры. Мировой дух воплощается в науке и технике, религии и искусстве, государстве и других элементах политической жизни, обществе и культуре. Да, история культуры понимается как развитие человеческого разума и его форм: религии, морали, политического сознания, искусства, то есть духовной сферы общества, является результатом теоретической деятельности человека, но все, что делают люди, есть осуществление целей мирового духа, подчинено скрытой логике единого духовного мирового начала. Все многообразие культурных явлений понимается как саморазвертывающееся целое. Развитие культуры во всем многообразии ее появлений: от философии, религии и искусства до государственных и других объективированных форм общества впервые предстало как закономерный целостный процесс, осуществление единого плана абсолютной идеи, то есть Бога.

Таким образом, если в классической модели культуры доминирующим принципом, интегрирующим и упорядочивающим в единую картину мира многообразие культурных явлений, был антропоцентризм, в натуралистической модели культуры – природа, то в идеалистической модели культуры – мировой разум. Человеческая свобода оказалась призраком, а действительным дирижером истории явилась безличная необходимость.

Марксизм переосмыслил и переплавил основные историко-философские идеи о культуре. В противоположность идеалистической философии в марксизме мир культуры понимается как продукт прежде всего материальной деятельности людей. Эта деятельность кладется в основу объяснения сущности

и источника культуры, понимания ее как надприродного образования. Данная методология послужила основой многообразия мнений по поводу культуры в современной отечественной философии и культурологии. Разброс мнений чрезвычайно широк: от технологической концепции до аксиологической. С технологической точки зрения культура понимается как специфически человеческий способ жизнедеятельности, как функция общества. Здесь подчеркивается качественное отличие человеческой деятельности от форм биологической жизни, подчеркивается значение средств и механизмов человеческой деятельности, то есть технологий. Причем понятие «технология» толкуется очень широко: оно включает в себя не только средства производства, но и нравственные побуждения, эстетические идеалы, мировоззренческие взгляды, идеологические проекты и т.д. Аксиологический подход связан с трактовкой культуры как совокупности ценностей (материальных и духовных), созданных человеком.

В целом же в самом широком смысле культура понимается как вторая природа, искусственная среда, созданная человеком, в которой можно выделить три сферы: 1) материальное производство (орудия труда, предметы, удовлетворяющие материальные потребности человека); 2) духовное производство (идеи, художественные образы, общественные нормы, выступающие в вещественной форме: рукописи, книги, картины, ноты, чертежи); 3) формирование личности (воспитание, становление и развитие человека как общественного существа). Все эти сферы нельзя рассматривать изолированно друг от друга. Общественное производство в целом, включая в себя и материальное и духовное производство, является одновременно и производством самого человека как общественного существа. К. Маркс подчеркивал эту взаимосвязь, системность в развитии культуры. Он отмечал, что, изменяя в процессе активной, преобразующей деятельности общественное бытие, люди изменяют и самих себя, поскольку обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства. Таким образом, культура – это не только результат и даже не столько результат, сколько процесс общественной деятельности человека.

Интересным, наиболее позитивным представляется мнение, что условием бытия культуры является свершение – живые состояния, живые акты. Если эти акты не совершаются, если не находится в обществе достаточного числа людей, поддерживающих собственными усилиями функциональное состояние культуры, то последняя исчезает, остаются только тени. Реальная культура находится не в музеях и не сводится к их посещению, а заключается в чувстве бытия или небытия, то есть в осуществленном существовании, которое явно отлично от намерения. Например, нотная запись, музыка существует только тогда, когда она исполняется. Все культурные явления таковы: книга читается и существует только тогда, когда ее читают. Другого существования она не имеет. В данном контексте представляется актуальной идея – призыв «заниматься воскрешением мертвых». Мысль существует тогда, когда она жива, воплощается в исполнении. Мысль не в голове человека, она пространственна. И если разрушается внешнее пространство, то разрушаются и

внутренние источники, возможности мысли, разрушается сама мысль, поскольку есть закон: человек не весь в человеке. Данные идеи раскрывают диалектику объективированных форм культуры и живого духа человека. Мы идем к себе издалека и неизвестно, будет ли достигнута конечная цель.

Все сказанное приводит к выводу о взаимозависимости понятий «культура», «деятельность», «человек». Эта взаимозависимость проявляется в двух моментах: во-первых, в том, что любая деятельность, экономическая, политическая, научная, художественная и т.д. приобретает культурный смысл, культурное содержание только тогда, когда она содействует развитию человека; во-вторых, культура предшествующих поколений, ценности, накопленные человечеством, сами по себе мертвы, они не существуют без реального человека. Эти ценности должны востребоваться, оживляться новыми поколениями.

Аксиологическая природа культуры

Сциентификация мышления, технократизм, бюрократизм привели к дегуманизации нашей жизни. В связи с возрождением гуманистических ценностей ориентации общества на человека как свою цель возрастает интерес к проблеме ценностей. Исследование категории ценности – не дань моде, а практическая и теоретическая необходимость, обусловленная самой логикой развития жизни и науки, теми политическими и идеологическими задачами, которые решаются в настоящее время. Человек не может жить только научным познанием. Он нуждается в системе представлений, ценностей и норм, с помощью которых мы бы объясняли мир и управлять своим поведением. Вопросы совершенствования современного общества связаны с перестройкой ценностного сознания, переосмысливанием сложившихся в научном и обыденном сознании ценностных представлений, понятий, идей, ориентаций и т.д.

Прежде чем рассматривать состояние аксиологической проблематики в отечественной философии, необходимо обрисовать краткую историко-философскую ретроспективу проблемы ценностей. Ограничимся анализом ряда ведущих течений в западной философии, таких как *неокантианство*, *экзистенциализм* и *неопозитивизм*. В этих философских системах проблема ценностей получила наиболее полный и завершенный вид.

Вся западная философия в осмыслении природы ценностей исторически и логически восходит к этической теории И. Канта, где впервые четко и последовательно разделяются миры сущего и должного, то есть мир того, что есть, и мир ценностей. Человек, по И. Канту, принадлежит одновременно двум мирам: как часть природы – миру сущего; 2) как носитель духовного начала – миру сверхчувственному. В первом случае человек есть существо несвободное, подчиненное природной необходимости, а значит, морально не определяющееся, так как судить можно только обладающего свободой. Во втором случае человек самоопределяется, преодолевает природную

необходимость, обретает свободу и упорядочивает мир по-своему. В этом случае регуляторы поведения могут быть только нравственные: моральная ответственность, нравственный закон. Дуализм человеческой природы в кантовской философии не преодолен, хотя философ к этому стремился. Он пытался это сделать следующим образом: человек как существо природное стремится к счастью, но это стремление не делает человека нравственным. И наоборот, следование нравственному закону не обеспечивает достижения счастья, так как мораль всегда не «для», а «во имя» человека. Таким образом, счастье и мораль в мире сущем не совпадают. Это противоречие, как считал И. Кант, разрешается в мире разума и воли, в мире должного, где царит нравственный закон – категорический императив. Здесь человек сам, по своей воле как существо разумное следует нравственному закону и в этом находит свое счастье. Мир разумен по сути – это рационализированный мир Бога, перед которым человек должен чувствовать ответственность всегда, таким образом свобода человека должна быть ограничена ответственностью перед нравственным законом, то есть Богом.

Неокантианцы (Фрейбургская школа) считали, что противоречие между миром бытия и миром должного непреодолимо. Ценности принадлежат миру должного, следовательно, в реальном существовании им отказано.

Экзистенциализм, находясь в русле традиций западной аксиологии, доводит противоречие между должным и сущим до антагонизма, обосновывает их абсолютную несовместимость. В экзистенциализме полагается, что источником ценностей является субъект. Ценность есть выражение человеческого значения мира, объективно сама по себе не существует и к тому же асоциальна. Следовательно, моральные замыслы отдельной личности реализоваться в обществе не могут.

Не выходит из русла сложившихся в западной философии традиций и *неопозитивизм*, своеобразно интерпретируя противопоставление ценности и факта. В данной философской системе ценностные суждения понимаются не как форма отражения социального бытия, а только как фиксация эмоциональных состояний оценивающего субъекта.

В целом нужно сказать, что в антитезе должного и сущего, ценности и факта нашло отражение реальное противоречие между идеалами и окружающей действительностью. Основой подобных суждений является реальный феномен отчуждения человека в обществе, где человеческая жизнь предстает разделенной на взаимоисключающие сферы бытия: 1) общественную деятельность, где личность – только объект внешнего воздействия чужой воли, подчинен извне внедренным в его сознание целям и 2) сферу личного существования, где человек свободен и реализует подлинные ценности.

В отечественной философии проблема ценности решается в плане диалектики объективного и субъективного. На сегодняшний день мы имеем целый ряд трактовок понятия «ценность». В общем виде можно выделить *три основных подхода к пониманию ценности*.

С позиций *первого подхода* ценностями являются вещи и их свойства, которые нужны людям в качестве средств удовлетворения их потребностей и

интересов. В данном случае мы имеем дело с утилитарным подходом. Понятие ценности слабо дифференцируется с понятием блага и не выявляет настоящей сущности первого.

Второй подход связан с интерпретацией ценности как идеала, стремления, чувства, святыни, мечты, то есть как идеального объекта. В данном случае мы имеем дело с противоположным утилитарному подходу. Потребительная стоимость ценна не сама по себе, как таковая, но становится ценностью в определенных условиях, когда она окрашивается в тона духовного отношения к предмету, когда возникает особая близость к нему. Если с позиций утилитарного подхода критерием ценности является полезность предмета, то в сфере духовных отношений как ценности могут функционировать совершенно бесполезные вещи: увядшие цветы, разбитая ваза, устаревшие элементы материального быта и т.п.

Третий вариант определения ценности связан с попыткой снять крайности первых двух подходов. *Ценность здесь понимается как социально-положительная значимость объектов для личности.* Человек выделяет какие-то элементы предметного и духовного мира и наделяет их значением, вкладывает в них свое собственное содержание. Безусловно, данный процесс связан с идеализацией мира человеком. Но следует отметить, что ценность зависит от свойств не только субъекта, как это интерпретируется в западной философии, но и объекта. Ценностное отношение, несмотря на всю его кажущуюся пристрастность, объективно, поэтому следует различать понятия «ценность» и «оценка». *Если ценность объективна, то оценка не всегда, – она представляет собой суждение о ценности.* Разумеется, разные люди, классы рассматривают, оценивают одно и то же явление (например, демократию или диктатуру) по-разному, – в этом и заключается субъективный момент ценностного отношения. Но если посмотреть более пристально, то обнаружится, что *социальные явления объективно находятся в разном функциональном отношении к различным субъектам, объективно имеют положительную или отрицательную значимость для них.*

Возникает вопрос: как отличить ценности мнимые от подлинных? Таким критерием является практика общественного прогресса. Технический, социальный, духовный прогресс объективно направлен на достижение все большей свободы человека от власти внешней необходимости (природы и общества), на удовлетворение и развитие его потребностей, физических и духовных способностей, реализацию универсальной природы. Поэтому в последнее время в качестве критерия общественного прогресса и предлагается рассматривать уровень развития потребностей и способностей человека, всесторонность, гармоничность и универсализацию данного развития. Отсюда следует, что в той мере, в какой потребности того или иного класса, социальной группы, личности соответствуют тенденциям общественно-исторического развития, их отношение к явлениям жизни, действительности выражает общезначимое содержание и является объективно-ценностным. В современном мире такие явления, как фашизм, милитаризм, тоталитаризм, терроризм представляют собой антиценности, поскольку противоречат социальному

прогрессу, несут в себе угрозу человечеству. То, что эти явления обладают объективной положительной значимостью для определенных социальных групп общества, не переводит их в разряд ценностей. Они получают этот статус лишь в классовом сознании, в оценке конкретных социальных групп и личностей. Поэтому следует отличать объективные действительные ценности от субъективно-признаваемых таковыми. Здесь и проявляется отличие ценности и социальной оценки. В той мере, в какой социальные потребности класса, группы, личности соответствуют тенденциям общественно-исторического развития, их оценка действительности является прогрессивной и объективно-истинной. Сами ценности подвержены исторической динамике. Поэтому для определения объективной ценности социального явления или процесса необходимо знание общих тенденций общественного развития.

А существуют ли абсолютные ценности? Положительное решение этого вопроса связано с возможностью построения иерархии ценностей. Предполагается, что подобную иерархию ценностей можно выстроить по признаку преобладания в конкретных ценностях положительного элемента. Одни конкретные ценности находятся ближе к идеалу, другие отстоят от него дальше. Среди бесконечного многообразия значений можно выделить лишь очень незначительное число явлений, которые сохраняют положительное значение во все времена для всех людей, которым может быть присвоен статус общечеловеческих непреходящих ценностей, – это жизнь, здоровье, труд, добро, истина, красота, справедливость и т.п. Но общечеловеческие ценности в чистом виде, сами по себе реально не существуют. Это сфера должного, идеалов, стремлений. Действительность не знает абсолютного совершенства и несовершенства, в ней всякое совершенство в той или иной степени «испорчено» несовершенством, а несовершенство заключает в себе частицу совершенного.

Идеология культуры и культура идеологии

Итак, существует понимание ценности как идеи, формирующей и совершенствующей мир. Наиболее ярко, наглядно данный функционализм, действенный характер ценности проявляется в идеологических идеях. Слово «идеология» буквально и означает учение об идеях. Начало функционирования данного понятия связано с XIX веком, временем интенсивного развития национальных государств. Возникает острая потребность в самоопределении, самосознании национальных государственных образований. Обычно под понятием идеологии понимают систему идей, на основе которых строится объяснение и преобразование социальной действительности, оценка событий политической, экономической, культурной жизни общества. Идеология – это систематизированное и логически стройное учение. Таким образом, идеология сближается с наукой. Но идеология богаче по содержанию, чем научное сознание. Если наука дает знания о предметах и явлениях действительности, их закономерностях, то идеология не только несет знание, но и выражает

отношение к предмету знания. Это отношение обуславливается интересами классов и социальных групп, с позиций которых осуществляется отражение действительности в идеологии. Поскольку к знанию прибавляется отношение, постольку первое обретает новое качество – качество сознания, осознания действительности. Таким образом, идеология дает знания, пропущенные через социальный интерес. *Идеология – это и знание, и оценка, и отношение к действительности*, поэтому она в отличие от науки не может быть беспристрастной. *В идеологии находят выражение ценности и идеалы различных общественных формирований. Социальные субъекты в идеологии осознают свои коренные интересы, место в обществе, отношение к другим классам и социальным группам, формулируют и обосновывают цели и программы своей деятельности.*

Идеология – это теоретический уровень общественного сознания, поэтому она разрабатывается не всеми представителями определенного класса или социальной группы, а ее мыслящими представителями – идеологами, не обязательно происходящими из этих же социальных сообществ. В классовом обществе идеология носит классовый характер. Каждый класс вырабатывает свою систему идей, которые выражают его статус в обществе, потребности и интересы. В каждом конкретном обществе ведущей идеологией является система общественных идей, теорий, взглядов господствующего класса, который держит в своих руках средства материального и духовного производства. В антагонистических обществах межклассовая борьба находит отражение и в области идеологии. Впервые идеология как феномен была проанализирована в марксизме. Каждую конкретную идеологическую систему предлагалось оценивать прежде всего с точки зрения социально-классовой принадлежности, чем и определялся в дальнейшем характер отражения действительности (истинный или ложный) и выполняемые социальные функции, роль в общественной жизни (прогрессивная или консервативная).

Вместе с тем идеология обладает относительной самостоятельностью. Общественные взгляды в каждую новую эпоху не возникают на пустом месте, а опираются в своем развитии на уже имеющийся мыслительный материал прошлых времен. Самостоятельность идеологии проявляется и в том, что ее элементы могут определенное время не соответствовать действительности, то есть либо опережать общественную реальность, либо отставать от нее. Идеологические идеи могут не реализоваться, если они не превратятся в цель деятельности определенных социальных субъектов. Самостоятельность идеологии проявляется и в том, что она может оказывать обратное воздействие на общественное бытие, поскольку факторы и законы развития общества действуют не стихийно, а посредством деятельности людей, обладающих сознанием, ставящих цели, реализующих свои потребности и интересы. Как правило, переворотам в общественных отношениях предшествовала идеологическая революция.

В широком смысле идеология – часть надстройки и необходимый фактор формирования идеологических (политических, правовых и др.) отношений. Будучи частью общественного сознания, идеология занимает определенное

место в его структуре как иной уровень по отношению к общественной психологии и обыденному сознанию. Идеология проявляет себя также в различных формах общественного сознания. Соответственно различаются политическая и правовая идеология, философия и религия, нравственное и эстетическое сознание. Наука также испытывает влияние идеологии, поскольку научные открытия осмысливаются в различных формах идеологии, а фундаментальные теории общественных наук носят идеологический характер.

Идеология является тем средством, с помощью которого каждый класс подчиняет себе культуру, направляет ее развитие в своих интересах. В форме идеологии социально-классовые моменты присутствуют в культуре. Идеология в самом широком смысле – это систематизированное и обобщенное выражение политических, нравственных, художественных, философских и других взглядов и принципов определенных классов и социальных групп, выработанных теоретиками на основе анализа общественной реальности.

Следует отметить, что сегодня преодолевается свойственное К. Марксу чрезмерно расширительное понимание идеологии. Теперь этот термин часто применяют для характеристики политического сознания, включенного во взаимоотношения между правящей элитой и массами, реализующегося в рамках отношений классового господства и подчинения. Если правящий класс пытается выдать свой способ понимания общественно-политических явлений за единственно истинный и пытается его теоретически обосновать в этом качестве, то для этого используются средства идеологии. Сознание непривилегированных классов, выражающее их стремление к социальному реваншу, трактуется как утопическое, противостоящее идеологическому сознанию правящей элиты. Утопии трансформируются в идеологии, когда оппозиционные слои приходят к власти. Утопия при этом теряет свой радикализм и меняет ценностные ориентации.

В структуре идеологии можно выделить несколько слоев: 1) фундаментальный, ценностный, включающий в себя набор политических, правовых, нравственных и других ценностей (например свобода, равенство, справедливость, демократия, закон); 2) критический, связанный с критикой элементов власти, неспособной обеспечить реализацию ценностей; 3) конструктивный, включающий в себя программы совершенствования общества, проекты идеального государства.

Передовая, прогрессивная идеология стимулирует развитие культуры во всей ее полноте, содействует созданию благоприятных условий для реализации внутренних закономерностей, самой природы культуры. Развитие культуры может также иногда идти вразрез с идеологическим воздействием, двигаться в соответствии со своими закономерностями (например советская критическая литература 20 – 70-х годов, авангардистское искусство). В определенных обстоятельствах идеологическое воздействие может оказывать деформирующее влияние на культуру, подчиняя заложенное в культуре всеобщее начало особым интересам властвующего социального субъекта. В этом случае культуру ограничивают выполнением идеологической функции. Так, например, в 1975 г. была предпринята попытка идеологического контроля за развитием

«неофициального» искусства. То есть наметился переход от полного отрицания к компромиссу: после полулегальных независимых выставок на открытом воздухе или в частных квартирах художники, согласившиеся с предварительной цензурой, наконец получили возможность показать широкому зрителю свои произведения на ВДНХ, потом в крохотных залах на Малой Грузинской в Москве. Право участвовать в выставках было доверено лишь тем, кто стал членом секции Горкома графиков. В секцию принимали лишь идеологически лояльных художников, согласных на цензурный фильтр выставкома. Возникло неизбежное разделение: одни готовы были показывать свои работы любой ценой, другие хотели стать членами выставкома, третьи и вовсе отказались принимать навязанные им правила игры. В результате многие художники оказались втянутыми в общую стратегию идеологического контроля. Таким образом, движение художников-нонконформистов за право показывать свои произведения широкому зрителю вошло в запланированное для него властью русло.

Данной ситуации созвучен вопрос о соотношении классового и общечеловеческого в культуре. Культура представляет собой воплощение родовой сущности человека, общечеловеческого всеобщего начала, которое выходит за рамки исторически конкретных общественных отношений. Вместе с тем культура органично связана со своим временем, в ней выражаются потребности и проблемы конкретной эпохи. Эти проблемы стимулируют творческую активность различных сил в обществе, как прогрессивных, так и консервативных. В связи с этими влияниями и возникает необходимость классового подхода к явлениям культуры. Однако структура культуры не совпадает полностью с социально-классовой структурой. Все явления культуры можно объединить в три группы по отношению к критериям классовости: к одним такие критерии вообще не применимы (например язык, наука, техника); другие обладают общечеловеческим содержанием, но в классовом обществе испытывают значительное влияние различных общественных интересов (например искусство, мораль, философия, право); третьи изначально связаны с классовыми отношениями (например политическая культура), хотя и в этих сферах может постепенно развиваться содержание, выходящее за рамки узкоклассовых интересов (например идеи гуманизма, демократические принципы, новое политическое мышление, ориентированное на общечеловеческие ценности, выживание человечества). Итак, культурное творчество, будучи продуктом данных социальных условий и наличного уровня культуры, вместе с тем выходит за их рамки. Используя исторический опыт человечества, оно одновременно открывает выход в ранее неизвестное, новое, уникальное, имеющее общечеловеческое значение. В этом и состоит диалектика культуры.

Идеология вырывает человека из повседневности, бытового мирка. Она провозглашает приоритет общественных, национальных, государственных интересов над личными и семейными. Государственное благо выше личного. Но диалектика общественного и личностного не всегда имеет отрицательные последствия для развития личности. Идеологизация обыденного сознания

открывает возможность выхода за рамки однообразия и ограниченности частной жизни, предоставляет средства реализации себя в общественно-политической деятельности, способствует духовному подъему личности. В данном случае идеология выражает суть культуры как формы самоопределения индивида в горизонте личности, формы построения нашей жизни, становления сознания и самосознания, развития мышления. *Культура – это форма свободного решения и изменения своей судьбы личностью в сознании ее исторической и всеобщей ответственности.*

В культуре человек всегда предстает как творец. Среди социальных функций культуры главной является формирование человека как субъекта общественного развития. *Культура воплощает деятельное, творческое начало, выражает субъективно-личностный аспект истории.* Но преимущественно статистическое изображение мира нивелирует индивидуальность, превращает ее в анонимную единицу, порядковый номер в составе группы или организации. В реальном строе нашей жизни находится человек, конкретная личность. Каждый человек может влиять на ход общественного развития через действия, высказывания, отношение (например поддержку, оправдание – отрицание, согласие – осуждение каких-либо элементов социальной реальности на выборах, референдумах, в печати, других средствах массовой информации и т.д.). Следует акцентировать то, что личность, причем каждая, конкретная, является творцом истории, ее действительно движущей силой. Недооценка роли «рядовой» личности объясняется следующими причинами, лежащими в области методологии истории: 1) объективистской трактовкой законов общества; 2) утверждением, что классы, коллективы, общности имеют приоритет над личностью; 3) чрезмерным подчеркиванием роли выдающихся исторических деятелей. Рядом с историческими фигурами нередко «испаряется» роль простого человека. Но, по словам К. Маркса, как само общество производит человека как человека, так и он производит общество. Известный писатель Платонов выразил это формулой «Без меня народ неполный» в противовес Сталинскому лозунгу: «Незаменимых нет».

Каковы же особенности личностей как движущих сил истории? Прежде всего следует отметить, что роль народных масс, классов и других социальных общностей в истории находит свое воплощение и преломление в личностях. Народ вообще, класс вообще сами по себе не действуют. Личность не только конкретизирует роль масс как движущих сил истории, но имеет и свое собственное содержание, которое не растворяется ни в каких общностях, ни в каких совокупных действиях. Именно от личности зависит неповторимый колорит общественной жизни, уникальность любого момента исторического времени. Личность – относительно самостоятельное слагаемое истории. Причем движущей силой истории является каждая личность без всяких изъятий и исключений. Роль выдающейся личности является концентрированным выражением роли личности в истории. Сегодня совершенно по-новому воспринимаются слова Фромма о том, что исследование общества и исторического процесса необходимо начать с человека, с реального, конкретного человека, с его физиологическими и психологическими

свойствами, но отнюдь не с абстрактного человека, а анализ экономики и общества послужит только той цели, которая поможет понять, как искажен был человек обстоятельствами, как был он отчужден от самого себя, от своих сущностных качеств.

Целостность развития личности и целостность, гармонизация развития общества – взаимозависимые процессы. Но в современном обществе, у значительной части населения ценности материальные начинают играть первостепенную роль в ущерб духовному развитию. Наблюдается превалирование ценностей вещных над ценностями духовными. Эта тенденция обедняет, деформирует личность и общество. *Поэтому такие структурные компоненты целостности личности, как сознание, самосознание, деятельность, способности, потребности необходимо рассматривать как ценности, от которых во многом будет зависеть формирование целостности материальных и духовных ценностей в обществе: нравственно-эстетических, политико-правовых и т.п.* Повышается статус личностных ценностей (прежде всего ее духовно-нравственных качеств) и для самой личности и для общества в целом вплоть до признания личности в качестве цели и самоцели общественного развития.

Идеологизация преодолевает кризисное замыкание человека на личных материальных ценностях. Выход из кризиса видится в трансформации политических идей, духовной перестройке, рождении новой идеологии, новой высшей политики, которая даст простор для творчества. Воспитание личности заключается в субъективации функционирующих в теоретическом, идеологическом сознании общества ценностей. *Идеология – элемент духовной сферы общественной системы, поэтому интенсификация идеологических процессов способствует оживлению духовных ценностей в противовес материальным.* Повышается ценность самосознания личности как полноценной клеточки общества, необходимой для нормального функционирования общественного организма. Возрождение духовного начала в человеке – основа возрождения его природы, родовой универсальности, целостности. Оживление прогрессивной идеологии стимулирует позитивные процессы как в обществе (объединяет его, развивает самосознание, дает свободу и независимость во взаимоотношениях с другими обществами), так и в пространстве личности, освобождая ее от рабства вещей, от превращения в объект, то есть препятствует трансформации субъект-субъектных отношений в субъект-объектные. Прогрессивная идеология побуждает человека к мышлению, размышлению. Разумная, «дозированная» идеология дает выбор человеку: либо замкнуться в собственном мирке, либо проявить свои качества субъекта, самоутвердиться лично, а не посредством вещей. Перецос в ценностном сознании, выдвигание на первый план как приоритетных материальных ценностей приводит к личным трагедиям, порождает асоциальные явления: воровство, разбой, бандитизм, торговлю собой и т.п., то есть к отчуждению от собственно человеческой сущности. Вещная зависимость приводит к деградации человека на физиологический уровень животного. Самые известные культурологи связывают кризис современного общества с

разрушением ценностного сознания. Но недостаток вещей не всегда порождает упадок духовной жизни в обществе, хотя незрелое сознание в подобных условиях очень уязвимо. Для этого-то и необходимо коллективное сознание, идеология, культура в широком смысле слова, возвращающая, развивающая, предлагающая подлинные человеческие ценности, а также субъективация этих ценностей через образовательные процессы.

Идеология – составляющая общественного сознания, поэтому мировоззренческая функция – ее основное предназначение. В идеологии выражается миропонимание общества, формируются позитивные ориентиры, строятся перспективные модели будущего. Главное заключается не в формальной идеологизации общества, а в том, какие ценности лежат в основе конкретной идеологии, какие идеалы и ориентации она порождает.

Библиотека БГУИР

Идеологическая культура и свобода личного самоопределения

...Дитя рождается с криком – мысль есть озарение.

Человек входит бесшумно – идея принимается тихо.

Радость – безмерна...

Идеология и идолология. Культура и культ

Достаточно формальное определение идеологии было дано только в 1801 году французским философом и экономистом Дестютом де Траси. В начале термин «идеология» предназначался для обозначения учения об идеях, позволяющего устанавливать твердые основы для политики, этики, общественной психологии. А в самом учении об идеях, в атмосфере открывшегося богатства проявлений общественной и духовной жизни в эпоху Просвещения, виделась особая наука, которая выясняет причины и законы формирования идей и составляет основу иных наук, прежде всего таких, как политическая, нравственная, педагогическая. С другой стороны, в «Немецкой идеологии» (1845/46) у К. Маркса и Ф. Энгельса⁷⁵ под идеологией понимается господство мира идей над реальным миром, т.е. те или иные идеалистические концепции, соответствующий тип мышления, соответствующий метод подхода к действительности. В свою очередь применение в марксизме принципа историзма к изучению духовных явлений обуславливает анализ процесса возникновения и смены форм идеологий, различение идеологий прогрессивных и реакционных, раскрытие характера их внутренней трансформации⁷⁶.

Синтезируя эти представления и отдавая должную дань идеологической насыщенности современной жизни, рассмотрим понятие «идеология» как статусную, обрамленную строгими рамками форму человеческого сознания. Идеология как наука об идеях, логика идей (дословно) и как всякая классическая наука (ибо ведет свое начало от Платона) структурно, иерархически сводима к единому (общему). Поэтому *идеология традиционно воспринимается как тотальность ведущей (высшей) идеи, как подчиненность ведущей идее всех других идей (мыслей, образов) и вследствие этого как обобщенность, вовлеченность человека в сообщества, предполагающую осознание человеком своей «политической», социальной определенности. Но в таком случае полагается, что осознание тотальности непосредственно доступно человеку. Однако реальность такова, что на этом пути у человека вырастают «идолы» – замерзшие или уже «мертвые» идеи и только в этом смысле «тотальные».*

⁷⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Избранные сочинения, т. 2. М., 1985.

⁷⁶ Майхрович А.С. Идеология: сущность, назначения, возможности. Мн., 2001. С.14–18.

Своеобразную **идолологию** предложил Ф. Бэкон⁷⁷ – идолы рода, пещеры, площади, театра. И соответственно, идолы, или призраки, предрассудки – навязываемые извне заблуждения, иллюзии опыта (анalogии и подражания), субъективности (внеконтекстности и случайности), мнения (контекстности и внушения), игры (некритичности и фантазии). Выявленные идолы присущи самой природе человека, его индивидуальной и социальной роли – это и первобытный социоантропоморфизм сознания, и приоритет веры над разумом, и несовершенство обыденного мышления, а потому искоренить их полностью невозможно, но можно максимально нейтрализовать. Преодолевая одну иллюзию за другой, человек очищает свое сознание и ведет себя к истинным представлениям и идеям, не искажающим подлинности бытия.

Врожденность или приобретенность идолов-иллюзий (по Бэкону), не меняет характера формирования жизненного опыта человека: культура человечества при этом трансформируется в культ отдельной личности, т.е. потребляется, а культ как таковой становится формальной основой цивилизации, чем устанавливает стандарты жизни или культурные (потребительские) нормы. Таким образом, **культура** – то, что произвольно востребовано большинством, т.е. производится и потому нуждается в идеологии или идейности, а **культ** – то, что непроизвольно регенерируется большинством, т.е. потребляется и потому достаточно идолов или иллюзий. Большинство – обязательно («Искусство принадлежит народу» – всем).

Идеология как умопостижение жизни: первичное и вторичное умопостижение. Рабочее определение эйдоса

«Идея» по-гречески (по-латыни – «форма», в связи с чем можно поразмышлять о содержании понятий «логика идей» – идеология и «логика формы» – формальная логика) означает нечто видимое, мыслится материально и телесно, но не физически, а «умозрительно». Но платоновские идеи космические, управляющие Вселенной, вечные и потому первичны, т.е. тоже являются принципом (первый принцип – материя, второй – идея, третий – единое, тотальность, демиург). Идея идей – это абстрактное благо, начало всех начал, тождественное абсолютной красоте. Сама же идея есть закон или смысл (сущность, суть), но также цельность и общность всех возможных ее проявлений. В этом и заключается первичное умопостижение жизни и бытия в целом посредством логики идей – идеологией.

Однако судьба первичного умопостижения: созерцания космоса, абстрактного блага и абсолютной красоты, – полностью связана с «любовью к мудрости», пониманием жизни и теоретическим разумом и недоступна объяснению, практическому разуму, рассудку (тоже у Канта). Поэтому доступной формой умозрительного постижения жизни являются так называемые «**эйдосы**» (образы видимого), причем эйдосы не подчинены логике

⁷⁷ Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения, т. 2. М., 1978. С.18–33.

(или лучше формализации), в них присутствует потенция, страсть, энергия постигающего жизнь ума. Т.е. практический ум оперирует эйдосами, вторичными символами действительности и потому эйдосы символичны (замещают действительность), произвольны (субъективны), но и всегда конкретны (объяснимы умом, здравым смыслом), т.к. эйдосы субстратны, атрибутивны, неотделимы от материи (см. ленинское определение материи), например: идея белизны и эйдос белого листа. В учениях Платона об идеях понятие эйдоса рассматривается как имманентный способ бытия объекта-вещи, а потому обретает онтологически самостоятельный статус и как следствие используется в 4 раза чаще понятия идеи⁷⁸.

Собственно материалист Бэкон «переворачивает» (ставит с головы на ноги) идеалиста Платона: в процессе умопостижения (т.е. преодоления) идолов сначала преодолеваются идеи, потом только эйдосы (тоже по Марксу⁷⁹ по поводу понимания простого через сложное). Причем, в дополнение к сказанному, современное синергетическое видение процессов умопостижения жизни соотносит понятие «эйдоса» с понятием «аттрактора» как своеобразной целеподобностью, относительно устойчивым состоянием витальной системы, притягивающим к себе все множество «траекторий» системы, определяемых разными начальными условиями⁸⁰, так и фиксирующего необратимость последствий всякой инициативы, т.е. нет ничего хуже кажущейся простоты.

Если же обратиться к прикладным аспектам идеологической практики, то в программах идеологической контрпропаганды, не отрицающих системных ориентировок, акцент борьбы должен быть смещен в сторону тотальных идей и неприемлемых принципов, но не быть занятым обескровливающим ханжеским стоном по поводу соответствующих такой борьбе эйдосов.

Культура как технология самоопределения. Эйдос культуры. Представление об идеологеме: аффективные и перцептивные идеологемы

В данном случае под «культурой» будем понимать известный человеческой практике механизм самоактуализации, а судьба человека в обществе будет связываться с процессом очеловечивания посредством культуры. Этот эйдос культуры как производная времени, этноса (с социально-территориальной целостностью и этнической идентичностью) и телеологической определенности («опережающего отражения») есть символ зрелости и готовность к реальным действиям по самосовершенствованию.

Причем собственно и идеология, и идеологическая практика в человеческой культуре, не существуя целостно, распадается на ряд идеологем, которые в свою очередь выражают не только различное отношение к жизни вообще, но и устанавливают персональные жизненные ориентировки в

⁷⁸ См.: Можейко М.А. Эйдос // История философии: Энциклопедия. Мн., 2002, с.1299; Платон. Диалоги. М., 1986. С. 547–548.

⁷⁹ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Избр. соч., т. 4. М., 1986. С. 129.

⁸⁰ Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995. С. 32.

частности. Под идеологемой будем понимать не только составную часть, конструктивный элемент функционирующей идеологической системы, опосредованно управляющей социальными действиями членов сообщества, но и доступный для непосредственного (персонального или социокультурного) осознания принцип жизнедеятельности всех и каждого участников реального социального процесса. Поэтому идеологемы могут быть разделены на аффективные («измы» – социально-масштабного, политико-мировоззренческого уровня обобществления поведения человека) и перцептивные («измы» – ментального, мировоззренчески-духовного уровня обобществления мысли человека):

ИДЕОЛОГЕМЫ	
АФФЕКТИВНЫЕ	ПЕРЦЕПТИВНЫЕ
Анархизм	Атеизм
Демократизм	Гуманизм
Индустриализм	Дуализм
Интеллектуализм	Идеализм
Клерикализм	Материализм
Консерватизм	Натурализм
Либерализм	Патриотизм
Национализм	Плюрализм
Расизм	Позитивизм
Социализм-«коммунизм»	Прагматизм
Терроризм	Реализм
Технократизм	Теизм
Тиранизм	Феноменологизм
Тоталитаризм	Экзистенциализм
Фашизм (социал-национализм) и т.д.	Эмпиризм и т.д.

Перечень и классификация идеологем открыты для расширения и определения, идеологемы связаны с эйдосами, но т.к. эйдосы в принципе не обременены аксиологической нагруженностью, то и идеологемы изначально ценностно не заданы. Ценностную определенность и идеологемам и эйдосам придают собственно сами идеи. Именно поэтому «идеологии» часто облачаются в негативные, публичные (масс-культурные и PR-овские) одежды.

Богатство форм самоопределения. Эйдосы разнообразия и уникальности. Представление о формирующей идеологеме

В действительности таблично представленная группировка возможно наглядна, но невозможна в принципе: аффекты и перцепция атрибутивны человеческой природе. Поэтому комбинаторика предложенных идеологем предполагает значительное число сочетаний (двоек, троек и далее) как отдельных групп (аффективных и перцептивных) идеологем, так и их

комбинаций. Видимое разнообразие идеологических ориентировок и их оттенков подводит к размышлениям о потенциальной уникальности условий, в которых происходит идеологическое формирование человека. Т.е. культура **может** предложить социуму богатую палитру формирующих идеологем.

Однако перенасыщенная идеологемами среда потребует выработки специфической адаптационной социокультурной и/или персональной стратегии: ограничение информационного потока, априорная избирательность информации, перенос ответственности на другое лицо, введение посредников и специализированных институтов и т.п. В целом же любая адаптационная стратегия не решает задач усовершенствования, структурного и функционального усложнения, формирования нового, для этого нужна стратегия преобразовательная.

В связи с этим можно говорить о различных классификациях идеологий и определяющих их систем идеологем: идеологии глобальные, локальные, частичные. Так идеология общего блага – объективна, испытывая влияние мировых идеологий и складываясь под их воздействием (как видим объективность не сводится только к научности), одновременно вбирает в себя и начала идеологий единичных – субъективных, выражающих конкретные интересы различных слагаемых социального целого. Субъективность идеологии не есть сугубо рационалистически-познавательное образование, такая субъективность определяется в первую очередь оценочным отношением к действительности социальной жизни, а обнаруживает себя лишь в процессе социальной практики⁸¹. Именно последние размышления о субъективности идеологии устанавливают жесткие рамки проблемной области идеологического формирования человека: адекватная оценка социальной действительности человеком и реальность, с позиций эффективности и результативности персональных действий, его социальной практики.

Достаточность разнообразия и, как следствие, возможность уникальности форм личностного самоопределения порождает эйдетическую реакцию (непосредственность) формирующегося сознания на воздействие социальной среды. Эйдосы разнообразия и уникальности (многообразия и универсальности) делают социальное воздействие исключительно эффективным, т.е. всегда можно найти, подобрать способы, технологии трансформации внутреннего мира человека под напором внешнего социального мира. Решает ли идеология при этом задачи развития, становления личности или занята манипулированием, деидеологизацией сознания – это институционализированная социумом или его частью проблема запроса.

⁸¹ См.: Майхрович А.С. Идеология. С. 34–38.

Проблемы самоактуализации и практической идеологии. Эйдосы свободы и детерминации

Исследование процесса формирования личности и ее самоактуализации показало, что большинство людей обладает способностью самоактуализации, но лишь у небольшого их меньшинства (менее 1 % по оценке А. Маслоу, что указывает на случайный характер процесса) эта способность в какой-то степени реализуется⁸². Социальная предопределенность духовной нищеты и индивидуальной несамореализованности, что вытекает из гуманистической теории человеческого развития (вспомним рассуждения Ж.-Ж. Руссо о добродетельной природе человека и негативном воздействии на человека цивилизации), расставляет акценты по поводу истинной свободы, т.е. ее видимости (эйдоса) и реальной детерминированности личностного формирования.

Первое с чем сталкиваются практические идеологи, а также педагоги, социальные работники это проблема мотивированности, заинтересованности, осмысленности всех участников идеологического процесса, процесса формирования и трансформации личности.

Сведение мотивации к двум базовым типам, как это делает А. Маслоу⁸³, а именно: во-первых, *преодоление дефицита* (основное поле мотивации), как здоровья организма, так и «пустоты» духовной и, во-вторых, *стремление к развитию* (поле метамотивации), как преодоление индивидуальной «неполноценности», так и принципиальной неполноты человека, – имеет чрезмерно общий характер. Однако при решении проблем практической идеологии, педагогики и социальной работы такой подход может дать полезные прикладные интерпретации. Так идеологическая (и ей родственная) практика, основанная на стремлении к ликвидации дефицита, ведет к достижению, как правило, внешних целей, то есть формирующая установка в этом случае – научить людей как можно лучше удовлетворять свои потребности. В свою очередь, практика, предполагающая индивидуальное развитие и самоактуализацию, имеет иную установку – научить людей раскрывать свои таланты, способности, творческие наклонности, врожденный потенциал. По этой причине, с одной стороны, традиционные идеологические, педагогические и т.п. практики имеют ограниченное применение и являются полезными лишь на очень небольших «участках» жизни и по-настоящему интересны только теоретикам в области формирования личности. С другой стороны, авангардные практики, сродни искусству, а потому остаются ограниченной областью ожиданий, полезными лишь теоретически и по-настоящему интересны только новаторам-энтузиастам в их обосновании своих собственных инновационных технологий.

Соотношение традиции и инновации, те же что и основных потребностей человека и его самоактуализации, которые противоречат друг другу ничуть не

⁸² Ермолович Д.В. Маслоу // Новейший философский словарь. Мн., 1998. С. 405.

⁸³ См.: Маслоу А. Психология бытия. М.– Киев, 1997. С. 44–99.

больше, чем противоречат друг другу детство и зрелость. Одно переходит в другое и является его обязательным условием. Проблема заключается в том, что является приоритетом процесса формирования личности: средства или цели такого формирования. Телеологический приоритет в формирующих практиках не только делает практику предметом метамотивации, но и выводит формирующую модель из парадигмы первичного социально ориентированного долженствования, когда фактическим «должником» оказывается формирующаяся личность, в парадигму вторичного индивидуально ориентированного долженствования, т.е. через «хочу» и «могу» к «должному», когда должен тот, кто хочет и может.

Определимся предварительно с мировоззренческим статусом человека. Так уровень самопознания человека нельзя понимать только как выделение человеком себя из окружающего мира, т.е. для выяснения сущности человека потребуются знание о взаимодействии не только человека с природой и обществом, но и о важности взаимодействия двух последних между собой для человека. Схематически данная посылка, где все возможные связи между компонентами схемы также подразумеваются, выглядит следующим образом:



Установив понятие «культуры» ранее, здесь под «экологией» будем понимать механизм очищения внешней человеку и внутренней (человеческой) природы (т.е. технологию как возможности, так и осуществления самого взаимодействия) и поэтому рассматривать связь ЧЕЛОВЕКА и ПРИРОДЫ как факт «выживаемости» посредством экологически определяемого взаимодействия. А «техника» будет пониматься не только как средство, орудие воздействия на природу, но и как самоцель – умение этими орудиями воспользоваться (т.е. как социальный опыт адаптации) и потому будем рассматривать связь ОБЩЕСТВА и ПРИРОДЫ (для ЧЕЛОВЕКА) как факт адаптации человека к обществу и природе посредством техники и самосовершенствования.

Трёхмерный внутренний мир ЧЕЛОВЕКА, находящийся в полюсах *культуры*, *экологии* и *техники*, в свою очередь имеет двойственную природу, которая проявляется в различных аспектах, таких как потребление и производство (в свою очередь потребление себя и Мира, производство себя и Мира), как мужское и женское начало, как право и обязанность, как социальное и биологическое в человеке и т.д. и т.п., – и все это объединяется единым основанием для человека, определяющим уже не исторические ступени самопознания человека как человека – культурологический рост, а ступени его индивидуального развития и саморазвития – рост личностный.

Поставим для себя задачу, в общих чертах, раскрыть содержание мотивационного поля человека, а культурологический, экологический и

технологический компоненты мотивационного поля человека будем рассматривать с социальной и индивидуальной позиций.

Культурологическое мотивационное поле. Основные культурологические мотивы человека и соответственное им мотивационное поле имеют преимущественно просоциальную природу, т.е. усваиваются в процессе социализации человека. Рамкой мотивационного поля выступает конкретно историческая социокультурная норма человеческих содержательных ожиданий. Это широкий спектр этических и эстетических воззрений на человеческую природу, максимально освобожденных от кастовых, сословных, стратометрических ограничений, обеспечивающий и обосновывающий каузальный (причинный) характер «ближайшей зоны развития» человека.

В свою очередь, преимущественно индивидуальная природа культурологического метамотивационного поля базируется на привлекательности зрелой формы жизни человека: реализованности собственных возможностей и способностей, признании и одобрении, достижении внутренней согласованности, когнитивной сложности внутреннего мира, спонтанности поведения, более выраженной личностной автономии и др.

Экологическое мотивационное поле. Под основными экологическими мотивами, экологическим мотивационным полем человека, имеющими также преимущественно просоциальную природу, будем понимать те защитные механизмы и установочные ожидания, которые формирует и усваивает социум в процессе общественной жизнедеятельности. Это набор необходимых социальных, коммуникативных и альтруистических установок, поддержка кооперативного взаимодействия и установка социально-психологических барьеров, обеспечивающих «рабочую» диспозицию членов сообщества, их безопасность и защиту.

Соответственно преимущественно индивидуальная природа экологического метамотивационного поля привлекает на индивидуальном масштабом аффилиационных акций (сотрудничество, дружба, эмпатия, общение и т.п.), половой, возрастной, индивидуальной и социальной идентификацией, чувствами полноценности и человеческого достоинства, внутренней стабильностью, здоровым образом жизни и др.

Технологическое мотивационное поле. Тогда к основным технологическим мотивам, технологическому мотивационному полю отнесем оптимистические и процессуальные ожидания человека, которые имеют собственно и преимущественно просоциальную природу, т.к. являются результатом накапливающейся человеческой практики, опытом социальной дифференциации и интеграции, реальным «усилителем» физических, эмоциональных и интеллектуальных человеческих возможностей. Это группа познавательных, позитивистских и прагматических ориентаций, прошедших формально логическое или «бытовое», житейское согласование и не требующее никаких иных персональных обоснований.

Технологическое же метамотивационное поле с преимущественно индивидуальной природой происхождения привлекает человека богатством эмоциональных переживаний, чувством новизны и деятельностной активности,

интеграцией личного опыта, масштабностью и творческими проявлениями деятельности, способностью управлять, контролировать и оценивать собственное поведение и др.

В данной классификации мотивационных областей сохраняется тенденция, принимающая внешние побуждающие качества как порождение социальной, интериоризованной природы человека и потому имеющих рациональное и культурно-историческое объяснение, а внутренние – как порождение индивидуальной, экстериоризованной природы человека, что иррационализирует объяснение и превращает внутренние побуждения человека в метамотивационные качества. Более строгая и развернутая классификация мотивационного поля, дающая важные практические проекции, возможна, но здесь рассматриваться не будет.

Фактически положительное отношение человека к формированию запрашиваемых обществом качеств личности начинает со временем утрачиваться, основной причиной изменения отношения к этому процессу называют не столько реально полимотивированную деятельность человека, сколько несовпадение целей и средств формирования. Для того чтобы деятельность по формированию личностных качеств приносила удовлетворение, необходимо, чтобы объективное значение такой деятельности и ее личностный смысл не расходились: *если деятельность направлена на созидание определенных ценностей, то именно эти ценности и должны быть основным мотивом деятельности*. Если в раннем возрасте привлекательным может быть собственно сам процесс формирования и сопровождающие его положительные переживания, то в более зрелом возрасте привлекательными становятся цели, результаты воздействия, формирующие новые личные возможности и отношения. Причем цели формирования должны определять содержание процесса и быть его основой. Средства же такого процесса определяют его форму. Неэффективны воздействия впрок, что контекстно выражено афоризмом: «Недоученный хуже неученого, переученный хуже недоученного». С одной стороны, иллюзия знания (опасный оптимизм), с другой – только знание иллюзий (еще более опасный пессимизм). Как говаривал М.В. Ломоносов: «Многознание уму не научает», т.е. *умный* не тот, кто много знает, а тот, кто этим знанием *умеет* воспользоваться. Как видим, эйдосы желаемого (свободы) и действительного (того, что объективно происходит) не совпадают.

Уникальная детерминация человеческой индивидуальности.

Онтогенез индивидуального сознания: социализация, персонификация, индивидуализация. Эйдосы меры и смысла

Исследование природы психосоциальной активности человека имеет внушительную предысторию. Сущность такой активности выявляется мировоззренчески и культурно-исторически в поиске и осмыслении связи человеческой деятельности и сознания. С одной стороны, это фихтеанский взгляд на индивидуальное сознание, где «Я»-субстанция является абсолютным

творческим началом, полагающей не только саму себя, но и все существующее как свое «Не-Я». С другой стороны, это гегелевское выведение из принципа деятельности всей человеческой истории и с помощью понятий «цель», «средство» и «результат» проникновение в структуру и сложную динамику духовной деятельности. И, с третьей стороны, это позиция феноменологии, экзистенциализма и особенно прагматизма, где подчеркивается, что практическое логически предшествует теоретическому. Поэтому принципиально важно говорить не о том, что индивидуальное сознание раздвоено в своем полагании (как у Фихте), а о том, что в сознании заложено само удвоение мира (его производство – К. Маркс), проявляющее себя через принцип единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн)⁸⁴.

Таким образом, индивидуальное сознание, являясь продуктом индивидуальной деятельности, результатом уникальной детерминации (и потому в своей уникальности «истинной субстанцией культуры»), есть источник изменений как мира, так и самого себя. Оно обладает исключительной способностью к удвоению действительности и разлагает реальность на ее субъективную и объективную форму. Такое постоянное, непрекращающееся удваивание (своеобразная цепная реакция познания) ведет к универсализации действительности человека и универсальности человеческого сознания, что и является сущностью человека (К. Маркс, Э.В. Ильенков)⁸⁵. Однако само удваивание есть не только уникальное свойство активного индивидуального сознания, но и становится сущностью творчества как такового. Поэтому только единая атмосфера творчества и свободы необходимости порождает индивидуальное сознание.

На примере деятельности ученого не трудно показать особенности и необходимость процедуры удвоения. Исследователь, выдвинувшийся на передний край науки, как бы «удваивает» свою познавательную мощь: в недрах сознания исследователя борются «традиционалист» (дитя эпохи) и «новатор» (разрушитель традиций – чему есть тоже своя традиция). Только продуктивная (рефлексивная) взаимокритика «традиционалиста» и «новатора» предоставляет возможность исследователю «прорваться за горизонт».

Становление творческого начала в человеке при разворачивании процессов социализации и индивидуализации обусловлено двойственным характером взаимоотношения человека с миром – не только потреблением, а и воспроизводством человеческой и индивидуальной культуры. Концептуальной основой такого становления выступает культурно-историческая логика психического развития человека, которая подразумевает стадийность процесса развития психики, совершающего движение от онтогенетически низших подструктур индивидуальности к более высоким. Принципиальным для социокультурного понимания развития человеческой психики будут как эволюционный характер процессов социализации, индивидуализации и

⁸⁴ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии, т.1. М., 1989. С.26–29.

⁸⁵ См.: Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1984; Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С.38–39, 186–188; Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Сочинения, т.42. М., 1974. С.91–94.

личностного роста, так и диалогический механизм развития и воспроизводства культуры, когда взаимодействие людей в форме общения и посредством диалога выступает сутью их творческой деятельности. Причем, индивидуальная культура выступает гарантией социальной деятельности, а культура вообще – гарантией социальной природы человека и необходимо, поэтому говорить о переориентации идеалов общественного развития от «общества с человеческим лицом» к «человеку с общественным лицом», а отсюда и к универсальности этого самого человека (см. рис. 1).

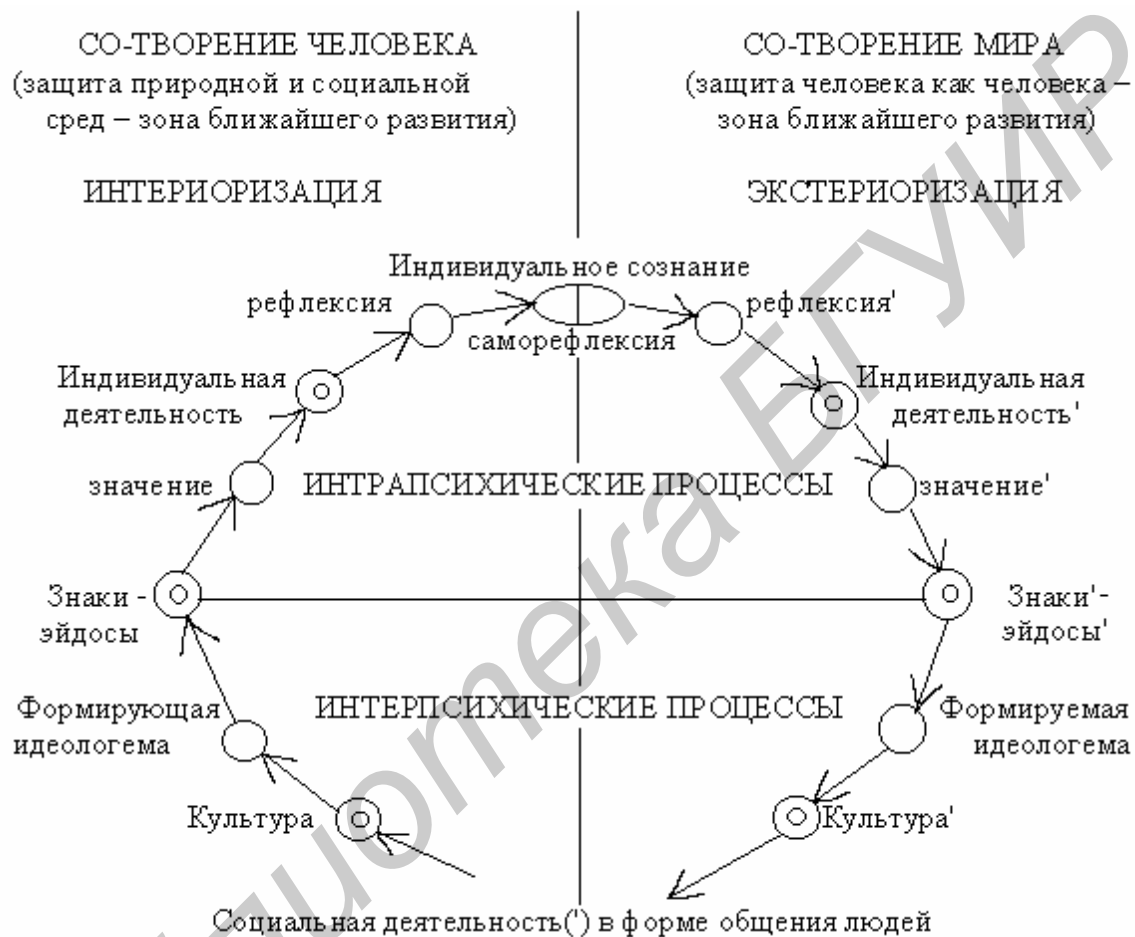


Рис. 1. Онтогенез индивидуального сознания.

Двойственная природа параметров интрапсихического компонента уникальной детерминации как индивидуального сознания, так и самой человеческой индивидуальности обусловлена не только проблемностью знакового описания. Можно видеть, что «значение» (как проекция формирующей идеологии воздействующей культуры), выраженное при помощи знаков-эйдосов, близко к самому «знаку» и несет смыслообразующую нагрузку, выступая стимулом и обеспечивая индивидуальную, «потребительскую» деятельность. В свою очередь «значение*», выступающее как порождение индивидуального смысла социальной («воспроизводящей») деятельности, как порождение понятия действия – близко к «индивидуальной деятельности*». Таким образом и проявляется двойственная природа как

значения, так и индивидуальной деятельности (соответственно бихевиористского и социального толка).

Трансформация Я. Социализация. Конечной целью социализации становится формирование и развитие в процессе интериоризации социального опыта, личностных качеств, системы их саморегуляции, постепенно трансформирующее опыт произвольного управления поведенческими реакциями в свободу личного самоопределения.

Таким образом, социализация сознания – это аккумуляция «социализированной» информации. Причем, информационный голод или избыточная информация (и первое, и второе – ситуация неопределенности) есть источник индивидуальной активности, когда целью последней является восстановление внутренне субъективного равновесия. Эта первичная индивидуальная активность формирует еще не готовое, но уже подготавливаемое к взаимодействию «Я», и преобразует условно социализированное индивидуальное сознание в условно персонифицированное. Индивидуальное «Я» здесь существует в форме «предполагаемого Я», предполагаемого для взаимодействия «Я». Это этап взаимодействия с внешним информационным полем, когда происходит общее, синкретизированное накопление пропускаемой (или способной быть принятой) в индивидуальное сознание информации.

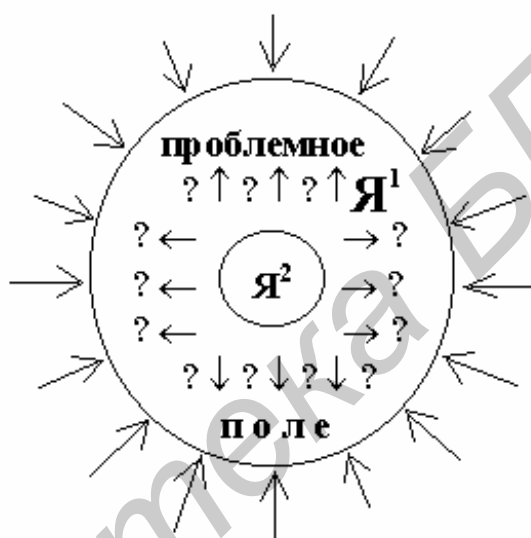


Социализация сознания – аккумуляция уже «социально-идеологизированной» информации. Я¹ – «предполагаемое Я» – «пассивное эйдетическое (непосредственное) Я».

Трансформация Я. Персонификация. Персонификацию можно рассматривать как двусторонний процесс социализации индивида и индивидуализации личности. Обе стороны этого процесса находятся друг с другом в диалектическом единстве. Однако «персонификация» не рассматривается здесь ни как снятие диалектического противоречия «индивидуального» и «социального», ни как синоним такой индивидуализации, которая есть «персонифицированная форма» реализации социальных функций индивидов. Она рассматривается лишь как переходная форма, т.е. персонификация отдельных, некоторых функций социализирующегося индивида или индивидуализирующейся личности, ибо диалектическим

синтезом «природного» и «социального» при главенстве «индивидуального» явится «очеловечивание» индивида в лице Homo moralis.

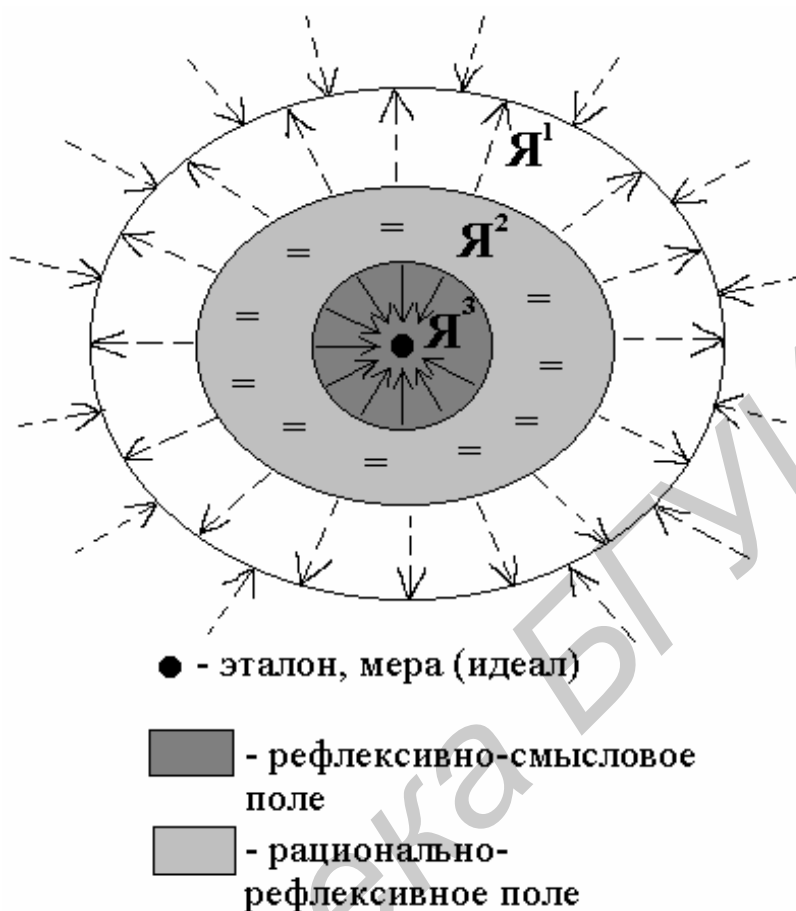
Таким образом, персонификация сознания предполагает, по смыслу, снятие возникшей информационной неопределенности, или хотя бы интуитивное опережающее отражение реальности. Накапливаемый информационный потенциал требует первичной систематизации и классификации наличной информации и провоцирует «Я» на пробное персональное формулирование и выделение проблемного поля для возможного впоследствии самостоятельного действия. С рефлексивной точки зрения это «внешнее», выраженное в форме эйдоса, формулируемое в языке отношение, направленное на потребителя (самого себя или другого) и отчуждаемое от субъекта (в форме образа, информации, знания).



Персонификация сознания – порог насыщения, «активная эйдетичность (непосредственность) Я» – «кажущееся Я» – Я². Психическое (бессознательное опережающее) отражение реальности. Монологическое (и репродуктивное) мышление. Прорыв Я¹-оболочки возможен только изнутри (при достижении критической массы), как результат «непосредственной» рефлексии (Я² не познано, познано только Я¹), т.е. «Я знаю, что ничего не знаю».

Трансформация Я. Индивидуализация. Индивидуализация могла бы рассматриваться как организация движения от нормативного регулирования социальных отношений в зарождающемся и осознаваемом диалоге к ответственности участников диалога за его результат; поиск разрешения и практическое снятие диалектического противоречия «социального» и «природного», посредством перевеса целей жизнедеятельности, над средствами. Фактический выход из среды задачи в среду проблемы (т.е. не только технологическая, но и творческая достаточность), а в результате выход за внешне-диалоговую форму взаимодействия, в виде индивидуализации диалога, рефлексирования; а также формирование идеальной модели самодостаточного, равноправного и равноответственного внутреннего диалога, когда актуализация «Я» из необходимости превращается в потребность. Диалогизация индивидуального сознания приводит к рефлексированию

субъектом себя, т.е. к саморефлективированию. Теперь объектом познания становится сам субъект, некоторое самосубъектное отношение субъекта и



объекта познания: оценивание; контроль; управление; попытка описания процесса рефлексии через установки и стиль мышления; проекция внешней объективности взаимодействия и социальной природы субъекта, как производство информации; собственно рефлексирование, идеологическая автономность и выход к творчеству.

Индивидуализация сознания – смысловое моделирование себя в культуре, «активная опосредованность Я» – «действующее Я» – Я³. Индивидуальное (осознаваемое опережающее) отражение реальности. Диалогическое (и продуктивное) мышление. Я¹ – прошлое, Я² – настоящее, Я³ – будущее. Я¹-Я² – порождение настоящего, Я²-Я³ – порождение будущего. Прорыв Я²-оболочки также возможен только изнутри как результат «опосредованной» рефлексии (опосредовано индивидуальным социокультурным опытом). Я² познается, т.е. рационализируется и формализуется, и оно доступно для культуры (для потребления другими).

При этом Я³ организуется, понимается, а познается только мера. «Непосредственная» рефлексия себя и меры (идеала) приводит к тому, что Я переживается, т.е. «Я знаю, что Я живу».

Смысл же кроме нормативной функции исполняет также роль самооценки качества жизни, т.е. выступает показателем мировоззренческой зрелости индивида: смысл ищется именно у жизни и может быть найден в тех ее объектах, ради которых этой жизнью человек готов пожертвовать.

Конкретный индивид смиривает (и осмысливает) себя с равносильными и равномасштабными себе объектами, а чувство меры культивируется в процессе рефлексирования индивидуальных пограничных (или переходных) жизненных обстоятельств.

Культура идеологизации или идеологизация культуры. Эйдос эйдоса: парадигма и эталон. Представление о формируемой идеологеме: эффективные и актуальные идеологемы

Формальная технология процесса самореализации и трансформации «Я» требует соблюдать строгую последовательность конкретного разрешения проблем и исполнения всех трех и каждого этапа трансформации. Единственно, что возможно в практике такой трансформации, это сознательное или нет прекращение движения к следующему этапу, ибо предшествующие шаги всегда будут образовывать самодостаточную (самоцельную и результативную) последовательность культуруобразующих индивидуальные личностные качества начал. Так, завершение только первого этапа трансформации – это готовность, установка, восприимчивость требований стандартов социально-идеологических программ, имеющих ту или иную конкретно-историческую определенность. Завершение второго этапа выводит не только на способность исполнительски действовать в соответствии с существующими требованиями социально-идеологических стандартов, но и осмысленно переживать чувство социально-идеологической идентичности, соответствующей конкретным жизненным обстоятельствам. И только завершение третьего этапа трансформации предполагает истинную локализацию творческих функций развитой личности, ее универсализацию, мировоззренческую зрелость и готовность к осознанию своей социально-идеологической и культурологической роли, меры ответственности и как следствие возможность занять достойное место в обществе. Знание и соблюдение порядка рассмотренных выше этапов трансформации индивидуального сознания ведут к универсальным организационным формам развития таких качеств личности, которые приведут к передаче, закреплению и распространению идеологизирующих технологий в быту, жизни и культуре в целом.

Согласно уникальной детерминации индивидуального сознания идеологизирующая функция культуры – это всего лишь способ потребления последней. Но потребительский масштаб идеологизации культуры небезопасен: культура трансформируется в культ, а сама идеология в идолологию (о чем шла речь в начале раздела). В этом смысле для культуры гораздо важнее производящий характер идеологии, ибо только таким способом культура воспроизводится и производится. Что необходимо для этого? Необходима не сама видимость конечной цели как таковая (эйдос результата), а образцы видимого (парадигмы), т.е. эталоны, делающие доступными на практике и самоактуализацию, и оптимистическое конструирование социального бытия, и

приоритетность будущности, и «культурализацию» человеческого сознания в целом.

Преодоление первичной роли идей (в фазе интериоризации человеческой уникальности, а отсюда и мировоззренческого идеализма) в ее вторичность опосредуется формируемыми «окультурализованным» сознанием эффективными, а потому и актуальными идеологемами. Это парадигмальные идеологемы: проективности (естественности и оптимизма), истинного коллективизма (социально-значимый и добровольный характер объединения, способствующий развитию личности), универсальности (творчества), планетарности (общечеловечности), благородства (любви) и т.п.

Библиотека БГУИР

Логика, аргументация, убеждение

Общая характеристика аргументации. История вопроса

Степень интереса общественности к проблемам аргументации является свидетельством интеллектуальных и социально-политических ценностей, преобладающих в общественном сознании. Ориентация на цивилизованный диалог различных партий и движений, научных и производственных коллективов, церкви и государства, сфер образования и культуры предполагает умение общаться с оппонентом, спорить и дискутировать, аргументированно излагать свою точку зрения, чтобы в конечном итоге убедить своего собеседника. В этом смысле аргументация выступает формой рационально-логического убеждения. Принуждение связано с насилием, ограничением свободы и жестким управлением действиями людей. В атмосфере принуждения аргументация превращается в циничную риторическую практику. Убеждение сохраняет свободу воли и возможность действовать в соответствии с сознательно принятыми решениями и разумными доводами.

С аргументацией мы сталкиваемся каждый день, в практике повседневного общения, нам интуитивно понятно определение аргументации. Аргументация – это приведение доводов с целью изменения позиции или убеждении другой стороны.

Учение об аргументации возникло давно. В античной Греции с её развитыми публичными формами активной судебной и политической практики учение об аргументации разрабатывалось на основе логико-методологического, психологического и этического анализа различных форм *убеждения*, а также обобщения и систематизации тех приемов и методов ведения *споров, диалогов, диспутов, дискуссий и полемики*, которые получили наиболее широкое распространение в Древней Греции и, прежде всего, в Афинах. Умение приводить убедительные аргументы оборачивалось победой в суде, решением вопросов в общественном собрании, политической и социальной карьерой, практической выгодой. Все это требовало виртуозного владения техникой убеждения. Общественная практика стимулировала анализ методов и приёмов ведения споров, дебатов, диспутов. Анализируя различные речи, ранние софисты задавали себе вопрос: «Почему одна речь нас убеждает и мы с ней соглашаемся, а другая нас совершенно «не трогает»?

В качестве метода убеждения была разработана новая форма общения – диалог, и новая наука – диалектика как умение задавать вопросы и отвечать на них. Логико-философские классики античности в лице Сократа, Платона и Аристотеля определяли диалог как вопросно-ответный метод поиска истины, в котором участвуют, по крайней мере, два собеседника, олицетворяющих различные точки зрения. В ходе свободного диалога один из участников задавал вопросы и по сути дела руководил диалогом (излюбленное занятие Сократа), а другой отвечал на них. В итоге необходимо было не только найти

удовлетворительный ответ на вопрос, но и психологически сблизить участников диалога. Такой метод поиска истины и убеждения благотворно влиял на разработку различных стилей и аспектов аргументации, использовался в практике философской аргументации, в судебных дебатах обвинителя и адвоката и др. Искусство убеждать почиталось в Афинах в лице особого божества Пейто, а за аргументацию путем ссылки на авторитет оратора лишали слова.

В логическом учение Аристотеля различались три части: аподиктика, диалектика, риторика, каждая из которых разрабатывалась с определенной целью. Аналитика рассматривалась как синоним формальной логики или теории силлогистических умозаключений. Были выявлены правила и ошибки таких выводов. В диалектике исследовались случаи несиллогистических умозаключений (индуктивные обобщения и выводы по аналогии). Поскольку заключения таких рассуждений имели лишь вероятностный, или правдоподобный характер, то они принимались не в качестве *доказательств*, а в качестве *мнений*, которые можно было отстаивать. В риторике, которую Аристотель определял «как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета»⁸⁶, подчеркивался её принципиально прикладной характер, призванный убеждать людей в ходе полемики, публичной речи или судебного спора. Диалектика и в особенности аналитика (как теория доказательства и опровержения) служили теоретической основой риторики. Таким образом, в диалектическом единстве достигалась гармония формы и содержания, знания и мнения, значения и его выражения, логической формы и языковой формы, действительного и возможного, необходимого и случайного.

В средние века, как известно, в основном разрабатывалась именно аналитика Аристотеля. В Новое время в ходе становления классической науки и математического естествознания, все это привело к тому, что риторика и связанные с ней методы формирования убеждений остались вне поля зрения ученых. Дальнейшее развитие логики было связано с формализацией рассуждений и разработкой доказательных процедур (прежде всего математических), что привело к снижению интереса к неформальным аспектам аргументации. Что касается двух других «сестер», то диалектика сохранила свое родство с философией, в то время как риторика отошла к ведомству филологических наук.

Интерес к проблемам аргументации возобновился только во второй половине 20-го века, что также было обусловлено потребностями общественной практики: после Второй мировой войны особенно остро встал вопрос достижения согласия, консенсуса не путем насилия, а убеждения во всех сферах человеческой деятельности: в политике, науке, бизнесе, образовании, практике повседневного общения и т.д.

⁸⁶ Аристотель. «Поэтика. Риторика». – СПб. : Азбука, 2000. С. 19.

Ренессанс теории аргументации связан с современным переосмыслением понятий «рациональность» и «классичность», с переоценкой науки как феномена культуры, с критическим анализом парадигм европейской культуры. Объективное усложнение реальной действительности как многофакторной социокультурной системы, развивающейся в «режиме с обострением», потребовал нового понимания предмета той или иной науки, соответствующих этому предмету познавательных действий, философско-методологических процедур обоснования и аргументации. В контексте постнеклассической науки и философии обнаружился и философский интерес к теории аргументации.

В 70-ые годы теория аргументации выделилась в самостоятельную область междисциплинарных исследований. Она формировалась на стыке логики, философии, психологии, лингвистики, риторики, эристики, теории коммуникации. У истоков формирования новой традиции стояли работы следующих авторов: С. Э. Тулмин «Использование аргументации» (1958 г.), Х. Кахан «Логика и современная риторика: использование аргументации в повседневной жизни» (1971 г.), С. Томас «Практические рассуждения в естественном языке» (1973 г.), М. Скривен «Умозаключение» (1976 г.), Н. Решер «Правдоподобные рассуждения» (1976 г.), Н. Решер «Диалектика» (1977 г.) и многие другие. Благодаря этим работам сформировался современный статус таких традиционных дисциплин, как логика и риторика, а также возобновился интерес к логическому наследию Аристотеля, в частности, к его «Топике» и «Риторике».

Одним из основателей теории аргументации по праву считается Хайм Перельман, совместно с Л. Ольбрехт-Титекой написавший работу «Новая риторика: трактат об аргументации»⁸⁷. Название выбрано автором неслучайно. Его цель – с одной стороны, акцентировать продолжение традиции, берущей начало ещё в «Риторике» Аристотеля, с другой, показать сдвиг проблематики в новом контексте современных условий. В этой связи можно вспомнить уже имевший место в истории пример с «Новым Органоном» Фр. Бэкона.

Другими авторитетными направлениями в области исследования проблем аргументации являются: прагма-диалектическая концепция Ф. Ван Еемерена и Р. Гроотендорста⁸⁸ и интеррогативная концепция диалога Хинника.

Теория аргументации: определение, структура, виды, правила

Аргументация определяется в современной литературе как это логико-коммуникативная процедура, служащая обоснованию точки зрения аргументатора с целью её восприятия, понимания и принятия адресатом, т.е. аудиторией, которой она адресована.

⁸⁷ См. Perelman, Ch. La nouvelle rhétorique; traité de l'argumentation. Bruxelles: l'Université de Bruxelles, 1958; Перельман, Х. Новая риторика: трактат об аргументации (отрывок) / Х. Перельман, П. Ольбрехт-Титека // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. переводов. – М.: Наука, 1987. С. 207-264.

⁸⁸ См. Еемерен, Ф.Х. ван Речевые акты в аргументативных дискуссиях / Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Васильевский остров, 1994. – 238с.; Еемерен, Ф.Х. ван Аргументация, коммуникация и ошибки / Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: Васильевский остров, 1992.

В теории в аргументации выделяют два уровня: логический и коммуникативный, хотя в реальной практике аргументации эти уровни неразрывно связаны и не могут быть реализованы один без другого. *Логический уровень аргументации* – это процесс обоснования одного положения при помощи других положений, т.е. процесс отыскания для защищаемого положения оснований, доводов. Сущность логического уровня выражает закон достаточного основания, сформулированный немецким философом и математиком Г.Лейбницем. По его мнению, все существующее имеет достаточные основания для своего существования, в силу чего ни одно явление не может считаться действительным, ни одно утверждение истинным или правильным без указания его основания.

Коммуникативный уровень аргументации – это процесс формирования у аудитории убеждения в правильности точки зрения аргументатора. Цель аргументации достигнута, когда адресат принял обосновываемую точку зрения. Следует отметить, что в качестве адресата может выступать и один собеседник, и целая аудитория. Аргументация – это коммуникативная деятельность, которая направлена на другого человека или других людей и предполагает диалог и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы. Также аргументация предполагает разумность тех, кто ее воспринимает, их способность рационально взвешивать аргументы, принимать их или оспаривать.

Когда возникает необходимость в аргументации? Когда по какому-либо вопросу кроме Вашей имеется другая точка зрения. Это может быть, во-первых, собственная точка зрения вашего собеседника; во-вторых, просто несогласие с точкой зрения аргументатора; в-третьих, сомнение в правильности высказанного мнения. Во всех трёх случаях необходимо обосновать свою позицию.

В аспекте *структуры* любой процесс аргументации включает три элемента. Во-первых, тезис аргументации. Отправной точкой процесса аргументации является вербальное выражение отстаиваемой точки зрения, которая требует обоснования своей правильности. Отстаиваемая точка зрения называется тезисом аргументации. *Тезис* – это утверждение (точка зрения), правильность которого необходимо обосновать. Тезис – это центральный элемент аргументации, он отвечает на вопрос «Что аргументируется?». В споре, дебате, дискуссии может сталкиваться несколько точек зрения, порой прямо противоположных, соответственно обсуждаются несколько тезисов. Цель последующей аргументации состоит, во-первых, в обосновании истинности определенного тезиса/тезисов (что соответствует задачам логического уровня аргументации), во-вторых, в формировании убеждения относительно его/их приемлемости (что соответствует уже коммуникативному уровню аргументации).

Во-вторых, аргументы или некоторые положения, приводимые аргументатором, в защиту своей точки зрения. *Аргументы (доводы)* – это утверждения, которые используются для обоснования тезиса и отвечают на вопрос «При помощи чего аргументируется тезис?». Выбор аргументов всегда зависит от аудитории, которой адресована аргументация. Аргументы,

приемлемые в одной аудитории, могут оказаться неубедительными в другой аудитории (например, аудитория верующих и аудитория атеистов). В современной практике аргументации особое значение приобретают аргументы, выработанные в процессе научного познания и составляющие современную научную картину мира. Выбор аргументов зависит и от мировоззрения самого аргументатора, от его системы ценностей, познавательных, этических, идеологических установок.

В-третьих, *демонстрация*. Между тезисом и аргументами необходимо наличие логической связи. *Демонстрация* – это логическая связь тезиса и аргументов, которая отвечает на вопрос «Каким способом аргументируется тезис?». Демонстрация может носить дедуктивный или недедуктивный характер. Наибольшей «принудительной» силой обладает дедуктивная демонстрация, при которой истинность тезиса необходимо вытекает из истинности аргументов; наиболее слабой является аргументация, построенная на основании аналогии, которая нередко принимает форму сравнения, метафоры.

В теории аргументации по разным основаниям классифицируются различные виды аргументации.

К основным из них относятся:

1. *По форме* выделяют *устную* и *письменную* аргументацию. Им свойственны как различные схемы аргументации, так и различные правила и нормы.
2. *По области практического применения* выделяются следующие виды аргументации: *повседневная, правовая, этическая, научная* и т. п. Сопоставление данных видов на уровне логического анализа показывает, что их отличие друг от друга лежит не столько в плоскости границ их возможного применения, сколько в плоскости различия допустимых форм обоснования. Различие же последних обусловлено разницей в целях и способах деятельности, которые задают совокупность допустимых форм обоснования, зафиксированных в соответствующих нормах. Так, например, в этической аргументации считаются приемлемыми и являются основными такие формы обоснования, как оправдание или, скажем, сопоставление с идеалом или моральной нормой, тогда как в научной аргументации примеры указанных форм обоснования крайне редки, поскольку в нормативной структуре науки они не рассматриваются в качестве приемлемых – отвечающих целям научной деятельности.
3. Еще одним делением является деление аргументации *по аудитории* на *общезначимую* и *контекстуальную*, в зависимости от того, кому она адресуется. Так общезначимая аргументация выстраивается таким образом, что может быть использована абсолютно в любой аудитории, вне зависимости от установок, взглядов, предпочтений и ценностей конкретных слушателей. В то время как эффективность контекстуальной аргументации обусловлена ее соответствием определенным ожиданиям конкретной аудитории.

В логике исследуются непосредственно различные формы обоснования, используемые в аргументативной практике: доказательство, опровержение, подтверждение, оспаривание, объяснение, интерпретация и др.

Доказательство – это обоснование истинности тезиса при помощи истинных аргументов на основе дедукции (или отношения следования). «Доказательство в принципе можно толковать как вполне совершенную форму обоснования»⁸⁹, устанавливающую истинность тезиса при помощи таких аргументов, истинность которых уже неоспорима, т.к. ранее была доказана. Демонстрация доказательства есть дедуктивная процедура получения истинного вывода из истинных посылок. В ходе доказательства недопустимо использование схем рассуждения, дающих только вероятностное заключение. Типичным примером доказательства служит любое математическое рассуждение, результатом которого выступает принятие новой теоремы. В данном случае тезис – это недоказанная теорема, аргументы – система аксиом и ранее доказанные теоремы, демонстрация – некоторая форма дедукции. Следует подчеркнуть, что доказательство, как форма аргументации, приобретает особое значение в процессе построения и обоснования аксиоматико-дедуктивных теорий и применяется главным образом в математике и логике.

Вследствие того, что аргументы, используемые в ходе доказательства, самоочевидны (общепризнанны и истинны), а заданные правила дедукции всецело приемлемы, доказательство выступает как своеобразное исчисление, которое носит вынуждающий характер и обязательно для автоматического принятия всех его результатов. По шкале вероятностей принудительная сила доказательства равна единице. Наличие строгого доказательства избавляет аргументирующего от поиска дополнительных аргументативных приемов. «Если имеется доказательство, которое как таковое и воспринято, то аргументация, имеющая в своем составе кроме чисто дискурсивно-логических еще и другие компоненты, не нужна»⁹⁰.

Различают две разновидности доказательства:

- 1) *прямое* доказательство;
- 2) *косвенное* доказательство.

В первом случае отыскиваются такие истинные аргументы, из которых непосредственно следует тезис.

Схема прямого доказательства следующая:

$$\{A_1, A_2, A_3, \dots\} \vdash T,$$

где A_1, A_2, A_3 – совокупность аргументов, а T – отстаиваемая точка зрения (тезис)

В случае косвенного доказательства целью является обоснование истинности тезиса не прямо, а через доказательство ложности антитезиса; из которого в соответствии с законом запрещения противоречия следует истинность тезиса. В косвенном доказательстве сначала допускают истинность антитезиса, затем из

⁸⁹ Свинцов, В. И. К вопросу о соотношении понятий "аргументация", "доказательство", "обоснование" // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. С. 167.

⁹⁰ Асартрян, М. В. Экстраполяция и аргументация / М.В. Асартрян // Философские проблемы аргументации / Под ред. Г.А. Брутяна и И.С. Нарского. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984. С. 65.

него выводятся следствия и если хотя бы одно из следствий вступает в противоречие с ранее установленными истинными положениями, то делается вывод о ложности антитезиса, из которой следует истинность тезиса.

Схема косвенного доказательства следующая:

$$\{(A_1, A_2, A_3, \dots) \rightarrow \text{неверно, что не } -T\} \vdash T$$

В начале доказательства тезис неопределен, в конце – истинен, аргументы – истинные суждения, демонстрация носит дедуктивный характер.

Как вид обоснования доказательство широко распространено в практике научной аргументации, в качестве аргументов в научных доказательствах используются аксиомы, теоремы, научные законы, определения.

Аксиомы (от греч. *axioma* – без доказательства) – бездоказательные научные положения, которые принимаются в качестве аргументов при доказательстве других положений. В понятии «аксиома» заключены два логических смысла. Это – «истинное положение, не требующее доказательства» и «отправной пункт доказательства». Именно так понимал аксиому Аристотель, считая истинность аксиом самоочевидной и бесспорной. Понятие «аксиомы» положено в основу *аксиоматического метода* построения научной теории, когда из исходных аксиом, взятых в качестве основополагающих утверждений, чисто логическим путем выводятся (т.е. доказываются) ее следствия (теоремы). Образцом аксиоматической теории античности являлась геометрия Евклида и его «Начала». В современных аксиоматических теориях формулируется ряд требований, предъявляемых к формальным системам (непротиворечивость, полнота, независимость). Если на основании данной аксиоматической системы нельзя доказать противоречивые суждения (одновременно утверждение и его отрицание), то такая система считается *непротиворечивой*. Если данной системы аксиом достаточно, чтобы вывести все истинные положения в данной научной области, то система аксиом считается *полной*. Если аксиомы данной системы не выведены из других аксиом этой же научной области, то эта аксиоматическая система является *независимой*.

Теоремы – доказанные положения науки. Их доказательство принимает вид логического следствия из аксиом.

Законы – особые положения наук, устанавливающие существенные, т.е. необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи явлений. Каждая наука имеет свои законы, результирующие определенный вид научно-исследовательской практики. Аксиомы и теоремы также принимают вид законов (аксиома силлогизма, теорема Пифагора).

Доказательство, хотя и является наиболее строгой формой обоснования, тем не менее, возможности его применения достаточно ограничены. В этой связи более распространенной формой обоснования является опровержение.

Опровержение – это форма обоснования, целью которой является установление ложности или недоказанности выдвинутого тезиса.

Выделяют два основных вида опровержения:

1) доказательство истинности положения, противоречащего тезису (доказательство антитезиса);

2) установление ложности следствий, вытекающих из отстаиваемого утверждения, т.е. тезиса.

Возможности применения первого вида опровержения не велики. Это обусловлено использованием формы прямого доказательства и сложностью установления отношения противоречия между двумя положениями.

Сущность второго вида опровержения заключается в следующем: сначала делается предположение об истинности отстаиваемой точки зрения, далее из нее выводится ряд следствий; затем следствия сопоставляются с действительностью, и если хотя бы одно из них оказывается ложным, то делается вывод о ложности предположения, т. е. о ложности тезиса.

Схема второго вида опровержения имеет следующий вид:

$$\{[T \rightarrow (C_1 \wedge C_2 \wedge \dots \wedge C_n)] \wedge \neg C_{i \leq n}\} \rightarrow \neg T,$$

где T – тезис, C – следствие.

Особой разновидностью второго вида опровержения в науке является *эмпирическое опровержение*, которое сопоставляет теоретические утверждения и эмпирические высказывания. Так, из проверяемой теории T дедуцируется некоторое эмпирическое высказывание A , т. е. такое, что $T \rightarrow A$, затем посредством эмпирических методов познания (к ним относятся наблюдение, измерение, эксперимент) предложение A сопоставляется с реальным положением дел. Если при этом выясняется, что A ложно, то делается вывод о ложности теории T : $[(T \rightarrow A) \wedge \neg A] \rightarrow \neg T$. Эмпирическое опровержение является аналогом методологической процедуры фальсификации. С точки зрения К. Поппера – основоположника теории фальсификации – опровержение является выражением критического характера науки: «...Критическая традиция сформировалась путем освоения метода критики предания или унаследованного объяснения, и последующего перехода к новой улучшенной выдумке, в свою очередь подлежащей критике. По моему мнению, именно этот метод представляет собой метод науки»⁹¹.

Стратегии доказательства и опровержения отличаются друг от друга своей направленностью. Так если целью доказательства является установление истинности тезиса, то целью опровержения является установление его ложности или, по крайней мере, недоказанности. В противоположность доказательству, в опровержении тезис в начале неопределен, в конце ложен.

Наряду с опровержением широкое применение находит и такая форма обоснования, как *подтверждение*. Данная форма применяется в ситуации наличия одной или нескольких гипотез, т. е. положений, истинность которых в достаточной степени еще не установлена – имеет вероятностный характер, но в то же время отсутствуют достаточные аргументы и эмпирические факты для опровержения этих положений. Цель подтверждения состоит в увеличении истинности предложенной гипотезы.

Подтверждение – слабый вариант обоснования истинности тезиса; как логическая процедура подтверждение состоит в выведении следствий из тезиса, которые соответствуют действительности. Вначале из наличного

⁹¹Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Наука, 1983. С. 357.

гипотетического положения выводится ряд следствий, затем они соотносятся с достоверно установленными положениями, и, наконец, исходя из положительных результатов, делается вывод о большей вероятности предполагаемой гипотезы. Логическая форма подтверждения имеет вид:

$$\{[T \rightarrow (C_1 \wedge C_2 \wedge C_3 \wedge \dots)] \wedge (C_1 \wedge C_2 \wedge C_3 \wedge \dots)\} \rightarrow \\ \rightarrow \{\text{увеличение вероятности истинности } T\}$$

Подтверждение ряда следствий не делает гипотезу достоверно истинным знанием, хотя и увеличивает вероятность гипотезы.

В науке наиболее распространенной разновидностью подтверждения является *эмпирическое подтверждение*, обеспечивающее, как и эмпирическое опровержение, связь между эмпирическим и теоретическим уровнями научного знания. В случае эмпирического подтверждения из теоретического утверждения T дедуцируется эмпирическое предложение A , говорящее о наблюдаемых или экспериментально обнаруживаемых явлениях. Если эмпирическое предложение A является истинным, то считается, что теоретическое положение получило подтверждение, но это еще не означает, что оно стало достоверно истинным: $[(T \rightarrow A) \wedge A] \rightarrow T$. Например, обнаружение химических элементов, предсказанных Д. И. Менделеевым на основе его таблицы, было подтверждением этой таблицы; обнаружение планеты Уран в месте, которое было вычислено согласно уравнениям небесной механики Ньютона, было подтверждением идей ньютоновской механики. Методологическим аналогом эмпирического подтверждения является процедура верификации.

При подтверждении тезиса не устанавливается его истинность, а только возрастает вероятность его истинности. Чем большее количество следствий оказываются достоверными, тем выше вероятность истинности T .

Еще одной формой обоснования является *оспаривание*. Оно также считается слабым вариантом обоснования ложности тезиса S точки зрения логической процедуры оспаривание имеет несколько разновидностей:

- 1) подтверждение антитезиса;
- 2) обоснование ложности аргументов, приводимых для обоснования тезиса; в случае ложных аргументов тезис оказывается недоказанным, т.е. оспоренным;
- 3) направление критики против самой процедуры выведения тезиса из аргументов (тезис не следует из аргументов); в таком случае тезис опять будет оспорен, т.е. ослаблен. Ослабление тезиса различным способом и есть задача оспаривания.

В практике довольно часто используется форма аргументации, выстроенная по схеме *объяснения*. Некоторый феномен получает объяснение, если, во-первых, находится причина, следствием которой является рассматриваемое явление, а во-вторых, данное следствие подводится под эту причину как под общий закон. Объясняемое явление называется *экспланандумом*, а объясняющее – *экспланансом*. Вербальное выражение объясняемого явления представляет собой тезис, в качестве же аргументов выступают установленные наукой положения, законы или их совокупности, а

также научные теории, одним словом те теоретические положения, которые могут быть интерпретированы как физические причины. Связь тезиса и аргументов (в данном случае экспланандума и эксплананса) чаще всего носит дедуктивный характер. Однако нормы обоснования допускают вместе с тем объяснения и гипотетического характера, в которых наряду с истинными аргументами могут использоваться пока еще недоказанные положения (например, в случае, когда некоторое явление обосновывается посредством гипотезы, носящей вероятностный характер).

Объяснение, как форма обоснования, имеет совершенно особое значение для науки. Оно представлено несколькими видами, среди которых наиболее широкой известностью и почти всеобщим признанием пользуется *дедуктивно-номологическая модель объяснения*. Здесь обоснование некоторого явления (его описание выступает в качестве тезиса) строится посредством подведения его под общий закон (аргумент). Использование дедуктивно-номологической модели обычно ограничено рамками естественнонаучного знания, в области гуманитарных наук, имеющих дело с объяснением человекомерных фактов (например, человеческих поступков) более предпочтительными являются другие формы объяснения. Так, например, в области исторического знания широко используется модель рационального объяснения, которая позволяет объяснить действия различных исторических субъектов исходя из объективной логики истории или через описание рациональных оснований их действий. В последнее время довольно широкое применение в гуманитарном знании находит также темологическая модель научного объяснения, эксплицирующая «темы» коллективного сознания.

Вне зависимости от выбранной формы обоснования совокупность аргументов должна удовлетворять следующим правилам (или критериям):

1. *критерию уместности*, который предполагает наличие содержательной связи каждого аргумента с обосновываемой точкой зрения (содержание совокупности аргументов должно расширять содержание обсуждаемого тезиса);
2. *критерию достаточности*, согласно которому совокупность аргументов является достаточной для защиты тезиса, если она обеспечивает очевидность выводимого из нее тезиса. Например, для обоснования тезиса «Гелий обладает атомным весом» достаточной будет следующая совокупность аргументов «Все химические элементы обладают атомным весом» и «Гелий – химический элемент». Критерий достаточности подразумевает, с одной стороны, формально-логическую правильность вывода тезиса из совокупности аргументов (в приведенном примере классический модус Barbara простого категорического силлогизма), а с другой, – прагматическую достаточность аргументов для принятия отстаиваемой точки зрения той аудиторией, в рамках которой исходный тезис был подвергнут сомнению;
3. *критерию приемлемости*, который является прагматическим аналогом формально-логического требования истинности. Согласно данному

критерию совокупность выдвинутых аргументов должна быть приемлемой, во-первых, для самого аргументирующего, во-вторых, для аудитории, которой адресована аргументация, и, в-третьих, для общества и культуры в целом.

Правила аргументации

Процедуры аргументации и обоснования соотносятся между собой как цель и средство; аргументация предполагает обоснование, но не сводится к последнему. Правильное формально-логическое обоснование не гарантирует эффективность аргументации: оно является необходимым, но не достаточным условием.

Для того, чтобы цель аргументации как коммуникативной процедуры была достигнута, т. е. для формирования у собеседника убеждения в правильности точки зрения аргументатора, необходимо чтобы были соблюдены определенные правила по отношению к структурным компонентам аргументации. Соблюдение данных правил предполагает высокую культуру межсубъектной коммуникации и обеспечивает эффективность аргументации⁹². Правила к аргументации следует разделить на три группы требований: правила тезиса, аргументов, демонстрации.

Правила тезиса:

1. Тезис должен излагаться ясно, точно, однозначно. В противном случае тезис будет не правильно понят собеседником, и успешность аргументации будет под вопросом.
2. Тезис должен оставаться одним и тем же на протяжении всего процесса аргументации. Это не означает, что тезис не может уточняться. Но если он уже принят для рассмотрения, то должен подчиняться требованию тождественности самому себе на данном этапе обсуждения. Нарушение данного требования приводит к ошибке, получившей название «подмена тезиса». Это означает, что тезис в начале аргументации отличается от тезиса в завершении этого процесса.

Правила аргументов:

1. Аргументы должны быть истинными суждениями и не должны противоречить друг другу. Нарушение данного требования может породить два рода ошибок:
 - 1.1. Ошибка «ложного основания» или «ложного довода». Такая ошибка может допускаться сознательно, либо быть следствием незнания или некомпетентности.
 - 1.2. Ошибка возникает и в том случае, когда в качестве аргументов используются положения, истинность которых ещё не установлена.
2. Аргументы должны быть суждениями, оценка которых с точки зрения их истинности, ложности, вероятности устанавливается независимо от

⁹² Поэтому считается, что цель аргументации достигнута, если Ваш собеседник Вас воспринял, понял и принял Вашу точку зрения.

тезиса. При нарушении данного требования возникает ошибка, называемая «круг в аргументации». Она состоит в том, что тезис обосновывается некоторыми аргументами, а используемые аргументы, в свою очередь, обосновываются этим же тезисом.

3. Аргументов должно быть достаточно для принятия тезиса. При нарушении данного требования возникают ошибки двоякого рода:
 - 3.1. Ошибка «не следует» означает недостаточность аргументов. Для обоснования тезиса приводятся такие аргументы, из которых он логически не вытекает.
 - 3.2. Ошибка, смысл которой заключается в выражении – «Кто много доказывает, тот ничего не доказывает». В случае данной ошибки приводят такое количество аргументов, из которого следует не только тезис, но и ряд других утверждений.
4. В случае контекстуальной аргументации, т.е. когда аргументация рассчитана на определенную аудиторию, аргументы должны быть приемлемыми для данной аудитории, т.е. учитывать ее специфику, взгляды, жизненную позицию, язык, ожидания.

Правило демонстрации:

1. По отношению к демонстрации должно выполняться главное требование – сохранение логической формы, характерных для той или иной разновидности обоснования (дедуктивной, индуктивной, по принципу аналогии).

Невыполнение указанных требований, как правило, порождает логические ошибки и тем самым приводит к неэффективности процедуры аргументации. Такие ошибки и нарушения могут быть как неосознанными, обусловленными недостаточной культурой интеллектуальной деятельности, так и сознательными, обусловленными стремлением любым способом достичь цели, т.е. убедить собеседника в своей правоте. В последнем случае в ход идут различные уловки, софистические приемы, запрещенные аргументы. Ещё на заре становления логики, в наследии Аристотеля есть трактат, посвященный анализу такого рода ошибок и приемов. Он носит название «О софистических опровержениях». Не обходят стороной этот вопрос и современные исследователи. Своего рода пособие по практике некорректной аргументации является «Черная риторика: Власть и магия слова» Карстена Бредемайера⁹³.

Таким образом, приемы используемые в аргументации, могут быть как корректными, так и некорректными, равно как и сами аргументы. В логике принято делить аргументы на две большие группы. Одни из них относятся к предмету обсуждения, к защищаемому или опровергаемому тезису и носят название *argumentum ad rem* - аргумент к делу, к существу дела. Такие аргументы, безусловно, корректны с точки зрения логики. Ими могут быть результаты научного исследования, данные официальной статистики, цитаты из книг, ссылки на законы и многое другое.

⁹³ См. Бредемайер, Карстен Черная риторика: Власть и магия слова // Карстен Бредемайер // Пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Вторую группу аргументов составляют такие доводы, которые не относятся к содержанию обсуждаемой точки зрения, а направлены исключительно на то, чтобы одержать победу. Они носят общее название *argumentum ad hominem* - аргумент к человеку. Свое название они получили потому, что в них затрагивается личность оппонента, его убеждения, поведение и т.п. Собственно тема обсуждения остается за кадром, а дискуссия превращается в эристический спор, в котором все средства хороши. С точки зрения логики все аргументы *ad hominem* некорректны, и их использование является признаком того, что и аргументатор, и его собеседник, покинули поле поиска истины и занялись выяснением отношений.

Разновидностей аргументов *ad hominem* бесчисленное количество. Так Д. Уолтон⁹⁴ выделяет следующие виды аргументов к личности:

- a) сомнение в честности своего оппонента;
- b) сомнение в его способности к правильному суждению, демонстрация отсутствия у него здравого смысла;
- c) демонстрация незнания оппонентом действительного развития ситуации (отрыв от реальности, подверженность иллюзиям);
- d) сомнение в познавательных способностях: нелогичность, непоследовательность оппонента;
- e) сомнение в его моральных устоях.

К группе некорректных аргументов относятся также следующие разновидности доводов:

1. **Аргумент к авторитету** – ссылка на высказывания или мнения великих ученых, общественных деятелей, политиков и т.п. в поддержку своей точки зрения или в опровержение точки зрения противника. Такой аргумент может казаться вполне допустимым, однако он некорректен. Ссылка на мнение крупных авторитетов еще требует доказательства, ибо они не могут быть компетентны во всем, да и знания меняются со временем.
2. **Аргумент к публике** – обращение к присутствующим с целью привлечь их на свою сторону и оказать психологическое давление на собеседника. Наиболее эффективным является этот прием в случае, если аргументатор в своей речи непосредственно затрагивает прагматические интересы присутствующих.
3. **Аргумент к силе (к палке)** – угроза неприятными последствиями, в частности угроза прямого физического насилия.
4. **Аргумент к жалости** – пробуждение в оппоненте жалости и сочувствия в надежде на то, что под влиянием этих чувств он смягчится и не станет доводить спор до победного конца.

⁹⁴Уолтон, Д. Аргументы *ad hominem* / Д. Уолтон. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. – С. 256-258.

5. **Аргумент к тщеславию** – расточение неумеренных похвал сопернику с целью либо смягчить его, укротить его полемический задор, либо с целью подсластить ему поражение: «Вы же умный человек, значит, согласитесь...» или «Такой тонкий человек, как Вы, не может отрицать...»
6. **Аргумент к невежеству** – использование в обсуждении таких фактов и положений, о которых ваш собеседник ничего не знает, ссылка на источники, с которыми он не знаком.

Вышесказанное позволяет заключить, что соблюдение правил аргументации является свидетельством логико-коммуникативной культуры, а аргументированное рассуждение – логической основой формирования научных знаний и убеждений, свидетельством теоретической, логико-методологической и мировоззренческой зрелости.

Библиотека БГУИР

Заключение

Одной из глобальных проблем современности является антропологический кризис или проблема сохранения человеческой личности. Современная утилитарная, массовая культура воспроизводит «одномерного человека» (Г. Маркузе), создает широкие возможности для манипуляции сознанием, в первую очередь молодежи. В атмосфере клиповой культуры, отрыва от национальных корней и традиций, роста психической нагрузки, валом информации человек теряет способность рационально осмысливать бытие, анализировать и систематизировать получаемую информацию. Желание снять напряжение порождает распространение различных технических (с помощью электродов, чипов и др.) и фармакологических транквилизаторов и наркотиков. Все это становится угрозой самой биогенетической основе человека, его телесности, той необходимой предпосылке индивидуального бытия человека и формирования его как личности, которая в процессе социализации вырабатывает формы социального поведения и ценностно-мировоззренческие ориентации, порождаемые и хранимые культурой. Современные глобальные кризисы ставят под сомнение прежнее понятие прогресса, ставя человечество перед необходимостью поиска радикально новых форм цивилизационного развития. Выход состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, вновь возвращает к проблеме нового типа рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности. И если под «устойчивым развитием» понимать развитие, при котором гармонично развиваются утилитарная и духовная компонента, а под «глобализацией» - растущую интеграцию при растущей диверсификации, то выход из антропологического кризиса требует нового мышления и мировоззрения, осознания синергичности как общекультурного смысла происходящего. Процесс становления личности является частью профессиональной подготовки специалистов и включает задачи социально-гуманитарного знания: образование как процесс формирования личности через ее духовное самосовершенствование (самообразовывание), как школа креативного синергичного мышления, как органичный синтез обучения и самообразования, обучения и воспитания. Одним словом, личность должна и мыслить правильно, и действовать достойно. В связи с вышесказанным возникает целый ряд вопросов: Что такое мировоззрение, какова его структура и значение для человека? Какие бывают типы мировоззрений? Тождественны ли понятия «мировоззрение» и «философия», «философия» и «идеология», «мировоззрение» и «идеология»? Каким образом идеология включена в проблемное поле современной философии? Что такое аргументация? Какую роль играет логика в формировании убеждений? Связаны ли культура и идеология? Противоречит ли идеология морали? В чем возможные причины негативного отношения к идеологии? Можно ли обойтись без идеологии? Каковы задачи университета в формировании личности? Поиск ответов на эти вопросы и явился целью данной

работы. Её авторы надеются, что она будет полезной при размышлении над вечными вопросами, которые когда-то были сформулированы И. Кантом следующим образом: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», и «На что я могу надеяться?»»

Библиотека БГУИР

Словарь основных терминов, используемых в данном пособии

Аргументация – это логико-коммуникативная процедура, служащая обоснованию точки зрения аргументатора с целью её восприятия, понимания и принятия адресатом, т.е. аудиторией, которой она адресована.

Аргументы (доводы) – утверждения, которые используются для обоснования тезиса.

В актуальном значении **культура** – воплощение деятельностного, творческого начала, выражение субъективно-личностного аспекта истории. Культура – это форма свободного решения и изменения своей судьбы личностью в сознании ее исторической и всеобщей ответственности. – с. 64.

Глобализация – сложный, многомерный феномен, характеризующийся координацией в сфере экономики, политики, культуры, образования в мировом масштабе. Следует различать *естественную глобализацию* как эволюционный объективный процесс освоения одними странами достижений других в области науки, технологии, культуры; и *искусственную глобализацию* как попытку одной (или нескольких) стран навязать миру свои стандарты и ценности в вопросах экономики, мировоззрения, культуры. В таком случае глобализация понимается как вестернизация.

Демонстрация – логическая связь тезиса и аргументов.

Доказательство – форма обоснования истинности тезиса при помощи истинных аргументов на основе дедукции (или отношения следования).

Идеология – элемент духовной сферы общественной системы, поэтому интенсификация идеологических процессов способствует оживлению духовных ценностей в противовес материальным. – с. 65.

Идеология – это знание, оценка и отношение к действительности социального субъекта, субъекты в идеологии осознают свои коренные интересы, место в обществе, отношение к другим классам и социальным группам, формируют и обосновывают цели и программы своей деятельности. – с. 61.

Информационное общество – термин социальной философии, обозначающий современные трансформации постиндустриального развития. Для информационного общества характерны два взаимосвязанных объективных процесса: информатизация общества (рост информационного сектора) и широкомасштабное внедрение информационно-технических (компьютерных) систем и технологий.

Культура в философском, всеобщем смысле вторая природа, искусственная среда, созданная человеком, в которой можно выделить три сферы: 1) материальное производство (орудия труда, предметы, удовлетворяющие материальные потребности человека); 2) духовное производство (идеи, художественные образы, общественные нормы, выступающие в вещественной форме: рукописи, книги, картины, ноты,

чертежи); 3) формирование личности (воспитание, становление и развитие человека как общественного существа). с. 56.

Личность – понятие, указывающее на качество развития человека. В отличие от понятий «индивид» и «индивидуальность», определение личности включает социально-духовные характеристики – разумность, нравственность, ответственность, устремленность, свобода, социализация и др. Существуют различные концепции личности – натуралистическая, идеалистическая, психоаналитическая, психологическая, социокультурная.

Логика (от греч logos – слово, разум, рассуждения) – наука о формах и законах понятийно-вербального мышления или рационального познания. К общечеловеческим формам мысли относятся понятия, суждение, вопрос, умозаключение; к научным формам – факт, проблема, гипотеза, теория.

Мировоззрение – конкретно-исторический способ духовного освоения мира; доминирующие в индивидуальном и общественном сознании людей представления, взгляды, переживания, чувства, оценки, нормы и знания о мире и месте человека в нем. Основными историческими типами мировоззрения являются: мифологическое, религиозное, философское и научное.

Наука - социокультурное явление, возникшее на определенной стадии развития культуры и цивилизации. В числе разнообразных форм человеческой деятельности наука является формой познавательных действий человека, ориентированных на получение объективно-истинных знаний, позволяющих расширять горизонты практического освоения человеком мира.

Научная картина мира – построенная с опорой на научное знание соответствующей исторической эпохи теоретическое описание и объяснение действительности. Исторически первой была механистическая научная картина мира. С усилением специализации научного знания стали различать общенаучную, естественнонаучную и специальную научную картину мира.

Нравственность (от лат. moralis - нравственный) – то же, что и мораль. Этика – наука о морали (когда речь идет о сознании) и нравственности (когда имеют в виду человеческое поведение).

Объяснение – форма обоснования, при которой для некоторого явления (тезиса), во-первых, отыскивается причина (аргумент), следствием которой является рассматриваемое явление, а во-вторых, данное следствие подводится под эту причину как под общий закон.

Опровержение – форма обоснования, целью которой является установление ложности или недоказанности выдвинутого тезиса.

Оспаривание – слабый вариант обоснования ложности тезиса.

Подтверждение – слабый вариант обоснования истинности тезиса, как логическая процедура состоит в выведении следствий из тезиса, которые соответствуют действительности.

Рациональность – фундаментальная характеристика умственных и практических действий человека, подчеркивающая их разумный, целеполагающий, осознанный характер. В классической западно-европейской философии рациональность и научная рациональность рассматривались как синонимы, что явилось причиной антисциентизма в XX веке, современных

споров вокруг понятия «рациональность» (проблема рациональности). В неклассической философии XX-XXI вв. смысл понятия «рациональность» расширяется (обыденная рациональность, здравый смысл).

Синергетика (от греч. *synergeia* – содействие, сотрудничество) – современная теория самоорганизации сложных систем. Как новое научное направление синергетика возникла во второй половине XX в. Автор термина «синергетика» - Г. Хакен. Термин введен им в 1973 г. для описания процесса самоорганизации (т.е. образования новых структур) сложных открытых (неравновесных) систем – физических, химических, биологических, социальных, экономических. Под воздействием внешних факторов в подобных системах возникает временное отклонение от состояния равновесия (флуктуации). Однако благодаря согласованности взаимодействия элементов этих систем последние имеют возможность в критический момент («точке бифуркации») преобразовываться в новые устойчивые структуры.

Синергия духовная – категория социальной философии, обозначающая проявление синергии социальной в сфере духовного бытия человека, в мире общественного сознания, ценностей и культуры. Взаимодействие различных структур индивидуального и общественного сознания (образов мысли, психологических установок, религиозных позиций, идеологических принципов, моральных убеждений, политических взглядов, правовых точек зрения) осуществляется как посредством целенаправленного регулирования при помощи различных социальных институтов (школ, вузов, СМИ, учреждений культуры и др.), так и спонтанно, в процессе повседневной жизни и личного опыта.

Синергия социальная (от греч. *synergeia* – совместное действие) категория социальной философии, обозначающая процесс организации общества и его развитие как совместный результат объективной социально-исторической спонтанности и субъективного целеполагания в человеческих действиях, стихийности и планомерности социальной динамики.

Тезис – точка зрения, позиция, правильность которой необходимо обосновать.

Техногенная цивилизация – форма или исторический тип социальной жизни (производственной, политической, социокультурной), имеющий целью достижение господства над природой и обществом при помощи научных знаний, воплощенных в технике и технологиях. В отличие от традиционного (аграрного, доиндустриального) общества, охраняющего исторически-сложившиеся формы жизнедеятельности, техногенная цивилизация разрушает прежние формы жизни и создает новую систему ценностей. Ей свойственны вера в социальный и научно-технический прогресс, постоянно ускоряющийся темп изменения природной среды, развитие техники и технологии как основы ее жизнедеятельности. Выделяют два этапа в развитии техногенной цивилизации – индустриальное и постиндустриальное общество. Особенностью последнего является модернизация на основе информационно-компьютерных технологий в условиях мировой глобализации.

Технократия (от греч. *teche* – искусство, мастерство и *kratos* – власть) – политическая власть технических специалистов. По мере развития индустриального общества отмечается усиление технократии.

Убеждение – принятие какой-либо точки зрения и намерение ее реализовывать.

Универсалии культуры – философские категории, выражающие базисные мировоззренческие ценности культуры, создающие целостный образ взаимодействия человека с окружающим его миром и определяющие конкретно-исторический тип общества. Поэтому универсалии (или категории) культуры называют также мировоззренческими универсалиями. Например, универсалиями культуры выступают категории «человек», «общество», «природа», «космос», «техника», «свобода», «гуманизм», «истина» и др.

Целостность развития личности и целостность, гармонизация развития общества – взаимозависимые процессы. Поэтому такие структурные компоненты целостности личности, как сознание, самосознание, деятельность, способности, потребности необходимо рассматривать как ценности, от которых во многом будет зависеть формирование целостности материальных и духовных ценностей в обществе: нравственно-эстетических, политико-правовых, идеологических и т.п.

Ценность – это 1) социально-положительная значимость элементов предметного и духовного мира для человека; 2) идеал, стремление, святыня, мечта, идея, формирующая и совершенствующая мир. – с. 59-60.

Цивилизация (от лат. *civilis* – государственный, гражданский) – термин, обозначающий конкретно-историческую ступень материального и духовного развития общества (древняя цивилизация, современная цивилизация). В разных контекстах термин «цивилизация» может употребляться по-разному: как синоним культуры (Тойнби, Данилевский); как антоним культуры, процесс ее деградации (Шпенглер); либо в смысле этапа общественного развития после варварства (де Морган, Энгельс).

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. – 2-е, испр. и доп. изд. – М.: Мысль, 1978. – С. 5–214.
2. Ермолович Д.В. Маслоу // Новейший философский словарь. Научное издание / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 405.
3. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1984. – С. 319–358.
4. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
5. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. – М.: ИФРАН, 1995. – 228с.
6. Майхрович А.С. Идеология: сущность, назначение, возможности. – Мн.: Право и экономика, 2001. – 78 с.
7. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857 – 1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 4. – М.: Политиздат, 1986. – С. 108–135.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. Т. 2. – М.: Политиздат, 1985. – С. 5–508.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. – С. 41-174.
10. Маслоу А. Психология бытия. Пер. с англ. – М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер», 1997. – 304 с.
11. Можейко М.А. Эйдос // История философии: Энциклопедия / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – С. 1299–1300.
12. Платон. Диалоги / Сост., ред. и авт. вступ. статьи А.Ф. Лосев; Авт. примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т.1. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.

Учебное издание

Малыхина Галина Ивановна
Харин Юрий Андреевич
Александрова Людмила Николаевна
Ермолович Дмитрий Валентинович
Дисько Мария Робертовна

**ИДЕОЛОГИЯ
И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ**

Пособие
для студентов, магистрантов и аспирантов БГУИР

Редактор Т.П. Андрейченко
Корректор М.В. Тезина

Подписано в печать
офсетная

Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 6,7

Формат 60x84 1/16.

Печать ризографическая
Тираж 300 экз.

Бумага

Усл. печ. л.
Заказ 565

Издатель и полиграфическое исполнение: Учреждение образования
«Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»
Лицензия на осуществление издательской деятельности №02330/0056964 от 01.04.2004.
Лицензия на осуществление полиграфической деятельности №02330/0133666 от 30.04.2004.
220013, Минск, П. Бровки, 6.